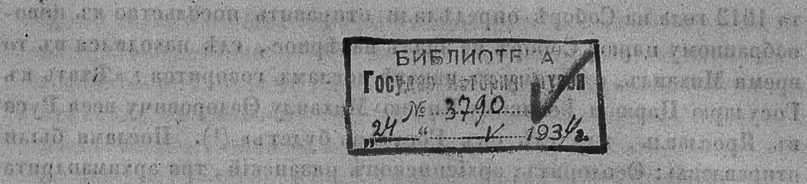
РУССКОЙ ИСТОРИИ

III.

ОБЗОРЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА *.

---

25 февраля 1613 года изъ Москвы посланы были грамоты по всѣмъ городамъ, съ извѣстіемъ объ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича: всего Московскаго государства всякіе люди, отъ мала до велика, и изъ городовъ выборные и невыборные люди писали о своей сердечной радости, что у всѣхъ одно было прошеніе къ Богу и одна мысль въ сердца вмѣстилась — быть на всѣхъ государствахъ русскаго царства государемъ царемъ племяннику покойнаго царя Ѳеодора Ивановича, Михаилу Ѳеодоровичу. Случилось это — продолжаетъ грамота — не по чьему нибудь заводу или крамолѣ: самъ Богъ его государя на такой великій царскій престолъ избралъ, мимо всѣхъ людей, по Своей неизрѣченной милости, и всѣмъ людямъ о его царскомъ избраньи Богъ въ сердца вложилъ одну мысль и утвержденіе (1). Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была по городамъ и форма крестоцаловальной записи, которая отличается краткостію и простотою (2): въ ней не упоминается, напримѣръ, о порчѣ на слѣду, и тому подобномъ, какъ было въ записи Годунова. 2 мар-

---

(*) О предшествовавшихъ событіяхъ см. сочиненіе того же автора: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины Царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ.»

(1) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 4.

(2) Тамъ же, № 5.

та 1613 года на Соборѣ опредѣлили отправить посольство къ новоизбранному царю; Соборъ не зналъ навѣрное, гдѣ находился въ то время Михаилъ, и потому въ наказѣ посламъ говорится: «Ѣхать къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ Государь будетъ» (1). Послами были отправлены: Ѳеодоритъ, архіепископъ рязанскій, три архимандрита — чудовскій, новоспасскій и симоновскій; бояре: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, да окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ, съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. По наказу, послы должны бить челомъ Михаилу Ѳеодоровичу и его матери, чтобъ они умилились надъ остаткомъ христіянскаго рода, чтобъ государь собралъ воедино и принялъ подъ свою самодержавную власть расхищенное православное христіянство, избавилъ его отъ плѣненія польскихъ и литовскихъ людей, всенароднаго слезнаго рыданія не презрѣлъ, и былъ государемъ царемъ на всѣхъ великихъ государствахъ русскаго царства, а служить ему, государю, и прямить и головы свои за него класть всѣ люди отъ мала до велика ради. Въ случаѣ, если бы Михаилъ Ѳеодоровичъ сталъ отказываться отъ престола, послы должны были говорить, что такое великое Божіе дѣло, какъ его избраніе, сдѣлалось не отъ людей и не его, Михаиловымъ, хотѣньемъ, но по избранью Богъ учинилъ его государемъ. Если бы Михаилъ упомянулъ объ отцѣ своемъ, митрополитѣ Филаретѣ, объ опасности, которая угрожаетъ ему отъ польскаго правительства въ случаѣ избранія сына его на мѣсто Владислава, то послы должны были отвѣчать, что бояре и вся земля посылаютъ къ польскому королю и для возвращенія Филарета даютъ въ обмѣну многихъ лучшихъ польскихъ людей. Въ заключеніе наказа говорится: «Да и всякими обычаи бити челомъ и его государя умолять, чтобъ онъ шелъ на свой царскій престолъ не мѣшкая.»

13 марта, въ вечерню, пріѣхали послы въ Кострому (2), объявили о своемъ пріѣздѣ Михаилу Ѳеодоровичу. Онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. Послы дали знать объ этомъ костромскому воеводѣ и всѣмъ гражданамъ, и 14 числа, поднявши иконы, пошли съ крест-

(1) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 6.

(2) Отъ Москвы до Костромы 327 верстъ; слѣдовательно, ѣдучи только днемъ и съ большими разстановками, можно доѣхать туда въ пять дней: если послы выѣхали 3 марта, то употребили на путь одинадцать дней. Итакъ, должно положить, что или 1) послы выѣхали позже третьяго числа; или, во 2), дорога въ началѣ марта была очень дурна; или, въ 3), многочисленный поѣздъ пословъ съ трудомъ могъ двигаться по опустошенной странѣ, или наконецъ, въ 4), послы должны были въ разныхъ мѣстахъ отъискивать пребыванія Михаила.

нымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь; Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, и когда послы начали говорить имъ о томъ, зачѣмъ пріѣхали, то Михаилъ Ѳеодоровичъ отвѣчалъ въ сильномъ волненіи, что онъ государемъ быть не желаетъ. Марѳа Іоанновна прибавила, что и она не благословляетъ сына на царство. Въ церкви послы подали Михаилу Ѳеодоровичу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ. Причины отказа были важныя: Марѳа Іоанновна говорила, что сыну ея нельзя быть государемъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ, во первыхъ потому, что онъ еще въ несовершенныхъ лѣтахъ; во вторыхъ потому, что Московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили; упомянула объ измѣнѣ Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Шуйскаго, потомъ продолжала: «Видя въ людяхъ Московскаго государства такія измѣны, непостоянства и крестопреступленія, какъ быть на Москвѣ и прирожденному государю? Кромѣ того, Московское государство отъ польскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ раззорилось до конца; прежнія великихъ государей, изъ давнихъ лѣтъ скопленныя сокровища литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы и запустошены, а служилые люди бѣдны: такъ чѣмъ будетъ государю служилыхъ людей жаловать, свои обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Марѳа Іоанновна заключила, что согласиться Михаилу Ѳеодоровичу быть царемъ значитъ погубить себя и отца своего, который и теперь у польскаго короля въ великомъ утѣсненіи; а узнаютъ въ Польшѣ, что избранъ на царство сынъ его, то король сейчасъ же велитъ надъ митрополитомъ Филаретомъ какое нибудь зло сдѣлать; безъ отцовскаго же благословенія Михаилу быть на царствѣ никакъ нельзя.

Послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по волѣ Божіей, а не его хотѣньемъ, тогда какъ прежніе государи — царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень, царевича Димитрія, началъ дѣлать многія неправды, и Богъ его каралъ, за непорочную кровь, богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка по своимъ дѣламъ злую смерть принялъ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не хотѣли, отъ Московскаго государства отложились, и во всѣхъ людяхъ Московскаго государства были рознь и междоусобія. А теперь Московскаго государства люди *наказались* всѣ и пришли въ соединенье во всѣхъ городахъ. Послѣднее выраженіе замѣчательно: люди Московскаго государства наказались всѣ,

т. е. научились опытомъ, какой характеръ носили смуты междуцарствія, узнали, что явленіе самозванцевъ и сверженіе царей было слѣдствіемъ внутренней болѣзни государства, которая излечена напряженіемъ здоровой части народонаселенія: всѣ люди пришли въ соединенье во всѣхъ городахъ: кого разъ выбрали граждане, тотъ будетъ крѣпокъ на престолѣ. Цѣлыхъ шесть часовъ послы упрашивали Михаила Ѳеодоровича и Марѳу Іоанновну исполнить желаніе земли, «чтобъ государь воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ», и кончили словами, что Богъ взыщетъ на немъ конечное раззореніе государства. Тогда наконецъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его объявили, что полагаются во всемъ на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марѳа Іоанновна благословила сына, Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ прошенье земли и «государемъ учинился въ царскомъ нарѣченьи, посохъ и благословеніе отъ архіепископа и отъ всего освященнаго собора принялъ, всѣмъ посламъ велѣлъ быть у своей царской руки, и свое государево жалованное слово о своемъ походѣ сказалъ, что походъ его государевъ будетъ къ Москвѣ вскорѣ.»

Такъ описываютъ послы исполненіе возложеннаго на нихъ порученія. Мы видѣли, что Соборъ отправлялъ пословъ за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на сѣверъ, самъ не зная еще точно, гдѣ находился новоизбранный царь; причиною этого незнанія было, быть можетъ, и намѣреніе Михаила Ѳеодоровича скрыть себя отъ враговъ, потому что избраніе его грозило прекращеніемъ смутъ въ государствѣ, и тѣ, которые желали ихъ продолженія, могли бы погубить новоизбраннаго государя; такъ извѣстно, что когда Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ своей костромской вотчинѣ, отряды поляковъ отъискивали его убѣжище; въ этихъ поискахъ они захватили крестьянина Ивана Сусанина, изъ села Домнина, принадлежавшаго Михаилу Ѳеодоровичу; поляки страшными муками вывѣдывали у Сусанина, гдѣ скрывается Михаилъ; Сусанинъ зналъ объ этомъ, но вытерпѣлъ всѣ муки и не сказалъ (*).

19 марта выѣхалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Костромы въ Ярославль, куда прибылъ 21 числа.

Въ другой разъ сталъ этотъ городъ мѣстомъ великаго народнаго стеченія и торжества: недавно ярославскіе жители видѣли ополченіе Пожарскаго; теперь видѣли желанный конецъ подвиговъ этого ополченія. Ярославцы и съѣхавшіеся къ нимъ отовсюду дворяне, дѣти боярскіе, гости, люди торговые, съ жонами и дѣтьми, встрѣти-

(*) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 50.

ли новаго царя, поднесли ему образа, хлѣбъ, подарки, отъ радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаилъ Өеодоровичъ писалъ изъ Ярославля въ Москву, какъ были у него въ Костромѣ послы отъ Собора, какъ онъ отклонялъ предложеніе ихъ и по какимъ причинамъ, какъ наконецъ согласился принять престолъ; письмо оканчивалось слѣдующими словами: «А сдѣлалось то волею Божіею и Московскаго государства всѣхъ васъ и всякихъ чиновъ людей хотѣньемъ, а нашего на то произволенія и хотѣнья не было ([1]). И вамъ бы, боярамъ нашимъ и окольничимъ и проч. и всякимъ людямъ Московскаго государства, на чемъ вы намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служити и прямити, и воровъ никого царскимъ именемъ не называть и ворамъ не служить, и грабежей бы у васъ и убивствъ на Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было, и быти бы вамъ межъ себя въ соединеньи и любви; на чемъ есте намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу ради жаловать.» Кто писалъ эти грамоты — неизвѣстно; вѣроятно, кто нибудь изъ пословъ же или дьяковъ, при нихъ находившихся ([2]). Изъ Ярославля Михаилъ Өеодоровичъ выѣхалъ 16 апрѣля, но долго медлилъ на дорогѣ; причиною замедленія было, во первыхъ, то, что въ Москвѣ еще не было готово для него помѣщенія: въ концѣ апрѣля бояре писали государю ([3]): «Хоромы изготовили тебѣ Государю мы, холопи твои, полату золотую, что отъ Благовѣщенья къ Красному Крыльцу, да отъ нее сѣни передніе, полату переднюю, да двѣ комнаты, гдѣ живалъ Государь Царь Иванъ Васильевичъ, что слылъ чердакъ Государыни Царицы Настасьи Романовны, да палату грановитую, и въ нихъ внутри все строеніе подѣлано на ново, да сдѣлали мы, Государь, мыленку на старомъ мѣстѣ, гдѣ стояла при Царѣ Борисѣ и при Царѣ Васильѣ; а матери твоей, Государыни нашей, старицѣ инокѣ Мареѣ Ивановнѣ, устроены хоромы въ Вознесенскомъ дѣвичьи монастырѣ, гдѣ жила царица инока Мареа; а тѣхъ, Государь, полатъ, что ты указалъ подѣлать и хоромы Царя Васильевы Царицы намъ, холопемъ твоимъ, вскорѣ подѣлати немочно и не чѣмъ: денегъ въ твоей государевѣ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, а полаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ въ нихъ и лавокъ, и дверей и окончинъ нѣтъ, дѣлать все

([1]) Собр. гос. гр. и дог., т. III, №№ 11 и 12.

([2]) Послы пишутъ въ Москву къ боярамъ: «И вамъ бы, господа, государеву печать и боярскій списокъ прислати; а у насъ, господа, за государевою печатью многіе государевы грамоты стали.» Дворц. Разр. Прилож. № 4.

([3]) Дворц. Разр. Прилож. № 50.

на ново, и лѣса такова, каковъ на ту подѣлку пригодится, нынѣ вскорѣ не добыть.» Кромѣ того были еще другія причины замедленія: Михаилъ Θеодоровичъ сильно негодовалъ на московскихъ бояръ, что они не принимаютъ никакихъ мѣръ для прекращенія разбоевъ: 23 апрѣля, только что Михаилъ Θеодоровичъ пришелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, явилась къ нему толпа дворянъ, ограбленныхъ и израненныхъ, съ жалобою, что такъ поступили съ ними казаки, стоящіе въ Мытищахъ и на Клязьмѣ; 25 апрѣля явились въ Дмитровъ изъ окрестныхъ селъ крестьяне «зженые и мученые огнемъ, а жгли и мучили ихъ козаки»; приходили вѣсти о такихъ же поступкахъ казаковъ и во многихъ другихъ мѣстахъ; вотъ почему 26 апрѣля, въ Троицкомъ монастырѣ, Михаилъ Θеодоровичъ и старица Марθа Іоанновна «съ великимъ гнѣвомъ и со слезами» выговаривали земскимъ посламъ, что они извѣщали, будто всѣ люди Московскаго государства пришли въ чувство, а теперь отовсюду только и слышно, что о казацкихъ разбояхъ; Михаилъ Θеодоровичъ объявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не вступитъ въ Москву, пока не прекратятся разбои ([1]). 30 апрѣля бояре отправили пословъ къ государю въ село Братовщину съ извѣстіемъ, что противъ казаковъ приняты строгія мѣры, и съ моленіемъ поспѣшить приходомъ въ Москву. Михаилъ Θеодоровичъ преклонился на просьбу и въ воскресенье 2 мая въѣхалъ въ столицу; помолившись въ соборахъ, онъ отправился во дворецъ, гдѣ и помѣстился, а мать его стала жить въ Вознесенскомъ монастырѣ. «Людие же — говоритъ лѣтописецъ — увидѣша себѣ свѣтъ, не имяху себѣ вѣры, не чаяху такія себѣ радости, и пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобъ государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ.» Несмотря на то, вѣнчаніе происходило 11 іюля ([2]), почти черезъ три мѣсяца; такой медленности могли быть двѣ причины: во первыхъ, расхищеніе казны царской; во вторыхъ, ожиданіе, не возвратится ли митрополитъ Филаретъ. Царское вѣнчаніе было совершено по прежнему обычаю; первенствовалъ митрополитъ казанскій Ефремъ, второе мѣсто занималъ Кириллъ ростовскій. Изъ вельможъ явились дѣйствующими при торжествѣ: Кремлевскій *сидѣлецъ* и такъ долго усердный приверженецъ Владислава, князь Θед. Ив. Мстиславскій: онъ трижды осыпалъ царя деньгами при выходѣ его изъ соборовъ; корону держалъ родной дядя царскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, скипетръ — князь Трубецкой, яблоко, или державу — князь Д. М. Пожар-

---

([1]) Дворц. Разр. Прилож. № 52.

([2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Дворц. Разряд. Іюня, на память св. великомученицы Евфиміи Прехвальныя; но св. Евфиміи бываетъ 11 іюля, а не іюня.

жаловались на раззоренье, просили льготъ, и правительство, чтобъ возстановить торговлю, исполняло ихъ просьбы, «для иноземства и для бѣдности и раззоренья» (¹). Въ отдаленныхъ городахъ оказывалось явное сопротивленіе финансовымъ мѣрамъ правительства. Но такіе безпорядки могли имѣть мѣсто только въ отдаленныхъ углахъ государства; большинство же граждан было за нарядъ не забыло словъ своего выборнаго, что должно пожертвовать всѣмъ, и помогло правительству окончить тяжкія войны внутреннія и внѣшнія.

Когда Москва присягнула Михаилу Ѳеодоровичу и отправлены были духовныя лица съ дворянами во всѣ города приводить жителей къ крестному цалованію, когда всѣ присягали охотно, одинъ Никаноръ Шульгинъ хотѣлъ помѣшать общему дѣлу и 15 марта писалъ въ Москву къ боярамъ, что онъ и всѣ ратные люди Казанскаго государства присягнули царю Михаилу Ѳеодоровичу, но что ратные люди, взявши съ собою запасовъ только на три мѣсяца, приговорили возвратиться изъ Арзамаса въ Казань (²). Но, какъ видно, это письмо было только хитростію: лѣтописецъ разказываетъ, что Шульгинъ оставилъ войско въ Арзамасѣ и пошелъ въ Казань, чтобъ возмутить оттуда казаковъ; въ этомъ городѣ добрые граждане имѣли верхъ, и когда Шульгинъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ, то уже тамъ ждали его послы изъ Казани съ объявленіемъ о признаніи Михаила Ѳеодоровича и съ запрещеніемъ въѣзда въ ихъ городъ: «въ Казань тебѣ ѣхати не по што», сказали послы и посадили его подъ стражу; послѣ онъ сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Шульгинъ надѣялся на казаковъ, и казаки еще не теряли надежды: у нихъ оставался Заруцкій. Еще будучи въ Ярославлѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ указъ въ Москву боярамъ отправить войско противъ Заруцкаго, и войско было отправлено подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Никитича Одоевскаго Меньшого. У Воронежа встрѣтились воеводы съ Заруцкимъ, начали биться и, по сказанію лѣтописи, ничего ему не сдѣлали (³): Заруцкій перебилъ много воронежцевъ, переправил-

---

выжгли, и вотчины монастырскія отъ войны Литовскихъ людей раззорены и запустѣли.»

(¹) Собр. гос. гр. и дог., т. III, №№ 14, 17; Акты Арх. Эксп. III, № 17.

(²) Дворц. Разр. Прилож. № 7 и № 36.

(³) Такъ въ лѣтописи; но въ Дворцовыхъ Разрядахъ читаемъ: «Изъ Донкова писали къ Государю воеводы Князь Иванъ Одоевскій съ товарищи, что они по государеву указу пришли въ Донковъ, а Заруцкой стоитъ на Лебедяни и надъ нимъ промышлять... И какъ къ нимъ ратные люди въ сходъ пришли, и они, прося у Бога милости, собрався со всѣми людми, пошли къ Воронежу и воровъ Ивашка Заруцкаго и Маринку съ казаки сошли у Воронежа, и съ Иваш-

ся за Донъ и пустился съ Мариною къ Астрахани степью. Маринѣ не хотѣлось итти такъ далеко: она звала Заруцкаго въ Литву; еще въ Епифани у казаковъ былъ *кругъ* по этому предмету, гдѣ рѣшено было пробраться къ Волгѣ [1]. Нѣкоторые казаки не хотѣли слѣдовать въ степь за Заруцкимъ и пришли съ повинною въ Москву, говоря, что вслѣдъ за ними будутъ и другіе ихъ товарищи; царь простилъ ихъ и послалъ подъ Смоленскъ. Между тѣмъ воевода Одоевскій писалъ къ казакамъ на Волгу [2], «что нынѣ атаманы и казаки многіе по вѣрѣ христіанской побораютъ враговъ и разорителей доходятъ и Литовскую землю воюютъ, а въ великихъ государя нашего государствахъ строится все доброе, всякіе люди пришли въ познанье и межъ себя учинились въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи; только въ одной Астрахани, отъ всего Московскаго государства отлучася, вѣдомый воръ и желатель крови христіанской, Черкашенинъ Ивашка Заруцкій съ Маринкою заводятъ воровство и смуты». Воеводы увѣщевали казаковъ, чтобъ они не приставали къ Заруцкому и къ люторкѣ еретицѣ Маринкѣ, а шли бы въ сходъ къ нимъ, воеводамъ, и промышляли съ ними вмѣстѣ надъ ворами: «а если въ чѣмъ нибудь скудны, то съ нами государевъ запасъ, и вино, и денежная казна и сукна есть: ничѣмъ скудны не будете». Воеводы писали и къ жителямъ Астрахани съ увѣщаніемъ оставить Заруцкаго [3]: «Сами знаете — писали воеводы — какое нынѣ у васъ въ Астрахани зло учинилъ: кровь многую православныхъ христіанъ пролилъ, окольничаго и воеводу князя Ив. Дмитр. Хворостинина и иныхъ многихъ безъ милости побилъ, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣлъ; Заруцкій съ Маринкою о разлитьи крови христіанской не жалѣютъ, то себѣ въ похвалу ставятъ, отъ истины на ложь соблазняютъ, и съ Персидскимъ Шахомъ ссылаются, Астраханское царство и всѣхъ васъ православныхъ христіанъ Шаху отдать хотятъ, и великаго государя съ Шахомъ Аббасомъ поссорить».

Возбуждая противъ Заруцкаго волжскихъ казаковъ, московское правительство возбуждало противъ него и орду Ногайскую, извѣщая князя ея Иштерека, что Заруцкій выпустилъ въ Астрахани изъ

комъ Заруцкимъ бились два дни безъ престани и Божіею милостію, его государевымъ счастіемъ, воровъ Ивашка Заруцкаго и казаковъ побили на голову, и нарядъ и знамена, и обозъ взяли, и языки многіе поимали, и кони всѣ отбили. И съ того бою воръ Ивашка Заруцкой, съ невеликими людми, побѣжалъ на поле, за Донъ, къ Медвѣдицѣ. И онъ князь Иванъ Одоевской съ товарищи съ того бою пришли на Воронежъ, со всѣми людми, а съ Воронежа пошли на Тулу».

(1) Дворц. Разр. Прилож., № 27.

(2) Акты Арх. Эксп. т. III, № 18.

(3) Тамъ же, № 19.

скій; былъ тутъ и дьякъ Василій Сыдавный: онъ держалъ блюдо (1). За вѣнчаніемъ слѣдовалъ трехдневный пиръ (2), на которомъ приглашенные должны были сидѣть безъ мѣстъ. Милостей было немного: произведенъ былъ въ бояре князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, двоюродный братъ царя, да князь Д. М. Пожарскій; Козьма Мининъ возведенъ въ санъ думнаго дворянина. Что касается до князя Трубецкаго, то еще вся земля дала ему въ потомственное владѣніе волость Вагу (3), но подтверждено это пожалованіе царемъ не ранѣе 1614 года.

Разныхъ льготъ и милостей для народа быть не могло при вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича, потому что расхищенная казна нуждалась въ деньгахъ. Такъ 24 мая царь писалъ къ Строгановымъ (4): «Бьютъ намъ челомъ дворяне и дѣти боярскіе, атаманы и козаки, стрѣльцы и всякіе ратные люди, что будучи подъ Москвою, они потерпѣли многія нужды и страсти, и кровь проливали, помѣстья и вотчины ихъ отъ войны раззорились и запустѣли, отъ чего службы своей нести имъ нельзя; стрѣльцы и козаки также отказываются служить за великою бѣдностію, потому что служивую рухлядь свою всю проѣли; а въ нашей казнѣ, на Москвѣ, денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, и служилымъ людямъ жалованья дать нечего. Выходцы и языки въ разспросахъ боярамъ нашимъ сказываютъ, что литовскіе люди хотятъ идти подъ Москву; а въ нашей казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба нѣтъ ни сколько; а что вы, съ своихъ вотчинъ, въ нашу казну платите, намъ про то подлинно невѣдомо. Теперь, по нашему указу, посланъ къ вамъ Андрей Игнатьичъ Вельяминовъ, велѣно ему съ вашихъ вотчинъ, за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и по отписямъ, наши денежные доходы взять сполна и привезти къ намъ. Да у васъ же приказали мы просить взаймы, для христіанскаго покою и тишины, денегъ и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ, что бы можно дать ратнымъ людямъ; а сколько чего въ займы дадите, денегъ, и хлѣбомъ и товаромъ, то приказали мы записывать въ книги, а вамъ давать изъ книгъ выписи, за архимандритовыми, и за игуменскими и за сборщиковыми руками; почему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взять; а мы вамъ тѣ деньги велимъ заплатить тотчасъ, какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ. И вы бы непремѣнно ратнымъ

---

(1) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 16. Дворц. Разр. I, 99.

(2) На другой день вѣнчанія были царскія именины.

(3) Древ. Вивліоѳ. XV, стр. 201. Подлинникъ грамоты находится въ библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древ. Рос. при Московскомъ университетѣ.

(4) Акты Арх. Эксп., т. III, № 3.

людямъ на жалованье изъ животовъ своихъ дали, не оскорбились: лучше всякой милостыни помочь ратнымъ людямъ, и этою помощію Божіи церкви въ лѣпотѣ, и святую непорочную христіанскую вѣру въ цѣлости сохранить, а православныхъ христіанъ отъ нашествія иновѣрцевъ освободить! А что вы дадите, то мы непремѣнно вамъ велимъ заплатить, и службу вашу къ намъ и радѣнье ко всему Московскому государству учинимъ на вѣки памятну.» Духовенство, отъ имени всего Собора, писало о томъ же Строгановымъ (1); въ его грамотѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Ратные люди Великому Государю бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ и къ боярамъ приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ всякій день, жалуются, что они отъ многихъ службъ и отъ польскаго разворенія обѣдняли, ѣсть нечего, и отъ того изъ нихъ многіе по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ и бьютъ, а унять ихъ никакими мѣрами, не давши жалованья, нельзя; такъ если имъ не будетъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то имъ службы нести нельзя, и отъ бѣдности поневолѣ всѣ пустятся воровать, грабить и разбивать. И нынѣ мы, Царскаго Величества и ваши богомольцы, Митрополиты, Архіепископы, Епископы, архимандриты, игумены, и весь освященный соборъ, также Царскаго Величества бояре и окольничіе, и всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царства, поговоря на вселенскомъ соборѣ, били челомъ Государю, чтобъ онъ Великій Государь послалъ къ вамъ, во всѣ города, для денежныхъ сборовъ и хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ сборщиковъ, дворянъ большихъ, отъ своего царскаго лица и отъ насъ отъ всѣхъ, вскорѣ, чѣмъ бы ему Великому Государю всякихъ ратныхъ людей пожаловать.» Въ заключеніе духовенство благословляетъ тѣхъ, которые исполнятъ требованіе царя и собора, и грозитъ клятвою ослушникамъ. Такія же точно грамоты разосланы были по всѣмъ городамъ (2).

Ратные люди грабили по дорогамъ, не получая жалованья; но и сборщики податей, ѣздя по областямъ за жалованьемъ для ратныхъ людей, не всегда поступали добросовѣстно, такъ что правительство вынуждаемо было отзывать нѣкоторыхъ и на самихъ крестьянъ возлагать обязанность сбирать деньги и привозить въ Москву (3). Монастыри жаловались на разворенье отъ литовскихъ людей, просили правъ и льготъ, старыхъ и новыхъ (4); купцы иностранные также

(1) Акты Арх. Эксп., т. III, № 4.

(2) Тамъ же, т. III, № 5.

(3) Акты историч., т. III, № 3.

(4) Акты Арх. Эксп. III, № 1; № 11; Акты историч. III, № 2; Акты Арх. Эксп., т. III, № 9: Челобитная Переясла скаго Никольскаго монастыря: «Монастырь Николы Чудотворца Польскіе и Литовскіе люди разорили, церкви и кельи

тюрьмы врага его, мурзу Джанъ-Арслана (1). Посланы были грамоты и къ донскимъ казакамъ (2): донцы приняли съ честію московскихъ пословъ, извѣстившихъ ихъ объ избраніи новаго царя, обрадовались царскому имени и обѣщались служить и прямить Михаилу Ѳеодоровичу. Такое радушіе было подкрѣплено царскимъ жалованьемъ: послы привезли на Донъ сукна, селитру, свинецъ, зелье и запасы; а съ своей стороны, новое правительство имѣло важныя причины радоваться такому расположенію донскихъ казаковъ: они могли умножить шайки Заруцкаго, они въ это время вели безпрестанныя войны съ турками, чѣмъ раздражали султана противъ Москвы, подъ властію которой они состояли; новое правительство прежде всего хотѣло мира съ сосѣдями и потому должно было уговорить донцовъ прекратить поиски надъ Азовомъ; казаки обѣщались быть въ мирѣ съ этимъ городомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе послы не возвратятся изъ Константинополя, но требовали жалованья, чтобъ было чѣмъ имъ прокормиться и одѣться во время мира съ турками. Царь согласился на это, обѣщалъ и больше, сверхъ того послалъ на Донъ знамя.

Скоро пришла въ Москву страшная вѣсть, что Заруцкій ссылается съ волжскими и другими сосѣдними казаками, сзывая ихъ на обычную войну съ государствомъ. Тогда грамоту за грамотой стали посылать изъ Москвы на Донъ и на Волгу: сперва отъ царя, потомъ отъ духовенства, наконецъ отъ бояръ и отъ всякихъ чиновъ людей, съ увѣщаніемъ не соединяться съ Заруцкимъ, но стоять противъ него (3): эти грамоты замѣчательны тѣмъ, что содержатъ въ себѣ нѣкоторыя подробности о Заруцкомъ; по ихъ словамъ, онъ первое злое дѣло Московскому государству завелъ: «думнаго дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который прежде всѣхъ за неправду Жигимонта короля и польскихъ людей сталъ, учиня сеймъ, велѣлъ совѣтникамъ своимъ убить, чѣмъ бы польскихъ людей обнадежить». Здѣсь отдана честь Ляпунову, — честь перваго возстанія, тогда какъ въ другихъ грамотахъ о немъ ни слова не упоминается, и вся честь приписывается Трубецкому. Далѣе въ грамотахъ говорится, что, будучи еще подъ Москвою, по смерти Ляпунова, Заруцкій взялъ къ себѣ поляковъ Евстаѳія Валявскаго да Казановскаго и другихъ и вмѣстѣ съ ними умышлялъ на разореніе Московскаго государства, звалъ къ себѣ тайно и гетмана Сапѣгу со всѣмъ войскомъ, ссылался съ поляками, осажденными въ Кремлѣ и Китаѣ,

(1) Акты Арх. Эксп., т. III, № 20.
(2) Тамъ же, № 21.
(3) Тамъ же, №№ 21—26.

обѣщалъ имъ зажечь станъ подмосковный въ то время, какъ они сдѣлаютъ вылазку изъ города; но лазутчики его схватили и пытали, а пановъ Валявскаго и Казановскаго казнили всею ратью. Грамота даетъ знать также, что еще въ 1612 году Сигизмундъ присылалъ къ Заруцкому ротмистра Синявскаго, съ убѣжденіемъ мутить Московское государство до тѣхъ поръ, пока онъ, король, заключитъ миръ съ турками и заплатитъ жалованье войску, а тамъ онъ пойдетъ на Москву, и когда овладѣетъ ею, то дастъ Заруцкому въ вотчину Новгородъ Великій, или Псковъ съ пригородами, или Смоленскъ, и учинитъ его у себя великимъ бояриномъ и владѣтелемъ. Чтобъ грамоты были дѣйствительнѣе для казаковъ, послали на Волгу деньги, сукна, вина, съ обѣщаніемъ жаловать свыше прежнихъ государей. Послано было новое увѣщаніе къ жителямъ Астрахани отстать отъ Заруцкаго, за что царь обѣщалъ полное прощеніе ихъ вины (*); наконецъ отправлены двѣ грамоты и къ самому Заруцкому отъ царя и духовенства: царь обѣщалъ помилованіе въ случаѣ обращенія; духовенство грозило проклятіемъ въ случаѣ ослушанія царской грамотѣ. Донскіе казаки писали къ волжскимъ своимъ собратіямъ о покоѣ и тишинѣ, но въ чрезвычайно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вѣроятно потому, что казаки имѣли о покоѣ и тишинѣ очень неясное, неопредѣленное понятіе; о Заруцкомъ не упоминаютъ они ни слова; слогъ грамоты очень любопытенъ: «Великому и славному рыцарскому Волжскому и Терскому и Яицкому войску, и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и козакамъ и всему великому войску. Прислалъ къ намъ Самодержавный Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Руси свои царскія грамоты и жаловальное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запасъ; и мы къ вамъ, господа, послали его царскія грамоты ко всему войску, и въ Астрахань, и къ Заруцкому, и ко всѣмъ чинамъ Русскаго царства и Московской области, чтобъ Господь Богъ гнѣвъ свой отвратилъ и на милосердіе преложилъ, чтобъ вы воспріяли покой и тишину, въ соединеньи были душами и сердцами своими, а ему Государю служили и прямили, бездѣльникамъ не потакали. Заднее забывайте, на переднее возвращайтеся, ожидайте, государи, будущихъ благъ, а вѣдаете и сами святаго Бога писанье: тысяща лѣтъ яко единъ день, а день единъ яко тысяща лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, и мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; а вы, господа наши, на насъ не дивитесь». Любопытна и надпись грамоты: «Великія Россійскія державы и Мо-

(*) Акты Арх. Эксп. III, № 27.

сковскія области оберегателямъ, Волжскимъ и Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску».

Мы видѣли, какъ московское правительство старалось отвести отъ Заруцкаго князей ногайскихъ и казаковъ; эти старанія имѣли успѣхъ не совсѣмъ полный. Ногайскій князь Иштерекъ сначала находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ Заруцкому, но потомъ далъ ему въ заложники сыновей и поклялся, что весною пойдетъ со всѣми ногаями осаждать Самарскую крѣпость; самъ Заруцкій объявилъ, что весною же отправится на стругахъ вверхъ по Волгѣ, противъ льду, съ пушками, подъ Самарскій городъ и подъ Казань; городъ Терскій объявилъ себя за Заруцкаго. Но въ Астрахани не всѣ были за него; большинство гражданъ повиновались неволею и съ нетерпѣніемъ ждали государевыхъ полковъ. Зимою, передъ Николинымъ днемъ, Заруцкій и Марина выслали въ міръ какую-то грамоту и велѣли всякихъ чиновъ людямъ прикладывать къ ней руки, а смотрѣть въ нее не дали никому и духовенство и всѣ люди прикладывали руки поневолѣ. Марина видѣла нерасположеніе гражданъ и боялась возстанія; памятенъ ей былъ страшный звонъ московскихъ колоколовъ 17 мая; она боялась того же и въ Астрахани и запретила ранній благовѣстъ къ заутренямъ, подъ предлогомъ, что звонъ пугаетъ ея маленькаго сына. Днемъ и ночью, на пыткахъ и казняхъ лилась кровь добрыхъ людей, а Заруцкій разъѣзжалъ гулять за городъ съ ногайскими татарами, которые въ числѣ пяти или шестисотъ пили и ѣли у него съ утра до вечера: онъ прикармливалъ татаръ, желая заставить ихъ итти съ собою на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань; онъ говорилъ: «Знаю я московскіе наряды: покамѣсть люди съ Москвы пойдутъ, я до той поры Самару возьму, да и надъ Казанью промыслъ учиню». Заруцкій надѣялся также на шаха; но персидскіе купцы увѣряли гражданъ, что Аббасъ Астрахани не возьметъ, своихъ людей не пришлетъ и казны Заруцкому не дастъ, потому что не захочетъ вражды съ Московскимъ государствомъ. Что̀ касается до волжскихъ казаковъ, то ближайшая къ Астрахани станица подъ атаманомъ Верзигою тянула къ вору; но въ верхнихъ городкахъ казаки были противъ Заруцкаго. Очевидцы разсказывали, что когда пришла туда съ Дону извѣстная уже намъ грамота, то съѣхавшіеся казаки, выслушавъ ее, обрадовались, Заруцкаго, Марину и сына ея проклинали и ругали; они говорили: «отъ нашего воровства уже и такъ пролилось много христіанской крови, много святыхъ обителей и церквей Божіихъ разорено: такъ уже теперь намъ больше не воровать, а приклониться къ Государю царю Михаилу Ѳеодоровичу и ко всей землѣ» (*). Но

(*) Акты историч. III, №№ 248, 251.

казаки хотѣли сдѣлать службу государю и всей землѣ какъ можно для себя выгоднѣе: для этого они сбирались ѣхать въ Астрахань, взять у вора обманомъ жалованье, да и учинить надъ нимъ промыселъ; потомъ сбирались итти на море, дожидаться шаховыхъ судовъ, чтобъ ихъ погромить; а если не удастя погромить персидскіе корабли, то итти подъ Астрахань грабить татарскія юрты: пока змѣя въ норѣ, такъ тутъ надъ нею и промыселъ чинить, говорили атаманы. Но молодые казаки говорили иное: «Намъ все равно, гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ, а то почему намъ и подъ Самарской нейти съ Заруцкимъ?» (1) 560 такихъ охотниковъ до зипуновъ пришло къ Заруцкому въ Астрахань. Говорятъ, что Заруцкій, обрадовавшись приходу казаковъ, хотѣлъ въ самое Свѣтлое Воскресеніе перерѣзать всѣхъ подозрительныхъ ему людей; въ самомъ ли дѣлѣ Заруцкій имѣлъ такое намѣреніе, или только граждане, устрашенные приходомъ казаковъ, подозрѣвали умыселъ — рѣшить трудно; какъ бы то ни было, между гражданами и казаками произошли ссоры; Заруцкій принужденъ былъ запереться въ крѣпости, а граждане сѣли на посадѣ, и въ среду на Страстной недѣлѣ завязался между ними бой (2): въ тоже время пришла вѣсть, что и Терекъ отложился отъ Заруцкаго: здѣсь, какъ и въ Астрахани, не всѣ жители ему благопріятствовали, и не противились ему только потому, что были далеко отъ Москвы и не получали оттуда никакихъ вѣрныхъ извѣстій. Терскій воевода Петръ Головинъ былъ особенно подозрителенъ Заруцкому, такъ что тотъ послалъ уже взять Головина и привезти его въ Астрахань; но терскіе люди не выдали воеводу и сказали посланцамъ астраханскимъ: «али вы и Петра Головина хотите погубить, какъ погубили князя Ивана Хворостинина? намъ съ вами въ совѣтѣ не быть, и отъ Московскихъ Чудотворцевъ не отстать!» (3) Въ половинѣ Великаго поста пріѣхалъ на Терекъ Михайло Черный отъ Заруцкаго; Черный пробирался въ Кабарду, возбуждать горцевъ на Русь; но терскіе люди, будучи уже въ разрывѣ съ Заруцкимъ, и подозрѣвая его въ дурныхъ замыслахъ насчетъ ихъ города, схватили Чернаго и привели на допросъ къ воеводѣ; сначала Черный не хотѣлъ ничего говорить о замыслахъ Заруцкаго, но потомъ на пыткѣ объявилъ, что Заруцкій неистовствуетъ въ Астрахани, гдѣ большинство жителей не на его сторонѣ, казнитъ, сажаетъ въ воду добрыхъ людей, духовенство, грабитъ ихъ имѣнія, святотатствуетъ: взялъ изъ Троицкаго монастыря ка-

(1) Акты историч. III, № 257.
(2) Тамъ же, № 265.
(3) Тамъ же, № 257.

дило серебряное и слилъ себѣ изъ него стремя; сердится на Терскій городъ, хочетъ быть тамъ на Великъ день, казнить воеводу Головина и съ нимъ многихъ людей. Послѣднее извѣстіе побудило воеводу и весь *міръ* къ мѣрамъ рѣшительнымъ: они тотчасъ же цаловали крестъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и отправили подъ Астрахань стрѣлецкаго голову Василія Хохлова съ 700 человѣкъ. Прибывъ подъ Астрахань, Хохловъ привелъ къ присягѣ на имя Михаила Ѳеодоровича ногайскихъ татаръ (¹); въ томъ числѣ обратился также къ царю и извѣстный уже намъ Иштерекъ-Бей; любопытна грамота его князю Одоевскому, написанная по этому случаю (²): «Его милость Царь далъ намъ грамоту, обѣщалъ насъ оборонять отъ всѣхъ враговъ, а мы обязались служить ему во всю жизнь вѣрою и правдою. Между тѣмъ Астраханскіе люди и вся Татарская орда начали тѣснить насъ: «служи, говорятъ, сыну законнаго Царя; весь Христіанскій народъ, собравшись, провозгласилъ Государемъ сына Димитріева. Если хочешь быть съ нами, то дай подписку, да еще и сына своего дай аманатомъ. Не хитри, пестрыхъ рѣчей не води съ нами; не то мы Джанъ-Арслана съ Семиродцами подвинемъ и сами пойдемъ воевать тебя». По этой причинѣ мы и дали улановъ нашихъ аманатами». Въ этой грамотѣ очень наивно представлено затрудни[illegible] положеніе Иштерека въ смутахъ Московскаго государства.

Хохловъ [illegible]пелъ астраханцевъ въ явной войнѣ съ Заруцкимъ; борьба была н[illegible]выгодна для гражданъ, потому что на нихъ съ Кремля были направле[illegible] пушки. 2,000 мужчинъ и 6,000 женъ и дѣтей выбѣжали въ стан[illegible]ъ Хохлову; несмотря на то, Заруцкій, видя, что [illegible] пришла помощь съ Терека, а скоро придетъ и изъ М[illegible]сквы 12 мая, въ ночь, бѣжалъ изъ Астрахани и поднялся немного вверхъ по Волгѣ; Хохловъ бросился за нимъ, нагналъ и нанесъ сильное пораженіе; Заруцкому съ Мариною и сыномъ удалось уйти на море: въ концѣ мая рыбаки видѣли три струга, наполненные людьми, между которыми замѣтили женщину съ ребенкомъ и Заруцкаго. Хохловъ отправилъ снова погоню (³). Между тѣмъ царскіе воеводы, узнавъ, что Заруцкій стѣсненъ въ Астрахани, поспѣшно двинулись къ этому городу; на дорогѣ узнали они, что Астрахань уже очищена отъ воровъ; это извѣстіе, какъ видно, было непріятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала не ему, а Хохлову. Онъ писалъ послѣднему, чтобъ онъ не извѣщалъ царя объ астраханскихъ происшествіяхъ до его прихода,

---

(¹) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 20.
(²) Акты истор., т. III, № 277.
(³) Тамъ же, № 15.

и если уже послалъ гонца, чтобъ воротилъ его съ дороги, «потому что имъ воеводамъ надобно писать къ Государю о многихъ государевыхъ дѣлахъ» (1). Не участвовавъ нисколько въ освобожденіи Астрахани, воевода требовалъ отъ Хохлова, чтобъ тотъ заставилъ граждан сдѣлать ему торжественную встрѣчу: «а насъ велѣть встрѣтить Терскимъ и Астраханскимъ людямъ, по половинамъ, отъ Астрахани верстъ за тридцать или за двадцать» (2). Узнавъ, что Заруцкій бросился на Яикъ, Одоевскій 6 іюня отправилъ туда двухъ стрѣлецкихъ головъ, Пальчикова и Онучина, для его поимки (3). 24 іюня посланные настигли бѣглецовъ, начали битву, но битва шла собственно не съ Заруцкимъ, а съ атаманомъ Усомъ, потому что этотъ Усъ владѣлъ всѣмъ, а Заруцкому съ Мариною не было ни въ чемъ воли (4). Пальчиковъ и Онучинъ осадили казаковъ въ ихъ городкѣ, и тѣ, видя крайность, добили челомъ, цаловали крестъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и выдали Заруцкаго съ Мариною, сыномъ ея и чернецомъ Николаемъ. Это было 25 іюня. Плѣнниковъ привели въ Астрахань, отсюда ихъ отправили въ Казань, «потому что — писалъ Одоевскій (5) — въ Астрахани мы ихъ держать не смѣли для смуты и шатости». Заруцкій былъ отправленъ отдѣльно отъ жены; его провожали 230 стрѣльцовъ, Марину 600; въ случаѣ нападенія сильнѣйшаго воровского отряда провожатымъ велѣно было по[illegible]ковъ (6); изъ Казани ихъ отправили въ Москву: здѣсь Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили, сама она умерла въ тюрьмѣ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ тоже время былъ повѣшенъ и Ѳедоръ Андроновъ (7).

Но кромѣ Заруцкаго оставалось еще много казаковъ, и почти не было ни одной области въ Московскомъ государствѣ, которая бы не страдала отъ ихъ опустошеній. Шайки грабителей разсѣялись по уѣздамъ: Романовскому, Углицкому, Пошехонскому, Бѣжецкому,

(1) Акты Историч. III, № 278.
(2) Тамъ же, № 280.
(3) Тамъ же, № 32.
(4) Тамъ же, № 26.
(5) Тамъ же, № 35.
(6) Тамъ же, № 36.
(7) О расхищеніи Андроновымъ царской казны во время пребыванія поляковъ въ Москвѣ встрѣчаемъ извѣстіе въ помѣстныхъ дѣлахъ (Врем. М. И. О. 1849, № 4): «Булгакъ Миловановъ въ 126 году въ Іюлѣ посыланъ былъ въ Казань для збору денежные казны на жалованье ратнымъ людемъ; и будучи въ Казани многую прибыль учинилъ, и тое денежные казны прислалъ, и съ собою къ Москвѣ привезъ 23,116 рублевъ, 30 алтынъ. Да онъ же въ 130 году сыскалъ государевъ перстень золотъ съ большимъ алмазомъ. Да по евожъ Булгакову разпросу сыскано Государевы Казны и взято у Осташковца у посадцкаго человѣка, что положила у нево Ѳедкина сестра Ондронова».

Кашинскому, Бѣлозерскому, Новгородскому, Каргопольскому, Вологодскому и другимъ; сѣверскіе и украинскіе города были также опустошаемы. Какъ бы предчувствуя скорый конецъ своему безнаказанному грабительству, ожесточенные казаки довели звѣрство до высочайшей степени: «въ древнихъ лѣтѣхъ такихъ мукъ не бяше», говоритъ лѣтописецъ; донесенія воеводъ подтверждаютъ слова его: «Тамъ и тамъ стояли козаки, пошли туда то, села и деревни разорили и повоевали, мы видѣли жженыхъ крестьянъ больше семидесяти человѣкъ, да мертвыхъ больше сорока человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые померли отъ ихъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ.» (*) Особенно отличался между казаками атаманъ прозвищемъ Баловень. 4 сентября 1614 года, государь велѣлъ архіепископу Герасиму суздальскому, чудовскому архимандриту Авраамію да боярину Борису Михайловичу Лыкову съ дьякомъ Богданомъ Ильинымъ ѣхать въ Ярославль съ такимъ порученіемъ: въ прошломъ году присылали бить челомъ государю изъ полковъ о денежномъ жалованьи; государь указалъ послать въ города властей и дворянъ для денежнаго сбора; власти и дворяне писали государю изъ городовъ, что во многихъ мѣстахъ стоятъ казаки и воруютъ, церкви Божіи разоряютъ, образа обдираютъ и всякое поруганье православной христіанской вѣрѣ дѣлаютъ безпрестанно; православныхъ христіанъ побиваютъ, жгутъ и ломаютъ, и всякими различными муками мучатъ, какихъ мукъ до сихъ поръ ни въ какихъ земляхъ не бывало, вслѣдствіе что денежной казны собирать никакъ нельзя, а которая собрана, той провезти нельзя. Узнавъ объ этомъ, государь посылалъ безпрестанно въ города и уѣзды уговаривать атамановъ и казаковъ, чтобъ они перестали воровать, шли на государеву службу; но казаки на государеву службу не пошли и отъ воровства не отстали, до сихъ поръ, стоя въ уѣздахъ, воруютъ, людей побиваютъ, жгутъ и разоряютъ. Послѣ того посылалъ государь къ атаманамъ и казакамъ, которые съ Леонтьемъ Вельяминовымъ, чтобъ они шли на государеву службу подъ Новгородъ: они были на службѣ, а теперь возвратились и пошли въ воровство, стали воровать пуще прежняго, ни съ какими запасами и съ государевою казною не пропустятъ. И говорилъ государь на Соборѣ: «какъ съ тѣми казаками быть, которые, стоя въ уѣздахъ, воруютъ, грабятъ и побиваютъ, собрать ничего не даютъ, а что собрано, того къ Москвѣ не пропускаютъ? Что какъ отъ такого ихъ воровства и тѣ атаманы и казаки, которые государю служатъ, за государя и за все Московское государство умираютъ, вконецъ оскудѣютъ и со службы разъѣдутся?» На Соборѣ духовенство

(*) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 27

и бояре и всякихъ чиновъ люди приговорили: къ атаманамъ и казакамъ, которые стоятъ въ уѣздахъ и государеву землю пустошаютъ, послать изъ властей и изъ бояръ, изъ стольниковъ и изъ дворянъ, изъ дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей, казаковъ, стрѣльцовъ и изо всякихъ чиновъ крѣпкихъ и разумныхъ людей, и велѣть имъ говорить: которые атаманы и казаки хотятъ стоять за имя Божіе, за образъ пресвятыя Богородицы, за святыя церкви, за московскихъ чудотворцевъ и за православную христіянскую вѣру, государю служить и прямить, тѣ должны отъ воровъ отобраться, списки именъ своихъ прислать къ государю и итти на службу, куда государь велитъ; и какъ они на государеву службу придутъ и службу свою покажутъ, тогда государь пожалуетъ ихъ своимъ денежнымъ жалованьемъ. А которые казаки государю служить не станутъ, на тѣхъ воровъ всѣ государевы люди, всею землею, должны стоять за одно и надъ ними промышлять, потому что они хуже Литвы и нѣмцевъ; да и казаками такихъ воровъ называть не должно, чтобъ прямымъ атаманамъ, которые государю служатъ, безчестья не было ([1]). — Въ случаѣ непослушанія, князю Лыкову велѣно было набрать ратныхъ людей и двинуться противъ воровскихъ казаковъ; въ случаѣ, еслибъ дворяне и дѣти боярскіе не захотѣли выступить въ походъ, воеводѣ велѣно было употребить строгія наказанія противъ ослушниковъ — бить по торгамъ кнутомъ и сажать въ тюрьму. Къ воеводамъ городскимъ были разосланы грамоты съ повелѣніемъ: «Приказать биричамъ прокричать нѣсколько разъ, чтобъ воровскихъ казаковъ не пускать въ города, посады, села и деревни, и отнюдь ничего у нихъ не покупать и имъ ничего не продавать, и кто изъ атамановъ и казаковъ куда пріѣдетъ безъ пропускныхъ грамотъ, тѣхъ ловить и сажать въ тюрьму до указу» ([2]).

Посланные къ казакамъ изъ Ярославля отъ князя Лыкова возвратились къ нему и донесли о неуклонномъ свирѣпствѣ казаковъ, по выраженію лѣтописца ([3]). Изъ Тихвина прибѣжали въ Москву атаманы и казаки и сказали боярамъ въ распросѣ, что нѣкоторые изъ нихъ хотѣли служить государю, стали отбираться отъ воровъ и пришли къ воеводамъ, князю Волконскому и Чемесову; но воровскіе казаки пришли на этихъ воеводъ, перехватали и пограбили тѣхъ атамановъ и казаковъ, которые захотѣли прямить государю, многихъ изъ нихъ побили до смерти, а теперь, собрався, стоятъ подъ Тихви-

---

([1]) Собр. гос. гр. и дог. Т. III, № 22.

([2]) Акты Арх. Эксп. Т. III, № 44; Разрядная книга 7123 года, во Временникѣ М. И. Об. № 1, 1849.

([3]) Никон. VIII. Разрядная книга 7123 г., стр. 16.

нымъ и хотятъ итти по городамъ войною. Упомянутыя царскія грамоты о томъ, чтобъ не имѣть съ казаками никакого сообщенія, дурно исполнялись: казаки спокойно пріѣзжали въ посады и уѣзды, продавали награбленное, покупали порохъ и свинецъ (1). Кромѣ воровскихъ казаковъ великороссійскихъ явились еще малороссійскіе, или черкасы, подъ начальствомъ полковниковъ Захара Заруцкаго и Яцкаго. Лыковъ долженъ былъ выступить противъ нихъ изъ Ярославля, настигъ на Волгѣ, за тридцать верстъ отъ Балахны, въ селѣ Василевѣ, и нанесъ сильное пораженіе (2). Покончивъ дѣло съ черкасами, Лыковъ двинулся къ Вологдѣ противъ московскихъ казаковъ; преслѣдованіе было удачно: разбойниковъ ловили, вѣшали; но они отнюдь на то не смотрѣли, говоритъ лѣтопись. Тогда князь Борисъ рѣшился подняться на нихъ со всѣми своими силами: казаки испугались, столпились всѣ вмѣстѣ и пошли подъ Москву, говоря: «Идемъ своими головами Государю бить челомъ». Пришедши подъ Москву, казаки стали по Троицкой дорогѣ, въ селѣ Ростокинѣ, откуда прислали въ столицу бить челомъ, что хотятъ государю служить, воровать впередъ не станутъ и готовы итти на государеву службу. Государь послалъ къ нимъ дворянъ и дьяковъ, чтобъ всѣхъ ихъ переписать; казаки долго не шли на смотръ и едва дали себя переписать; атаманы говорили, что они сами знаютъ, сколько у каждаго изъ нихъ казаковъ. Послѣ смотра начали они по дорогѣ отъ Троицы къ Москвѣ ставить день и ночь сторожи, посылать по всѣмъ дорогамъ подъѣзды и станицы: все провѣдывали про князя Лыкова; а въ Москву къ государю присылали бить челомъ, чтобъ приказано было дать имъ торгъ, а если имъ торгу не дадутъ, то они станутъ воевать и въ загоны посылать; торгъ имъ дать велѣно, только чтобъ въ загоны не ѣздили. Желая, какъ видно, держать казаковъ ближе передъ глазами, государь приказалъ перевести ихъ изъ Ростокина за Москву рѣку и поставить ихъ у Донского монастыря; тогда атаманы и простые казаки начали пріѣзжать въ Москву ратнымъ обычаемъ и говорить, что они московскихъ людей будутъ грабить; а другіе стали разглашать, что если ихъ государь не пожалуетъ, то они пойдутъ къ Лисовскому. Въ такихъ обстоятельствахъ государь написалъ къ князю Лыкову и воеводѣ Бояшеву, чтобъ они скорѣе со всѣми людьми шли подъ Москву проселочными дорогами, тайно и, пришедши подъ Москву, стали, также утаившись, въ какомъ мѣстѣ будетъ удобнѣе. Когда узнали, что Лыковъ и Бояшевъ близко уже отъ Москвы, то государь велѣлъ взять нѣкоторыхъ атамановъ,

(1) Акты Арх. Эксп. Т. III, № 50.
(2) Тамъ же, № 53.

есауловъ и казаковъ для допроса о грабежахъ и убійствахъ, окольничему же Измайлову приказалъ двинуться къ Симонову монастырю и стать противъ казачьихъ таборовъ. Несмотря на увѣренія Измайлова, что онъ пришелъ только оберегать ихъ, казаки испугались и бросились бѣжать по Серпуховской, Оболенской и разнымъ другимъ дорогамъ. Измайловъ пошелъ по ихъ слѣдамъ; къ нему на подмогу явился и Лыковъ; въ Малоярославскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Лужѣ, казаки были разбиты на голову, вслѣдствіе чего добили государю челомъ и цаловали крестъ; князь Лыковъ привелъ въ Москву 3,256 человѣкъ воровскихъ казаковъ; изъ нихъ одного только Баловня повѣсили, да нѣсколько другихъ главныхъ предводителей разосланы по тюрьмамъ.

Но этимъ еще не кончилась казацкая смута. Въ 1616 году государь получилъ вѣсти изъ Владимира, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижняго, что собрались воры, боярскіе холопы и всякіе безыменные люди, а называются казаками; пришли въ Суздальскій, Владимирскій уѣздъ, въ Шую и другія мѣста; по селамъ, деревнямъ и дорогамъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей побиваютъ до смерти, села и деревни жгутъ, крестьянъ пытаютъ, довѣдываясь, гдѣ ихъ пожитки, и хотятъ итти по городамъ. Противъ разбойниковъ приняты были скорыя мѣры: надъ ними промыслили князь Дм. Петр. Лопата-Пожарскій и костромскій воевода Ушаковъ (¹).

Были волненія между татарами и черемисами: въ 1615 году писали государю воеводы изъ Казани и изъ другихъ понизовыхъ городовъ, что казанскіе, свіяжскіе и другихъ городовъ татары и луговая черемиса возмутились, собравшись толпами, повоевали многія мѣста и пожгли, людей побили или забрали въ плѣнъ, отняли дорогу отъ Казани къ Нижнему и грозятся итти даже до Мурома. Для изслѣдованія этого дѣла посланы были въ Казань бояринъ Ромодановскій и думный дворянинъ Кузьма Мининъ (²).

Кромѣ своихъ казаковъ, въ древней землѣ вятичей бродилъ еще Лисовскій. Не успѣвъ ничего сдѣлать Брянску, Лисовскій взялъ Корачевъ и засѣлъ тутъ; противъ него выступилъ князь Д. М. Пожарскій съ другимъ воеводою, Исленьевымъ; у обоихъ было 14,889 человѣкъ войска (³). Въ Бѣлевѣ явились къ князю Дмитрію остатки воровскихъ казаковъ, принесли повинную, цаловали крестъ государю и пошли вмѣстѣ съ московскими полками. Изъ Бѣлева черезъ

(¹) Разрядн. кн. 7124 года, стр. 52, 53.
(²) Дворц. Разр. I, стр. 208.
(³) Разрядн. книга 7123 года, стр. 32 и слѣд.

Болховъ шелъ Пожарскій на Лисовскаго: тотъ испугался осады, выжегъ городъ и пустился верхнею дорогою къ Орлу. Князь Дмитрій, узнавъ объ этомъ движеніи непріятеля, быстро пошелъ также къ Орлу, чтобъ прежде Лисовскаго занять городище: въ одинъ день и въ одно утро столкнулись они въ одномъ мѣстѣ; Иванъ Пушкинъ, шедшій впередъ, началъ бой, и русскіе не устояли противъ Лисовскаго, самъ воевода Исленьевъ обратился въ бѣгство. Не тронулся одинъ Пожарскій и съ 600 человѣкъ долго отбивался отъ 3,000 лисовчиковъ, наконецъ обгородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ. Лисовскій не догадывался, что у Пожарскаго такъ мало людей, и потому не смѣлъ напасть на него, и раскинулъ станъ въ двухъ верстахъ. Пожарскій не хотѣлъ покинуть своего мѣста: «Всѣмъ намъ померетъ здѣсь», отвѣчалъ онъ своимъ ратнымъ людямъ, которые уговаривали его отступить къ Болхову. Вечеромъ возвратился воевода Исленьевъ, ночью начали съѣзжаться и другіе бѣглецы; тогда, на другой день, видя около себя сильную рать, князь Дмитрій началъ наступательное движеніе; Лисовскій быстро снялъ лагерь и сталъ подъ Кромами; видя, что преслѣдованіе не прекращается, въ одну ночь перешелъ 150 верстъ и явился передъ Болховымъ; отбитый отсюда воеводою Волынскимъ, сжегъ Бѣлевъ; потомъ приступилъ было къ Лихвину, потерпѣлъ здѣсь неудачу и сталъ въ Перемышлѣ, откуда воевода съ ратными людьми удалился въ Калугу. Пожарскій остановился въ Лихвинѣ; здѣсь, подкрѣпивъ себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовскимъ; тотъ началъ по прежнему отступать, выжегъ Перемышль и пустился наспѣхъ между Вязьмою и Можайскомъ; Пожарскій отрядилъ за нимъ воеводъ, но самъ, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ, слегъ отъ тяжкой болѣзни и отвезенъ въ Калугу. Съ удаленіемъ Пожарскаго преслѣдованіе кончилось: (*) ратные люди не по-

(*) Въ Разрядной книгѣ 7124 года читаемъ: «Государь Царь и В. Князь Михайло Ѳедоровичь в. Р. указалъ воеводѣ Князю Михайлу Борятинскому со всѣми людьми итти въ сходъ къ стольнику и къ воеводѣ ко князю Василью Туренину, и сомчися надъ Литовскими людми промышлять со княземъ Васильемъ Турениымъ вмѣстѣ; а итти князю Михайлу Борятинскому на спѣхъ днемъ и ночью безъ кошей легкимъ дѣломъ, чтобъ Лисовскаго сойти вскорѣ и поискъ учинить и Замосковныхъ городовъ воевать не дать. И князь Михайло Борятинской шелъ на Лисовскаго въ сходъ ко князю Василью мешкатно, и идучи села и деревни разорялъ, а Лисовской многіе городы повоевалъ. И по государеву цареву и В. К. Мих. Ѳед. в. Р. указу бояре приговорили Князя Михаила Борятинскаго за ево воровство и измѣну, что онъ на Лисовскаго и на Литовскихъ людей шолъ мешкатно, посалить въ тюрьму. И князь Михайло Борятинской посаженъ въ тюрьму въ Суздалѣ. А ратнымъ людемъ, которые были по росписи со князем Михайломъ Борятинскимъ, указалъ Государь быти съ стольникомъ и воеводою со князем Васильемъ Турениным... Да указалъ Государь збиратца съ людьми и итти

шли за Лисовскимъ, потому что казанцы побѣжали въ Казань; воеводы медлили, Лисовскій могъ свободно броситься подъ Ржевъ Володимеровъ, который едва отсидѣлъ отъ него бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ, шедшій на помощь къ Пскову. Стойля отъ Ржева, Лисовскій былъ подъ Кашинымъ и подъ Угличемъ, гдѣ также едва отъ него отсидѣлись. Послѣ этого онъ уже не приступалъ болѣе къ городамъ, но пробирался, какъ тѣнь, между ними, опустошая все на пути; такъ онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромою къ суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владимиромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тулою и Серпуховымъ до Алексина; нѣсколько воеводъ отпущено было въ погоню за Лисовскимъ; но они кружили изъ одного мѣста въ другое, не находя и слѣдовъ чародѣя. Только въ Алексинскомъ уѣздѣ сошелся съ нимъ разъ князь Куракинъ (*), побилъ у него многихъ людей, но не могъ перехватить дорогу въ Литву, куда явился наконецъ Лисовскій послѣ своего изумительнаго въ военныхъ лѣтописяхъ круга и надолго памятнаго въ Московскомъ государствѣ. Съ такою же чудесною быстротою дѣйствовали на отдаленномъ сѣверѣ казаки малороссійскіе:

на Лисовскаго воеводѣ Михайлу Самсонову сыну Дмитріеву.... И Государь указалъ на Резани збиратца съ людьми стольнику и воеводамъ князю Ѳедору Семеновичу Куракину да Ивану Олександрову сыну Колтовскому, а собрався итти на Лисовскаго жъ. — Въ Дворцов. Разряд. 1, 182: И бояринъ кн. Д. М. Пожарскій разболѣлся, а за Лисовскимъ послалъ Князь Дмитрея Лопату-Пожарскаго... И Государь велѣлъ Лопатѣ-Пожарскому по вѣстямъ итти въ Можаескъ, и Лопата писалъ къ Государю, что ратные люди съ службы разбѣжались, а которые и есть и тѣ бѣдны; и по государеву указу самъ въ Можаескъ не пошелъ... И Государь велѣлъ Лопату посадить въ тюрьму въ Можайскѣ, а изъ тюрьмы велѣлъ быть въ ряду со князь Михайломъ Борятинскимъ. Тамъ же, стр. 203: «Послѣ того послалъ Государь Ивана Романова сына Безобразова ко князю Василью Туренину съ товарищи, и будетъ заѣдетъ князя Михайла Борятинскаго въ полкѣхъ, и ему говорить: что ты, князь Михайло сдѣлалъ измѣною, шелъ мѣшкотно, и за твоимъ многимъ воровствомъ Лисовской съ Литовскими людми многіе городы повоевалъ и пожегъ; да велѣно послать въ тюрму тотчасъ.

(*) Разрядная книга 7124 года. Писали къ Государю стольники и воеводы князь Ѳедоръ Куракинъ да князь Василей Туренинъ съ товарищи, что Лисовской изъ резанскихъ мѣстъ пошолъ къ Тулѣ, а онѣ за Лисовскимъ пошли на Тулу жъ, а съ Тулы пошли на Лисовскаго и на Литовскихъ людей тотчасъ рѣзвымъ дѣломъ безъ кошей, и Лисовскаго сошли въ Олексинскомъ уѣздѣ въ Любутцкой волости и съ Лисовскимъ у нихъ былъ бой, и Божіею милостію и Государевымъ счастьемъ многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побили и языки многіе поймали; и Лисовской з бою пошолъ на спѣхъ къ Перемышлю, и онѣ со всѣми людьми шли за Лисовскимъ и за Литовскими людьми до Перемышля; а отъ Перемышля Лисовской и Литовскіе люди пошли въ отходъ рѣзвымъ дѣломъ ко Брянску, а идутъ за рубежъ, и коши и раненыхъ Литовскихъ людей во многихъ мѣстехъ пометали.»

подобной войны, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали русскіе люди, куда и какъ пробирались черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ поморскіе города, воевали Вагу и тотемскія мѣста и устюжскія; потомъ пошли въ Двинскую землю, къ морю, шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ, гдѣ они не были, и вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Сначала нигдѣ не могли остановить ихъ; потомъ въ заонѣжскихъ погостахъ побили ихъ много, а наконецъ олончане добили и послѣднихъ: «Воевали они Московскую землю все проходомъ — говоритъ лѣтописецъ — подъ городами и по волостямъ нигдѣ не стояли, земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же.»

Въ то время, какъ царскія войска должны были гоняться за Заруцкимъ до Каспійскаго моря и кружить за Лисовскимъ и черкасами вплоть до Бѣлаго, въ тоже самое время опустошенное и безпрестанно опустошаемое государство должно было напречь всѣ свои силы для отпора другихъ опасныхъ враговъ: Новгородъ Великій былъ за шведами, и Владиславъ не отказывался еще отъ притязаній на престолъ московскій. Взглянемъ сначала на дѣла новгородскія. 25 декабря 1611 года (*), по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевскаго и всякихъ чиновъ людей отправлены были въ Стокгольмъ къ королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандритъ Никандръ, Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Антоній; изъ свѣтскихъ — Колычевъ, Бабарыкинъ и дьякъ Коншинъ, бить челомъ, чтобъ далъ имъ въ государи одного изъ сыновей своихъ; между прочимъ послы должны были сказать королю: «прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ вашегожъ Варяжскаго княженья; отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ.» Какъ мало были увѣрены новгородскіе послы въ полномъ и общемъ согласіи согражданъ на избраніе королевича и какъ они боялись перемѣны, доказательствомъ служитъ то, что митрополитъ, воевода и всякіе люди должны были поклясться имъ: «Намъ, Митрополиту, архимандритамъ и игуменамъ за нихъ Бога молить, а намъ, Боярину, и дворянамъ, и всякимъ людямъ домы ихъ оберегать, помогать имъ и не выдать, сколько милосердый Богъ помощи подастъ.» Новгородцы отправили этихъ пословъ не отъ однихъ себя, но отъ всего Московскаго государства, надѣясь на согласіе перваго подмосковнаго ополченія; но вожди второго думали иначе: Пожарскому нужно было только временное невмѣшательство Делагарди и новгородцевъ, чтобъ ополченіе на пути къ Москвѣ не было обезпокоиваемо съ тыла; въ этомъ духѣ отвѣчалъ

(*) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 162.

онъ новгородскому послу, князю Оболенскому; въ этомъ же духѣ писалъ къ новгородцамъ и 26 іюля 1612 года (1): «Если, господа, королевичь, по вашему прошенью, васъ не пожалуетъ, и по договору и укрѣпленью воеводы Якова Пунтосовича (Делагарди), въ Великій Новгородъ нынѣшняго года по лѣтнему пути не будетъ; то во всѣхъ городахъ всякіе люди отъ этого придутъ въ сомнѣнье, а намъ безъ государя быть невозможно; сами знаете, что такому великому государству безъ государя долгое время стоять нельзя. А до приходу королевичева Новгородскаго государства всѣхъ чиновъ людямъ съ нами быть бы въ любви и въ совѣтѣ, и войны намъ между собою не начинать, городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому не подводить, людей къ кресту не приводить и задоровъ московскимъ пограничнымъ городамъ никакихъ не дѣлать.» Когда Москва была очищена отъ поляковъ, и новгородцы опять напомнили вождямъ ополченія о шведскомъ королевичѣ, то тѣ отвѣчали (2): «Намъ теперь такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обослався, и не посовѣтовавшись, и не договорившись съ Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ и Нижегородскимъ государствами, и со всѣми городами Россійскаго царства, со всякими людьми отъ мала до велика, однимъ учинить нельзя; мы нынѣ о государевомъ выборѣ писали во всѣ города, чтобъ всѣ города прислали къ намъ въ Москву ихъ думу.» Всѣ города избрали Михаила Ѳеодоровича; новгородцы стали между двухъ огней: отдѣлиться отъ Москвы значило оторваться отъ всѣхъ жизненныхъ началъ; прервать связь съ Швеціею не было никакой возможности: они были въ рукахъ Делагарди.

Еще 12 іюня 1612 года новый король шведскій, Густавъ Адольфъ, прислалъ въ Новгородъ грамоту (3), въ которой извѣщалъ объ отправленіи брата своего Карла-Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться отъ Новгорода и отъ всего Русскаго царства полномочные послы для рѣшенія дѣла. Новгородцы повиновались и отправили въ Выборгъ пословъ бить челомъ королевичу (4), чтобъ шелъ немедленно въ Новгородъ. Начальное лицо посольства, хутынскій архимандритъ Кипріанъ извѣстилъ новгородцевъ (5) о сильномъ негодованіи королевича и его вельможъ на то, что многіе люди изъ Великаго Новгорода отъѣзжаютъ въ Москву; потомъ архимандритъ

(1) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 164.
(2) Тамъ же, № 166.
(3) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 3.
(4) Тамъ же, № 4.
(5) Тамъ же, № 11.

продолжаетъ въ грамотѣ: «Что было у насъ въ наказѣ, то мы исполнили, государю и его вельможамъ много разъ били челомъ; но государь королевичь Карлусъ Филиппъ Карлусовичь и его вельможи намъ отказываютъ, говорятъ, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать, до тѣхъ поръ, пока Владимірское и Московское государства вмѣстѣ съ Новгородскимъ не соединятся. Вамъ про то давно вѣдомо, что государю ни подъ какимъ видомъ на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишете намъ теперь въ грамотахъ, велите промышлять смотря по тамошнему дѣлу: вы насъ такими грамотами съ государемъ и съ его боярами только ссорите, да и себѣ вредите; а намъ какъ промышлять по здѣшнему дѣлу, мимо вашего наказу и вашихъ грамотъ?»

Но если затруднительно было положеніе Кипріана съ товарищами въ Выборгѣ, то не менѣе затруднительно было и положеніе новгородскихъ властей: 25 января 1614 года фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ объявилъ имъ (*): «Его королевское величество хочетъ Новгородскаго государства всякимъ людямъ, безо всякой льстивой отсрочки и отбѣганія, дополна и окончательно мысль свою откровенно объявить: хотите ли вы короля и его наслѣдниковъ своими прямыми государями и королями имѣть и почитать, королю и наслѣдникамъ его прямую и покорную вѣрность оказать, и присоединиться на вѣки къ шведской коронѣ, не какъ порабощенные, но какъ особенное государство, подобно тому, какъ Литва соединена съ Польшею? Его королевскому величеству угодно, чтобъ вы ему и его наслѣдникамъ непремѣнно крестъ цѣловали, какъ великимъ князьямъ Новгородскаго государства; и если Вседержитель Богъ, по своей святой волѣ, даруетъ его королевскому величеству нѣсколько сыновей, то изъ нихъ одному быть государемъ и великимъ княземъ на Новгородскомъ государствѣ, самому жить въ Новгородѣ и владѣть имъ; если же Богъ даруетъ королю только одного наслѣдника, то вы ему и его наслѣдникамъ такимъ же образомъ должны крестъ цѣловать, какъ теперь королю цѣлуете. Если же вы, Новгородскаго государства люди, останетесь при своемъ упрямствѣ, и короля не послушаетесь, то знайте: такъ какъ его королевское величество вашъ городъ мечемъ взялъ, когда вы ни подъ какимъ прямымъ государемъ и властію не были, и васъ противъ всѣхъ недруговъ оборонялъ, то онъ имѣетъ право удержать Новгородское государство за собою и за своими наслѣдниками. Вамъ двумъ государямъ въ одно время служить нельзя, вы уже поддались подъ покровительство короля и шведской короны, и потому дайте рѣшительный от-

(*) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 12.

вѣтъ, чтобъ его королевскому величеству знать, какъ поступать съ вами.» Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ архимандритъ Кипріанъ извѣстилъ новгородцевъ, что королевичъ Филиппъ уѣхалъ изъ Выборга въ Стокгольмъ (*).

Долго не отвѣчали новгородскіе начальники на страшный запросъ; наконецъ, послѣ неоднократнаго повторенія его, выпросили отсрочку, чтобъ о такомъ великомъ царственномъ дѣлѣ посовѣтоваться съ гостями и земскими людьми и взять отъ всякихъ людей о томъ записи, за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками. И въ самомъ дѣлѣ, пятиконецкимъ старостамъ велѣно было немедленно спросить о томъ во всѣхъ улицахъ и слободахъ, у гостей, уличныхъ старостъ, у посадскихъ, жилецкихъ и всякихъ людей; но вопросъ былъ сдѣланъ хитро, не прямо; спрашивали: хотятъ ли цаловать крестъ королю Густаву Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ королевичу Филиппу? Мы видѣли, что не въ такой формѣ предложилъ вопросъ Эвертъ Горнъ; о королевичѣ Филиппѣ не могло быть болѣе и рѣчи, когда онъ отказался отъ Новгорода; новгородскія власти съ намѣреніемъ велѣли спросить о Филиппѣ, зная, что всѣ люди изъявятъ желаніе остаться при немъ, а не соединяться подъ однимъ королемъ съ Швеціею. Чего хотѣли, то и случилось: власти били челомъ Густаву Адольфу, что всѣ люди Новгородскаго государства помнятъ свое крестное цалованіе королевичу Филиппу и за его пресвѣтлѣйшество вездѣ ради головы свои положить; что же касается до обороны отъ недруговъ, которую Шведское королевство будетъ подавать Новгороду, то въ этомъ воленъ Богъ да великій государь королевичъ, какъ его пресвѣтлѣйшество съ его королевскимъ величествомъ, братомъ своимъ, договоритъ и утвердитъ, а имъ, подданнымъ холопамъ его пресвѣтлѣйшества, о такомъ великомъ дѣлѣ мимо великаго государя своего королевича договариваться и укрѣпляться нельзя, потому что въ Новгородскомъ государствѣ и въ нихъ, холопахъ своихъ, воленъ государь королевичъ. Бьемъ челомъ — заключали новгородцы свое прошеніе — и молимъ ваше королевское величество со слезами, чтобы вамъ, по своему природному и благонравному обычаю, пожаловать умилосердиться надъ нами, позволить, чтобъ было все по прежнему, какъ договорился и укрѣпился съ Новгородскимъ государствомъ вашего королевскаго величества бояринъ и воевода Яковъ Пунтусовичъ Делагардъ святымъ Евангеліемъ съ клятвою и утвержденными записями; клялся онъ, чтобъ никакихъ городовъ и уѣздовъ новгородскихъ подъ шведскую корону не подводить. Просимъ также, чтобъ

(*) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 11.

ваше королевское величество не положили опалы и гнѣва на насъ, своихъ вѣрныхъ подданныхъ, за тѣхъ непостоянныхъ и малодушныхъ людей, которые отъѣхали изъ Новгорода къ ворамъ: вѣдь тѣ, государь, люди отъѣхали изъ Великаго Новгорода не съ нашего вѣдома и думы; а вашему королевскому величеству вѣдомо, что и въ иныхъ окрестныхъ государствахъ измѣнники бываютъ, а которые вѣрные и справедливые люди, тѣ отъ государей своихъ не отстаютъ и служатъ вѣрно. Вотъ также люди Владимірскаго и Московскаго государства поступили не по нашему совѣту; мы съ ними о такомъ непостоянствѣ не ссылались, и впередъ ни о какомъ непріязненномъ дѣлѣ ссылаться не станемъ, держимся во всемъ вѣрно государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокорожденнаго великаго князя Карлуса Филиппа Карлусовича.

Не въ такомъ покорномъ духѣ отвѣчали новгородцы фельдмаршалу Эверту Горну, когда тотъ настаивалъ, чтобъ они присягнули королю, утверждая, что королевичъ Филиппъ отказался отъ новгородскаго престола. Упомянувъ о договорѣ, утвержденномъ Делагарди, новгородцы продолжаютъ въ отвѣтной грамотѣ Горну (¹): «Не взирая на этотъ клятвенный договоръ, честныя обители и святыя Божіи церкви нѣмецкими ратными людьми разорены и разграблены, святыя иконы поруганы, расколоты, пожжены, колокола монастырскіе и церковные, и городовой большой и всякій *нарядъ* (²) вывезенъ въ Шведское государство; около Новгорода литовскіе люди, которые служатъ здѣсь королевскому величеству, уѣздныхъ людей, крестьянъ жгутъ и мучатъ и до смерти побиваютъ; на правежѣ отъ вашихъ приказныхъ людей въ налогахъ безъ сыску иные до смерти побиты, а другіе повѣсились и въ воду пометались, нѣкоторые лежатъ изувѣчены; а мы всякихъ чиновъ люди Новгородскаго государства, по своему крестному цѣлованію и по утвержденнымъ записямъ, во всемъ стояли крѣпко и впередъ также стоять хотимъ за государя своего королевича непоколебимо, и отдали на подмогу Нѣмцамъ все до послѣдней деньги, отъ чего дошли до крайней скудости, а многіе разбрелись розно. А что, по нашему земскому грѣху, государь нашъ королевичъ въ Новгородъ не пожаловалъ, въ томъ воля его пресвѣтлѣйшества, гдѣ ему угодно великому государю нашему пребывать: только мы, холопы его, по своему крестному цѣлованію, его пресвѣтлѣйшества держимся, и служить хотимъ вѣрно. А что вы грозите, что отъ его королевскаго величества и отъ окрестныхъ государей мы прослывемъ неблаго-

(¹) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 32.
(²) Артиллерія.

дарными [1] и будемъ гонимы, то мы утѣшаемся Христовымъ словомъ: блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. И нынѣ намъ, мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи, вельможному королю и его наслѣдникамъ крестъ цѣловать нельзя, и подъ шведскою короною быть не хотимъ; хотя бы намъ пришлось и помереть; будемъ стоять за прежнюю присягу, и не хотимъ слыть крестопреступниками, а если что намъ и сдѣлается за прямое наше крестное цѣлованіе, то въ томъ намъ судья общій нашъ Содѣтель». Въ тоже время князь Никифоръ Мещерскій, согласясь съ немногими людьми, пришелъ въ Хутынь монастырь къ архимандриту Кипріану (потому что на митрополита Исидора менѣе надѣялись), и объявилъ, что надобно умереть за православную вѣру, а королю креста не цаловать. Кипріанъ благословилъ ихъ пострадать за вѣру; тогда Мещерскій съ товарищами явился къ Горну и прямо сказалъ ему: «Вы хотите души наши погубить; а намъ отъ Московскаго царства не отлучаться и королю креста не цѣловать». Горнъ велѣлъ всѣхъ ихъ посадить за крѣпкую стражу.

Но ни хитрость, ни твердость не помогли: Горнъ приступалъ, чтобъ новгородцы дали рѣшительный отвѣтъ; тогда они, чтобъ продлить, по крайней мѣрѣ, время, били фельдмаршалу челомъ, чтобъ позволилъ имъ обослаться съ Московскимъ государствомъ, напомнить боярамъ его ихъ прежнее обѣщаніе, и если они не послушаютъ новгородцевъ, то послѣднимъ цаловать крестъ королю. Горнъ согласился [2]; отправленъ былъ уже извѣстный намъ хутынскій архимандритъ Кипріанъ, съ нимъ дворяне — Яковъ Бабарыкинъ и Матвѣй Муравьевъ. Послы явились прежде всего къ боярамъ и били челомъ о своихъ винахъ, что неволею цаловали крестъ королевичу, а теперь хотятъ просить милости у государя, чтобъ онъ вступился за Новгородъ и не далъ бы остальнымъ бѣднякамъ погибнуть. Бояре донесли царю о новгородскомъ челобитьѣ; Михаилъ Ѳеодоровичъ допустилъ пословъ къ себѣ и велѣлъ дать имъ двѣ грамоты: одну явную къ митрополиту и всему Новгороду; въ ней бояре сурово отвѣчали новгородцамъ, называли ихъ измѣнниками за совѣтъ покориться шведскому королевичу. Другая грамота была тайная: въ ней государь писалъ къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ, что онъ вины имъ всѣ отдалъ. Послы возвратились, объявили явно

---

(1) Въ грамотѣ сказано: «А что намъ отъ его королевскаго величества и отъ окрестныхъ государей безсловесными и неблагодарными *загосками* слыти». *Загоска* на новгородскомъ нарѣчіи значитъ *кукушка*.

(2) Дополн. къ акт. историч. т. II, № 42.

отвѣтъ боярскій, но тайно роздали списки съ милостивой государевой грамоты. Однако, тайна была открыта: думный дьякъ Петръ Третьяковъ увѣдомилъ Горна изъ Москвы о милостивой грамотѣ; Горнъ принялся за пословъ; особенно потерпѣлъ много Кипріанъ: его били на правежѣ до полусмерти, морили голодомъ и холодомъ (1).

Когда послы возвратились и явная грамота царская была обнародована, то Горнъ сдѣлалъ окончательный запросъ: «Къ государю ли Королю хотятъ Новгородцы или къ недругамъ?» (2) Новгородцы должны были присягнуть Густаву Адольфу (3). Это происходило лѣтомъ 1615 года; а между тѣмъ московскіе и шведскіе воеводы не были въ бездѣйствіи. Въ сентябрѣ 1614 года Горнъ и полковникъ Делавиллъ осадили Тихвинъ (4), но принуждены были отступить; въ томъ же году государь, поговоря съ боярами, послалъ подъ Новгородъ большое войско, подъ начальствомъ князя Д. Т. Трубецкаго, Дан. Ив. Мезецкаго и Вас. Ив. Бутурлина; имена вождей не ручались за успѣхъ: Трубецкой не отличался воинскими талантами и не пользовался уваженіемъ отъ подчиненныхъ; Мезецкій не показалъ себя нигдѣ въ дѣлѣ ратномъ, былъ посломъ Сигизмунда въ Москву, и ушелъ отъ поляковъ, когда походъ короля кончился неудачно (5); наконецъ Бутурлина сильно подозрѣвали въ поблажкѣ замысломъ Делагарди противъ Новгорода. И такіе-то воеводы должны были сражаться не только противъ опытнаго Делагарди, но противъ самого Густава Адольфа, который явился тогда въ русскихъ предѣлахъ. Въ новгородскомъ станѣ Трубецкаго повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ его подмосковномъ станѣ: «было у нихъ въ рати нестроеніе великое — говоритъ лѣтописецъ — грабежи отъ Казаковъ и отъ всякихъ людей.» Весною воеводы стали въ Бронницахъ, но здѣсь не умѣли выбрать мѣсто; Делагарди осадилъ ихъ, сдѣлался голодъ, русскіе принуждены были отступить и потеряли много людей, сами воеводы едва ушли пѣшкомъ; брон-

---

(1) Кипріанъ перенесъ испытаніе и былъ послѣ архіепископомъ сибирскимъ, потомъ митрополитомъ крутицкимъ и наконецъ новгородскимъ.

(2) Дополн. къ акт. истор. т. II. № 43.

(3) Тамъ же, № 44.

(4) Пол. собр. Рус. лѣт. т. III, стр. 286.

(5) Во время похода королевскаго на Москву, еще до избранія Михаила Ѳеодоровича, князь Мезецкій былъ отправленъ Сигизмундомъ къ Москвѣ провѣдывать о тамошнихъ дѣлахъ. Когда походъ кончился неудачно, то Мезецкій «отъ Короля утекъ съ дороги, опрѣхалъ къ Москвѣ къ боярамъ, и сказалъ, что Король пошелъ прямо въ Польшу, со всѣми людми.» См. Дворцовые Разряды, т. I, стр. 7.

ницкое укрѣпленіе было сдано на уговоръ, но шведы не исполнили его и перерѣзали плѣнныхъ; взяли и Старую Русу; самъ король овладѣлъ Гловомъ; русскіе отряды были вездѣ поражаемы. Къ счастію, Густаву Адольфу было много дѣла у себя дома: онъ не могъ долго оставаться въ русскихъ предѣлахъ и уѣхалъ въ Швецію вмѣстѣ съ Делагарди, оставивъ Горна распоряжаться и военными дѣйствіями и мирными переговорами: и Россіи и Швеціи хотѣлось поскорѣе кончить войну. Явилась держава посредствующая — то была Англія: интересы англичанъ сильно страдали отъ смутъ, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ, ибо выгодная торговля ихъ здѣсь должна была прекратиться. Вотъ почему повѣренный Іакова I., Джонъ Мерикъ (Иванъ Ульяновъ, какъ называли его русскіе), явился ревностнымъ ходатаемъ мира между Москвою и Швеціею; но Густавъ Адольфъ, желая мира, хотѣлъ, однако, заключить его какъ можно выгоднѣе, и потому осадилъ Псковъ. Граждане послѣдняго прославили себя въ другой разъ (¹) отраженіемъ отъ стѣнъ своихъ одного изъ величайшихъ полководцевъ того времени: вылазками осажденныхъ управляли воеводы. Вас. Петр. Морозовъ, Ѳед. Леонт. Бутурлинъ и князь Гагаринъ. Съ одной стороны король видѣлъ большой уронъ въ своемъ войскѣ, съ другой Джонъ Мерикъ, пріѣхавшій изъ Москвы, уговаривалъ его снять осаду, утверждая, что русскіе рѣшатся скорѣе на самыя отчаянныя мѣры, чѣмъ приступятъ къ мирнымъ переговорамъ прежде прекращенія военныхъ дѣйствій; Густавъ Адольфъ снялъ осаду Пскова и уѣхалъ въ Швецію. Мирные переговоры начались. Главнымъ переговорщикомъ съ московской стороны былъ князь Дан. Ив. Мезецкій; первый съѣздъ былъ неудаченъ, послы (²), ни на чемъ не могли согласиться и разъѣхались; потомъ уже въ другой разъ собрались въ селѣ Столбовѣ, 1617 года, и заключили вѣчный миръ при посредничествѣ Джона Мерика и голландскихъ пословъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Антонъ Гётерисъ оставилъ намъ описаніе своего посольства, замѣчательное для насъ особенно по изображенію тогдашняго состоянія страны (³). На пути изъ Ревеля въ Новгородъ голландцы должны были проѣзжать страну, опустошенную казаками, нигдѣ не находили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, иногда только по счастію отыскивали гдѣ нибудь полуразрушенный монастырь, однажды чуть было не

(¹) Въ первый разъ они отразили Баторія.

(²) Дворц. Разр. 1, 171. Того же года (1615), марта въ 16 день, былъ у государя Аглинской посолъ князь Иванъ Ульяновъ Мерикъ, рыцарь и королевскіе тайные Комнаты дворянинъ.... Посолъ отпущенъ въ Свію и на съѣздъ межъ Осташкова и Старые Русы; а съѣздъ былъ въ Деверинѣ.

(³) Аделунга—Uebersicht der Reisen. II, 259.

утонули въ рѣкѣ, потому что худой мостъ подломился подъ санями. Въ Новгородѣ голландцы немного отдохнули; отсюда отправились въ Старую Русу, которую нашли въ самомъ жалкомъ положеніи; но всѣ претерпѣнныя до сихъ поръ затрудненія и непріятности были ничто въ сравненіи съ тѣми, какія они должны были вынести на пути изъ Старой Руси: нѣсколько разъ подламывался подъ ними ледъ на рѣкѣ, люди и вещи падали въ воду, и, чтобъ высушиться, путешественники должны были зажигать на берегу опустѣлыя хижины. Ночевали въ опустошенныхъ деревняхъ; чтобъ войти въ избу, должно было прежде вытаскать изъ нея трупы прежнихъ ея жителей, убитыхъ казаками; но отвратительный запахъ выгонялъ голландцевъ изъ избы, и они должны были ночевать на морозѣ. Когда они достигли наконецъ мѣста переговоровъ, то имъ отвели для жительства деревню, гдѣ они находились въ постоянномъ безпокойствѣ отъ медвѣдей, волковъ и Лисовскаго; день спустя явился и Джонъ Мерикъ съ русскими уполномоченными, послѣ чего голландцамъ отвели другую деревню. Отсюда, по два раза въ день, въ страшный холодъ должны были они ѣздить къ Джону Мерику, жившему въ домѣ одного помѣщика. Переговоры тянулись долго: съ 17 декабря до 4 марта; безпрестанно встрѣчались затрудненія, такъ что однажды русскіе послы уже сняли свои палатки; наконецъ дѣло уладилось, при посредствѣ иностранныхъ повѣренныхъ, которыхъ голодъ и холодъ понуждали къ поспѣшности. Шведы возвратили Новгородскую область, но удержали Ивангородъ, Яму, Копорье, Орѣшекъ, Кексгольмъ съ Ингерманландіею. Подданнымъ обоихъ государствъ позволено торговать вовсюду и имѣть въ своихъ домахъ церкви; посламъ, посланникамъ и гонцамъ обоихъ государтвъ вольно ѣздить чрезъ области каждаго изъ нихъ въ другія государства, ни одному изъ нихъ не враждебныя; только они не могли возить съ собою купцовъ съ товарами (1).

Когда условія были подтверждены съ обѣихъ сторонъ, и всѣ дѣла приведены въ порядокъ, то царь послалъ въ Новгородъ грамоту (2), гдѣ хвалилъ митрополита Исидора за его благоподвизательное страданіе и исправительное словесному стаду пастырство; потомъ слѣдуетъ обращеніе къ остальнымъ новгородцамъ: «А вы, дворяне, дьяки, дѣти боярскіе, гости и всякіе люди всего Новгородскаго государства, вы Шведскихъ людей прелести до конца отщети-

---

(1) Пол. Собр. Зак. т. I, № 19. Джонъ Мерикъ называется въ договорѣ «призрачнымъ великимъ посломъ, благопражайшимъ, грознымъ и мужественнымъ господиномъ.»

(2) Собр. гос. гр. и дог. т. III. № 34.

лись, многія злыя, жестокія, нестерпимыя и невыразимыя муки претерпѣли, а отъ нашей истинной, не порочной, православной Христіанской вѣры Греческаго закона, и отъ насъ, природнаго государя своего христіанскаго къ иновѣрному государю не отлучились, вражьи замыслы и старанія вотще положили, и что обѣщали великому природному государю своему, то совершили: и за такія ваши терпѣнія и скорби хотимъ мы, Великой Государь, васъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ, всякаго по его достоинству, кто чего достоинъ по своей службѣ и правдѣ. А вамъ, гостямъ, торговымъ, посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ льготить во всемъ хотимъ, смотря по вашему раззоренью и бѣдности. Которые люди, будучи у Шведовъ, имъ доброхотствовали и служили, и во всемъ были имъ покорны, и воли ихъ творили волею и неволею, и тѣхъ мы, Великій Государь, по нашему Царскому милостивому нраву, жаловать хотимъ; пусть никто изъ нихъ отъ насъ ничего не опасается: какъ было имъ, будучи у Шведовъ въ рукахъ, воли ихъ не творить?» Въ заключеніе царь говоритъ, чтобъ новгородцы молились за отца его, митрополита Филарета, чтобъ Богъ далъ ему скорѣе освободиться изъ плѣна и возвратиться на свой святительскій престолъ.

Столбовскій миръ былъ относительно очень выгоденъ для Россіи, потому что уступки, сдѣланныя Швеціи, мало значили въ сравненіи съ тѣми выгодами, какія получала Россія, освободившись отъ страшнаго врага, каждая встрѣча съ которымъ была пораженіемъ, и пріобрѣвъ возможность направить свои силы въ другія стороны, тѣмъ болѣе, что со стороны Польши именно въ это время начались сильныя наступательныя движенія. Правительство хорошо понимало выгоды столбовскаго мира, и потому изъявило сильную радость: по городамъ разосланы были указы — пѣть молебны со звономъ, стрѣлять изъ наряду, большого и ручного, «чтобъ про то (т. е. про миръ) было всѣмъ явно и вѣдомо» (¹). Принужденное уступить Швеціи нѣсколько владѣній, правительство наше старалось, чтобъ въ оставшейся у него области Новгородской всѣ были на сторонѣ Москвы; съ этой цѣлію Михаилъ Ѳеодоровичъ опять писалъ къ митрополиту Исидору (²): «Ты бы, нашъ богомолецъ и все духовенство православныхъ христіанъ утверждали, чтобъ они жили въ Новгородѣ и на нашу царскую милость были надежны, Шведамъ не передавались и въ ихъ сторону не ходили. А которые Русскіе люди Нѣмецкимъ людямъ прямили, и на своихъ посягали, или у которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья и вотчины въ тѣхъ мѣ-

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 35.
(²) Акты историч. т. III, № 284.

стахъ, которыя остались за Шведами, или кому вновь Король и Делагарди въ тѣхъ мѣстахъ или въ своихъ помѣстья и вотчины дали: то вы бы и такихъ людей уговаривали и нашимъ царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживали, чтобъ они помнили нашу истинную православную христіанскую вѣру, и насъ, великаго, природнаго христіанскаго государя, и родителей своихъ гробы, и свою природу, къ иновѣрцамъ, къ нѣмецкимъ людямъ не приставали, были на нашу царскую милость надежны, и своей бы братьи, православныхъ христіанъ не смущали, грѣха на свои души не брали бы, къ Нѣмцамъ никого не перезывали, и сами изъ Новгорода въ Колывань и въ Русскіе города, оставшіяся за Шведами, жить не ходили, и боязнь всякую предъ нашею царскою опалою оставили.» Правительство знало, какая сильная связь остается между уступленными Швеціи областями и Москвою, и старалось укрѣпить эту связь, служившую вѣрнымъ ручательствомъ скораго ихъ возращенія опять подъ русскую державу: въ 1619 году, преемникъ Исидора, митрополитъ Макарій, по царскому указу, разослалъ по уступленнымъ Швеціи волостямъ грамоты, которыхъ образцы написаны были въ Москвѣ; въ грамотахъ говорится: «Такъ какъ вы прежде были чадами церкви и служителями Христовой вѣры, то поэтому я теперь не хочу васъ отвергать, но болѣе желаю соединить; хотя вы находитесь подъ державою и другаго владѣтеля, однако недостойно отлучаться вамъ отъ духовнаго порожденія. Поэтому какъ прежде были вы паствѣ нашей чада и сыны церкви, такъ и теперь, не уклоняясь ни въ чемъ отъ нашего благословенія, крѣпко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, отъ прежнихъ преданій ничего не умаляя, держитесь преданной вамъ святою апостольскою вѣрою; а по указу Великаго Государя нашего пріѣздъ и отъѣздъ вамъ въ Великой Новгородъ по духовнымъ дѣламъ будетъ вольный». (*). Шведамъ, разумѣется, не могла нравиться переписка новгородскаго митрополита съ русскимъ духовенствомъ въ Корелѣ и другихъ уступленныхъ Швеціи волостяхъ; вотъ почему тамошнее начальство требовало, чтобъ митрополитъ по духовнымъ дѣламъ переписывался съ шведскими властями, а не прямо съ русскими священниками. Новгородскій воевода донесъ объ этомъ требованіи въ Москву; царь отвѣчалъ: «По нашему указу, Новгородскому Митрополиту Макарію велѣно писать о священникахъ и поступать относительно ихъ по грамотѣ отца нашего, Великаго Государя, святѣйшаго Филарета Никитича; а если случится о чемъ нибудь писать къ Маршалку, то къ Маршалку писать тебѣ, воеводѣ нашему, по совѣту съ Митрополитомъ; а Митрополиту съ

(*) Акты Арх. Эксп. III, № 107,108.

Маршалкомъ не ссылаться, потому что онъ человѣкъ духовный и чина великаго, и ему съ иноземцами ссылаться не пригоже [1].» Впрочемъ шведы, какъ видно, гораздо болѣе опасались того, чтобъ новгородскій митрополитъ вовсе не прервалъ духовныхъ сношеній съ корѣльскимъ православнымъ народонаселеніемъ, ибо тогда послѣднее, по своей привязанности къ отцовской вѣрѣ, не преминуло бы обратиться въ русскіе предѣлы, слѣдствіемъ чего были бы новыя безпокойства и война. Поэтому шведское правительство усердно домогалось у московскаго [2], чтобъ то велѣло новгородскому митрополиту посвящать духовныхъ и освящать церкви въ уступленныхъ областяхъ.

Несмотря на это стараніе, руское духовенство не могло быть въ согласіи съ лютеранами; монахи и священники переходили изъ уступленныхъ областей въ Новгородъ; шведскіе державцы, въ силу договора, требовали ихъ выдачи; царь писалъ по этому случаю къ новгородскому воеводѣ [3]: «Выбъ тѣхъ священниковъ и монаховъ, которые теперь въ нашей сторонѣ живутъ, да и другихъ, которые впередъ съ Шведской стороны придутъ и въ нашей сторонѣ объявятся, безъ нашего указа въ Шведскую сторону не отдавали; а если объ нихъ Шведскіе державцы станутъ къ тебѣ писать и ихъ просить, то отвѣчай, что такихъ до сихъ поръ въ нашей сторонѣ не отыскано, а когда отыщутъ, то ты имъ объ этомъ объявишь, и они бы нашимъ людямъ въ вѣрѣ тѣсноты не чинили и не гнали ихъ, а станутъ въ вѣрѣ тѣснить и гоненье чинить, то имъ по неволи будетъ бѣгать.» При этомъ царь приказывалъ воеводѣ не держать бѣглецовъ въ порубежныхъ мѣстахъ, но отсылать ихъ во внутреннія области или въ Москву. Царь писалъ также къ новгородскому воеводѣ и объ остальныхъ перебѣжчикахъ, не духовнаго чина [4]: «Вы бы съ Шведскими державцами ссылались и перебѣжчиковъ размѣнивали, смотря по ихъ ссылкѣ и отдачѣ: перебѣжчиковъ въ нашей сторонѣ сыскивать и Шведамъ объ нихъ объявлять вы должны смотря по ихъ письму и отдачѣ, потому что съ нашей стороны въ Шведскую сторону перебѣжчиковъ дано много, а съ ихъ стороны въ нашу сторону мало, а многіе не отданы, и держатъ ихъ, вопреки мирному договору, неволею. А которые люди отыскались въ нашей сторонѣ, въ Шведскихъ же росписяхъ именъ ихъ нѣтъ, то вы бы такихъ людей сажали за нами, въ дворцовыхъ селахъ, въ во-

(1) Акты Арх. Эксп.. т. III, № 111.
(2) Тамъ же, № 127,128.
(3) Тамъ же № 155.
(4) Тамъ же, № 165.

лостяхъ, которыя отъ рубежа подальше, и подмогу имъ и льготу давали какъ пригоже, смотря по нихъ и по пашнѣ; а близъ рубежа жить имъ не велѣть для того, чтобъ объ нихъ въ Шведскихъ городахъ не вѣдали; сажать же ихъ за нами вы должны волею, и къ нашей милости пріучать ласкою, подмогою и льготою, чтобъ имъ за нами на пашняхъ селиться было охотно; а если ихъ сажать въ неволю, то они станутъ бѣгать назадъ къ Шведамъ, и пересказывать имъ и про другихъ своихъ товарищей; тогда пойдетъ ссора, и утаивать перебѣжчиковъ будетъ нельзя.» Съ тѣми изъ русскихъ, которые охотно остались за шведами, московское правительство поступало съ большою осторожностію: новгородскій воевода князь Дм. Мих. Пожарскій писалъ въ 1629 году въ Москву, что русскіе люди, пріѣзжающіе изъ уступленныхъ шведамъ областей въ Новгородъ для торговли, просятъ, чтобъ имъ позволено было ходить въ Каменный городъ въ соборную церковь св. Софіи и по новгородскимъ чудотворцамъ молиться; Пожарскій спрашивалъ, какъ ему съ ними поступать, потому что у воеводъ нѣтъ о томъ никакого наказа. Изъ Москвы отвѣчали (1), чтобъ воевода велѣлъ накрѣпко развѣдывать, не пошатнулись ли которые изъ пріѣзжающихъ русскихъ людей въ вѣрѣ и не пристали ли къ лютеранству; если которые изъ нихъ въ православной вѣрѣ и до сихъ поръ тверды, такихъ можно пускать къ церквамъ на посадѣ, но въ Каменный городъ, въ соборную церковь отнюдь не пускать; если же дознано будетъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ православной вѣрѣ пошатнулись, приступили къ лютеранамъ, такихъ не пускать и въ посадскія церкви; крѣпко должно смотрѣть за тѣмъ, чтобъ православной христіянской вѣрѣ поруганья не было. Тогда же позволено было русскимъ людямъ ѣздить на обѣ стороны для свиданія съ родственниками; но при этомъ велѣно было смотрѣть, чтобъ русскіе люди для лазутчества въ Великій Новгородъ не пріѣзжали (2). Данъ наказъ и относительно тѣхъ шведовъ, которые будутъ пріѣзжать въ Новгородъ учиться по русски (3): велѣно имъ учиться на посадѣ у церковныхъ дьячковъ, которымъ строго запрещено пускать своихъ некрещеныхъ учениковъ въ церковь; если же кто изъ нихъ захочетъ обратиться въ православіе, такихъ крестить, но по крещеніи не отпускать уже ихъ назадъ въ Швецію, о чемъ должно объявить имъ напередъ; съ церковныхъ дьячковъ, которые возьмутъ ихъ къ себѣ учиться, брать

(1) Акты Арх. Эксп. т. III, № 179.
(2) Тамъ же, № 183.
(3) Тамъ же, № 185.

письменныя поручительства; принимать иностранцевъ учиться грамотѣ только такихъ, которыхъ привезутъ отцы, братья или дядья, а не такихъ, которые сбѣжатъ бѣгомъ. Наконецъ, касательно сношеній съ Швеціею должно замѣтить, что въ царствованіе Михаила Θеодоровича впервые явился при московскомъ дворѣ резидентъ иностранный, именно шведскій, тогда же былъ отправленъ и русскій резидентъ къ стокгольмскому двору. Но Московскій дворъ смотрѣлъ на пребываніе резидента какъ на временную необходимость, терпѣлъ эту необходимость очень неохотно, ибо видѣлъ въ резидентѣ соглядатая, и потому при первомъ случаѣ спѣшилъ отъ него избавиться. Въ 1642 году псковской воевода князь Ахамашуковъ-Черкаскій извѣстилъ царя, что въ Ригу отъ шведской королевы Христины пріѣхалъ Петръ Лоффелтъ, назначенный резидентомъ въ Москву на мѣсто прежняго, Петра Крузбіорна. Царь отвѣчалъ Черкасскому (*): «Въ посольскомъ мирномъ договорѣ и въ вѣчномъ докончаньи написано: вольно ходить на обѣ стороны посламъ и посланникамъ и гонцамъ безопасно и безъ помѣшки, также торговымъ людямъ обоихъ государствъ вольно торговать, про резидентовъ же и про агентовъ въ мирномъ договорѣ и въ вѣчномъ докончаньи ни чего не написано. Правда, что въ прошлыхъ годахъ пріѣхалъ къ намъ отъ ихъ государя, славной памяти Густава Адольфа короля гонецъ Яганъ Меллеръ, съ королевскою вѣрющею грамотою и для хлѣбной покупки, и по королевской грамотѣ велѣно ему было жить на Москвѣ для всякихъ государственныхъ дѣлъ въ агентахъ, и былъ онъ на Москвѣ агентомъ года съ два, а какъ его на Москвѣ не стало, то на его мѣсто пріѣхалъ къ намъ отъ королевы Христины агентъ Петръ Крузбіорнъ, а отъ нашего царскаго величества къ королевѣ Христинѣ въ Стеколню (Стокгольмъ) агентомъ посланъ былъ Дмитрій Францбековъ, для польскихъ и литовскихъ вѣстей, потому что у насъ, Великаго Государя въ то время была война съ Владиславомъ, королемъ польскимъ; а теперь между нами и Владиславомъ королемъ мирное вѣчное докончанье, также и съ другими окрестными государствами покой и тишина, такъ и агенту нашему Дмитрію Францбекову изъ Швеціи велѣно быть къ намъ въ Москву, потому что ему тамъ быть не для чего; и съ тѣхъ поръ агентовъ нашихъ въ Швеціи нѣтъ, и дѣлать имъ нечего, да и за агентомъ государыни ихъ, что живетъ теперь на Москвѣ, государственныхъ большихъ никакихъ дѣлъ нѣтъ, такъ и новому агенту, который теперь отъ государыни ихъ отпущенъ, Петру Лоффельту,

(*) Акты Арх. Эксп. т. III, № 318.

въ наше Россійское государство ѣхать не для чего жъ: потому что въ посольскомъ мирномъ договорѣ и въ вѣчномъ докончаньи про резидентовъ и про агентовъ, что имъ жить въ нашихъ государствахъ, не написано, и мимо мирнаго договору и вѣчнаго докончанья дѣлать не пригоже, чтобъ вѣчному докончанью противно не было.»

Гораздо труднѣе было новому правительству справляться съ Польшею: Сигизмундъ и Владиславъ такъ много теряли съ восшествіемъ Михаила Ѳеодоровича на московскій престолъ, что не могли успокоиться, не употребивъ послѣднихъ усилій для возвращенія потеряннаго. Мы видѣли, что Земская Дума дала слово Михаилу Ѳеодоровичу и его матери отправить тотчасъ посла къ Сигизмунду съ требованіемъ выпустить изъ плѣна Филарета Никитича въ обмѣнъ на какого нибудь знаменитаго поляка. Вслѣдствіе этого, 10 марта 1613 года, отправленъ былъ къ королю отъ думы дворянинъ Денисъ Аладьинъ съ грамотою (1), въ которой, прописавъ всѣ несправедливости Сигизмунда относительно Московскаго государства, дума требовала размѣна плѣнныхъ. Плѣнникъ Струсь, отъ лица всѣхъ своихъ собратій, писалъ также къ королю, умоляя его прислать захваченныхъ пословъ Филарета съ товарищами, и тѣмъ освободить польскихъ плѣнниковъ (2). Въ іюнѣ 1613 Аладьинъ возвратился и привезъ думѣ отвѣтъ (3) отъ пановъ-рады; послѣдніе, разумѣется, оправдывали во всемъ Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; между прочимъ, любопытны слѣдующія слова: «Когда еще князь Дмитрій Ивановичь, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, сидѣлъ на престолѣ, то князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьею и со многими думными боярами, черезъ нѣкоторыхъ Польскихъ и Литовскихъ и Московскихъ людей, объявляли и били челомъ королю, чтобъ его королевская милость пожаловалъ, отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и государство Московское очистилъ, а въ государи имъ далъ сына своего Владислава Жигимонтовича.» Въ заключеніе паны пишутъ, что они и вмѣстѣ съ ними императоръ нѣмецкій склоняютъ Сигизмунда къ миру съ Москвою, и требуютъ отъ думы, чтобъ она приказала остановить всѣ непріятельскія дѣйствія до пріѣзда императорскихъ пословъ, при посредствѣ которыхъ приступлено будетъ къ мирнымъ соглашеніямъ. О королѣ пишутъ, что онъ самъ не могъ отвѣчать на боярскую грамоту, которая будто бы наполнена словами укорительными, несправедливыми и гордыми. Въ ноябрѣ 1614 года паны-рада прислали въ

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 7.
(2) Тамъ же, № 9.
(3) Тамъ же, № 13.

Москву другую грамоту (*), въ которой упрекали бояръ въ измѣнѣ Владиславу, въ томъ, что они сами сперва хотѣли отдать свое дѣло съ Польшею на рѣшеніе императора, но потомъ съ гордостію отвергнули это посредничество, продолжаютъ войну и держатъ польскихъ плѣнниковъ въ тяжкомъ заключеніи; несмотря на то, паны снова предлагаютъ завести мирные переговоры на рубежѣ. Бояре отвѣчали, что имъ собственно нельзя было и брать панскую грамоту, не только что дѣлать по ней какое нибудь государское дѣло, потому что написана грамота не по прежнему обычаю, великаго государя имени въ ней нѣтъ и все писано *высоко*, не по прежнему обычаю. Несмотря, однако, на то, по миролюбію своему, бояре рѣшились принять грамоту и отвѣчать на нее; они оправдываются во всемъ, что взвели на нихъ паны, приводятъ въ свидѣтели своей правоты Бога и всѣхъ окрестныхъ государей, христіянскихъ и мусульманскихъ. Обвиняютъ во всемъ Сигизмунда и поляковъ: «Всѣ неправды учинились отъ Государя вашего и съ вашей стороны, а наши души отъ того чисты; и вамъ бы, братьѣ нашей, панамъ-радѣ теперь и впередъ и поминать не пригоже, чтобъ быть государя вашего сыну, Королевичу Владиславу на Московскомъ государствѣ: то дѣло уже прошлое.» Касательно императорскаго посредничества бояре отвѣчаютъ, что когда еще возставшее ополченіе стояло подъ Москвою, тогда воеводы его послали нѣмецкаго переводчика Еремея Еремеева къ императору съ просьбою, чтобъ онъ уговорилъ Сигизмунда отстать отъ своихъ несправедливыхъ притязаній: «а о томъ мы къ Цесарскому Величеству не писали и не приказывали, чтобъ Цесарское Величество насъ съ государемъ вашимъ взялъ на свой судъ: нечего намъ съ государемъ вашимъ судиться! Всемогущему Богу, и Цесарскому Величеству и всѣмъ окрестнымъ государямъ вашего государя неправды передъ великимъ Россійскимъ государствомъ вѣдомы.» Бояре продолжаютъ, что императоръ прислалъ переводчика Еремеева назадъ, съ обѣщаніемъ писать къ Сигизмунду, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ тотчасъ по вступленіи на престолъ отправилъ къ императору пословъ, которые уже и справили свое посольство; послѣ этого боярамъ казалось странно, что въ предѣлахъ польскихъ явился императорскій гонецъ Сингель, присланный не къ царю, но къ боярамъ; по этому послѣднему обстоятельству имъ даже не слѣдовало бы входить съ Сингелемъ ни въ какія сношенія, но уже государь, въ уваженіе прежней крѣпкой любви царей московскихъ съ императорами, велѣлъ боярамъ принять Сингеля;

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 24.

сдѣланы были уже для этого нужныя распоряженія, но императорскій гонецъ и польскій посолъ почему-то не явились къ боярамъ, равно какъ польское правительство до сихъ поръ не присылаетъ опасной грамоты для посла царскаго къ Сигизмунду. Потомъ бояре отвѣчаютъ на упреки въ дурномъ обхожденіи съ плѣнниками. «У васъ — пишутъ они — наши не плѣнники, но послы—митрополитъ Филаретъ и князь Василій Голицынъ разлучены, сидятъ по разнымъ мѣстамъ въ темницахъ; а у насъ плѣнники ваши — Струсь съ товарищами живутъ въ Москвѣ, дворы имъ даны добрые, продовольствіе получаютъ достаточное, людямъ ихъ всюду вольно ходить по порученіямъ господъ, скудости и тѣсноты нѣтъ никакой.» Бояре заключаютъ грамоту извѣстіемъ, что царь позволилъ имъ послать своихъ пословъ къ рубежу на съѣздъ съ послами польскими. Любопытно взглянуть на подписи боярскія, приложенныя къ этой грамотѣ: здѣсь мы опять видимъ имена князя Мстиславскаго, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и другихъ; на десятомъ мѣстѣ подпись князя Д. Т. Трубецкаго, на одинадцатомъ князя Д. М. Пожарскаго, на девятнадцатомъ Минина, въ дьякахъ подписался Сыдавный Васильевъ. Съ грамотой былъ отправленъ Ѳ. Г. Желябужскій; съ нимъ же государь отправилъ грамоту и къ отцу своему, митрополиту Филарету (*). Это было въ декабрѣ 1614; но еще въ октябрѣ царь послалъ къ отцу монаха Ефрема и слугу съ нѣкоторыми необходимыми вещами; поляки сперва не пускали было ихъ къ Филарету, но потомъ пустили, и Ефремъ оставался при митрополитѣ до самого возвращенія его въ Москву. Царь такъ обращается къ отцу своему въ грамотѣ: «Великаго и Всещедраго въ Творцѣ славимаго Бога нашего, иже достойному святительскимъ и богоукрашеннымъ саномъ почитаемому и украшаему, и нашему Хрестьянскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнолюбнымъ тщаніемъ ко Господу о насъ прилежно молителю, и наказателю словесныхъ Христовыхъ овецъ и выну о овцахъ пачежъ о заблудшихъ, по премногу многовзыскательному тщателю, и разрѣшителю недоумѣннымъ, еже есть духовнымъ сплетеніемъ, побоpнику и страдателю за святыя благосіятельныя Христіянскія наши церкви, и Крѣпкому столпу въ православіи, и еже о Христѣ любезное на землѣ житіе чающе небеснаго рая жителю, старѣйшему и превысочайшему священноначаліемъ отцу отцемъ, Великому Государю моему, преосвященному Митрополиту Филарету Никитичу, Божіею милостію и Его крѣпкою непобѣдимою десницею, содержай скифетръ

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 25.

великаго Россійскаго царствія, въ месть врагамъ, въ похвалу добродѣямъ, сынъ твоего изрядно-сіятельнаго отечества Михаилъ; Божіею милостію Царь и В. Князь всея Русіи Самодержецъ, главу свою усердно до земли преклоняетъ, касаяся твоимъ святительскимъ честнымъ стопамъ, и со слезами у васъ В. Государя моего отца прося еже за ны святительскихъ вашихъ молитвъ и благословенія». Съ Желябужскимъ же отправили духовенство и бояре грамоту къ посламъ, Филарету и Голицыну съ товарищами; извѣщали о своей печали насчетъ ихъ невиннаго заточенія и о стараніяхъ, какія принимаетъ московское правительство о скоромъ освобожденіи ихъ (1). Желябужскій, вручивъ письмо панамъ раднымъ, просилъ позволенія видѣть Филарета; его повели къ митрополиту въ сопровожденіи немногихъ пановъ, въ томъ числѣ и канцлера Льва Сапѣги; Желябужскій, увидавъ государева отца, едва могъ промолвить слово отъ слезъ; грамоты, привезенныя отъ царя и Собора, Левъ Сапѣга прочелъ прежде самъ. Предъ отъѣздомъ въ Москву Желябужскому позволено было въ другой разъ видѣться съ Филаретомъ; тотъ писалъ грамоту къ сыну; Сапѣга настаивалъ, чтобъ онъ не называлъ въ ней Михаила царемъ; но Филаретъ отвѣчалъ: «Не могу написать просто безъ царскаго именованья: боюсь наказанья отъ Бога; Богъ далъ ему царство, а мнѣ какъ отнимать, коли Богъ нарекъ его царемъ». Прощаясь съ Желябужскимъ, Филаретъ сказалъ ему: «Ступай отнеси Царю Государю и В. Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руссіи мое благословеніе; а житье мое все самъ видишь». Въ 1616 году съѣхались было съ обѣихъ сторонъ послы у Смоленска для соглашеній о мирѣ при посредствѣ императорскаго посла Еразма Ганделіуса; но послѣ долгихъ переговоровъ разъѣхались ни съ чѣмъ. Нарушеніе добраго дѣла лѣтопись приписываетъ дьяку Петру Третьякову, да еще тому, что московскіе послы не имѣли полномочія (2). Среди этихъ переговоровъ военныя дѣйствія продолжались: въ 1613 году царскіе воеводы князь Д. М. Черкаскій и Бутурлинъ осадили и заставили сдаться Бѣлую (3). Потомъ русскія войска имѣли нѣсколько удачныхъ сшибокъ съ поляками. Въ іюлѣ 1616 года государь указалъ воевать литовскую землю воеводамъ князю Михайлу Тинбаевичу Конаеву да Никитѣ Парамонычу Лихареву. По наказу (4), они должны были итти за рубежъ къ Сурожу, Велижу, Витебску и въ другія мѣста, куда будетъ пригоже, смотря по тамош-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 26.
(2) Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, т. V, стр. 10.
(3) Дворц. Разр. I, 103.
(4) Разряд. кн. 7124 года, стр. 56. Дворц. Разр. 1,258.

нимъ вѣстямъ. Литовцы явились подъ Стародубомъ: противъ нихъ двинулся Михайло Дмитріевъ съ Дмитріемъ Скуратовымъ, княземъ Куракинымъ, Иваномъ и Яковомъ Колтовскими. Изъ Болхова воевода Скуратовъ прислалъ вѣсть, что литовцы приходили подъ Болховъ, былъ имъ бой съ государевыми людьми, и на этомъ бою Михайла Дмитріева убили. На мѣсто убитаго былъ отправленъ князь Хованскій; съ нимъ изъ Ельца долженъ былъ выступить князь Ромодановскій, да изъ Ливенъ Тимоѳей Измайловъ. Хованскому, между прочимъ, было наказано: писать отъ себя и словами наказывать въ литовскіе полки, къ русскимъ людямъ, зашедшимъ туда въ смутное время, чтобъ они, помня Бога и православную вѣру, невинной христіанской крови не проливали, въ вѣчную муку душъ своихъ не предали, отъ поляковъ отстали и великому государю Михайлу Ѳеодоровичу вину свою принесли, ѣхали бы въ русскіе полки безъ всякой боязни, а великій государь вины имъ отдастъ и пожалуетъ, станетъ держать въ своей царской милости незабвенно и впередъ никакой ихъ вины не вспомянетъ. До насъ дошла также грамота московскаго духовенства, писанная къ упомянутымъ русскимъ отступникамъ (*): «Господа и братія! — пишутъ къ нимъ владыки — мы знаемъ, что вы, волею и неволею, содѣйствуете ищущимъ нашей погибели; но вы не обращаете вниманія на конецъ дѣла: гдѣ прежде стояли вы, и какъ низко теперь упали. Не льстите себя, братія, не льстите себя тѣмъ, что вы христіане: если четыре конца міра вопіютъ на мудрствующихъ съ папою, то какъ вы будете христіане, поклоняясь звѣрю, котораго Даніилъ Пророкъ и Іоаннъ Богословъ видѣли глаголющимъ глаголы хульные на Бога вышняго. Научитесь изъ житій св. Отецъ, прежде бывшихъ вашихъ, которыхъ не только тѣла, но и персть чудеса несказанныя творятъ: за что они подвизались и съ кѣмъ единомудрствовали въ вѣрѣ? съ Патріархами и со всею вселенною, или съ Западомъ и Папою? О мудрые о себѣ! вспомните прежніе роды, гдѣ ваши родители, гдѣ вы родились, и въ какой вѣрѣ крестились и взросли, и чья память осталась, благочестивыхъ или нечестивыхъ? Когда узрите одесную Христа стоящихъ Петра, Алексія, Іону, и многострадальнаго Михаила Черниговскаго съ Ѳеодоромъ, и въ любви скончавшагося Бориса и Глѣба, къ нимъ ли тогда прибѣгнете за благословеніемъ и миромъ, или съ лобзаніемъ отъ фарисейскихъ чадъ отойдете въ вѣчную погибель? Гдѣ вы укроетесь отъ заступниковъ Русской церкви? горе будетъ тогда вамъ, отступившимъ отъ таковыхъ Отецъ! И такъ молимъ

(*) Акты Арх. Эксп., т. III, №№ 327 и 328.

васъ, пока не пришло время общей погибели вашей и нашей, отстаньте отъ такого злаго умышленія, и повинитесь Богу и св. Угодникамъ, дабы они исхитили васъ отъ адова мучительства; обратитесь къ истинной Христіанской вѣрѣ, данной намъ отъ Бога, и къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руссіи; а въ отступленіи вашемъ мы васъ простимъ и разрѣшимъ, и Государю царю будемъ о васъ бить челомъ своими головами; даже возвѣщаемъ вамъ совѣтъ царскій и милость, истинно увѣряя, что всѣми благами земли одаритъ васъ и какъ сыновей и братій приметъ».

Важнѣе были военныя дѣйствія со стороны Смоленска. Туда были отправлены воеводы-стольники Мих. Матв. Бутурлинъ, Исакъ Погожей да дьякъ Иванъ Сафоновъ съ 5,103 чел. войска; на помощь имъ велѣно было двинуться изъ Ржевы Володимеровы воеводѣ князю Никитѣ Борятинскому. Въ ноябрѣ 1616 пришла въ Москву вѣсть, что Борятинскій въ Дорогобужѣ; но литовскій воевода Гонсѣвскій занялъ дорогу между этимъ городомъ и Смоленскомъ, отрѣзалъ отъ Бутурлина и Погожаго запасы и моритъ ихъ голодомъ (1); а изъ Смоленска и литовцы приходятъ къ острожкамъ ежедневно и сильно тѣснятъ царскія войска. Тогда государь велѣлъ двинуться на Гонсѣвскаго боярину Сулешову да стольнику кн. Прозоровскому, соединясь въ Дорогобужѣ съ Борятинскимъ. Въ первой сшибкѣ московскіе головы Бояшевъ и Таракановъ были счастливы, разбили и взяли въ плѣнъ полковника Вишля; государь послалъ побѣдителямъ золотые. Но скоро узнали, что Бутурлинъ и Погожей выбиты поляками изъ подъ Смоленска и отошли на Бѣлую; полковникъ Чаплинскій приступилъ было къ Дорогобужу, но былъ разбитъ на голову Сулешовымъ, получившимъ въ другой разъ золотые и приказъ — выступить въ Москву. Между тѣмъ польское правительство, для болѣе успѣшнаго окончанія войны, положило выслать съ полками самого королевича Владислава, какъ нареченнаго царя московскаго. Предъ выступленіемъ въ походъ Владиславъ отправилъ къ народонаселенію Московскаго государства грамоту (2); въ ней королевичъ, называя себя царемъ всея Руси, писалъ, какъ по пресѣченіи рюрикова дома люди Московскаго государства, поразумѣвъ, что не отъ царскаго корня государю быть трудно, целовали крестъ ему, Владиславу, и отправили пословъ къ отцу его, Сигизмунду, для переговоровъ; но главный посолъ, митрополитъ Филаретъ, началъ посту-

(1) Разряд. кн. 7125 года. Дворц. Разр. 1,255 и слѣд.
(2) Акты истор. т. III, № 72.

пать не по данному ему наказу, прочилъ и замышлялъ на Московское государство сына своего, Михаила. Въ то время, продолжаетъ Владиславъ, мы не могли сами лично явиться въ Москву, потому что были въ несовершенныхъ лѣтахъ; но теперь мы пришли въ совершенный возрастъ и хотимъ, съ Божіею помощію, свое Московское государство, отъ Бога намъ данное и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цалованіемъ утвержденное, отъискивать, и, будучи въ совершенномъ возрастѣ, можемъ быть самодержцемъ всей Руси и неспокойное государство, милостію Божіею, покойнымъ учинить. Владиславъ обѣщаетъ милости въ случаѣ немедленной покорности: «А о Михаилѣ Филаретовѣ сынѣ, какъ оже дастъ Богъ будемъ на царьскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ, и въ тѣ поры наше царьское милосердіе будетъ по прошенью всей земли». Владиславъ заключаетъ: «Мы нашимъ государскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ и уже находимся въ дорогѣ; а съ нами будетъ Игнатій Патріархъ, да Архіепископъ Смоленскій Сергій, да бояре — Князь Юрій Трубецкой съ товарищи». Странно видѣть имя Сергія подлѣ игнатіева; стало быть и онъ не выдержалъ плѣна? (1) Впрочемъ, быть можетъ, его вели неволею, или внесли только имя его въ грамоту для большаго прельщенія русскихъ. Что же касается до Игнатія, то онъ, вѣроятно, ушелъ изъ Москвы въ Польшу вмѣстѣ съ Салтыковымъ.

Предъ вступленіемъ королевича въ походъ архіепископъ гнѣзенскій Лаврентій Гембицкій говорилъ ему рѣчь, въ которой ясно высказывалась цѣль католическаго духовенства и Польши при этомъ походѣ (2). «Господь даетъ царства и державы тѣмъ, которые повсюду распространяютъ св. Католическую вѣру, и служителямъ ея оказываютъ почтеніе, благодарно пріемля ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ Вашего Королевскаго Высочества подать свѣтъ истины ходящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, и извести заблудшихъ на путь мира и спасенія, подобно тому, какъ спасъ наши народы посредствомъ вѣчной памяти Государей и Королей нашихъ — Мстислава Великаго и Ягелла. Впрочемъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, на которое должны быть устремлены всѣ заботы и попеченія, Ваше Королевское Высочество должны держаться той умѣренности, которая столько необходима въ новыхъ государствахъ, и привлекать этотъ жестоковыйный народъ къ соединенію и св. вѣрѣ не принужденіемъ и насиліемъ, не вдругъ, но мало

(1) Нѣкоторыя извѣстія, хотя безъ доказательствъ, представляютъ поведеніе Сергія съ дурной стороны уже въ послѣднее время смоленской осады. Голик. Дополн. къ Дѣян.

(2) Сборн. Мухан., № 113.

по малу, примѣромъ благочестія, какъ своего, такъ и священниковъ, которые будутъ находиться при васъ. Вы будете благодѣтельствовать родинѣ, будете защищать ее при всякомъ случаѣ, присоедините къ ней то, что несправедливо отторгнуто отъ ея предѣловъ, и будете стараться о томъ, чтобъ, получивъ при Божіей помощи, тамошній престолъ, соединить оба народа прочными договорами въ одно цѣлое для большей пользы и защиты христіанской республики. Мы не только будемъ молить Господа Бога, чтобъ Онъ благословилъ васъ въ этомъ дѣлѣ; но также, если окажется нужда въ дальнѣйшихъ пособіяхъ, будемъ стараться, чтобъ республика наша споспѣшествовала вамъ; только Ваше Высочество старайтесь вести дѣло къ ея благу». Владиславъ отвѣчалъ (1): «Я иду съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога моего и св. Католическую вѣру, въ которой я воспитанъ и утвержденъ. Славной республикѣ, которая питала меня доселѣ и теперь отправляетъ для пріобрѣтенія славы, расширенія границъ и завоеванія сѣвернаго государства, буду воздавать должную благодарность». Владиславъ долженъ былъ также дать республикѣ запись, въ которой обязался (2): соединить Московское государство съ Польшею неразрывнымъ союзомъ, установить между ними свободную торговлю, возвратить Польшѣ и Литвѣ страны, отъ нихъ отторгнутыя, преимущественно княжество Смоленское, кромѣ того отъ княжества Сѣверскаго одинадцать крѣпостей; наконецъ отказаться отъ правъ на Ливонію и Эстонію. Къ Владиславу было приставлено восемь коммиссаровъ, для совѣта и наблюденія за его поступками (3).

Владиславъ подступилъ къ Дорогобужу; тамошній воевода Иванисъ Ададуровъ поцаловалъ ему крестъ. Въ Вязьмѣ сидѣли воеводами князья Пронскій и Бѣлосельскій: узнавъ объ измѣнѣ Ададурова, они бѣжали изъ своего города; казаки ободрились, увидавъ, что снова пришло ихъ время, и бросились отъ Пронскаго грабить Украйну. Въ меньшой Вяземской крѣпости сидѣлъ воеводою князь Никита Гагаринъ: онъ хотѣлъ было остаться, но, видя, что посадскіе люди и стрѣльцы бѣгутъ изъ города, заплакалъ и самъ поѣхалъ за ними. Измѣнникъ Ададуровъ съ смоляниномъ Зубовымъ явились уже въ Москвѣ прельщать ея жителей; но это было уже не при Шуйскомъ: ихъ схватили и разослали по городамъ; строго наказали малодушныхъ воеводъ: Пронскаго и Бѣлосельскаго высѣкли

(1) Сборн. Мух., № 114.
(2) Histor. Russiae Monum. Appendix, № XXIV.
(3) Сборн. Мухан., № 113.

кнутомъ, сослали въ Сибирь, отняли недвижимое имѣніе для раздачи другимъ. Между тѣмъ поляки овладѣли Мещовскомъ; Козельскъ измѣнилъ; не измѣнила столица Тушинскаго вора, Калуга: ея жители прислали въ Москву бить челомъ государю, чтобъ далъ имъ въ воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, на другихъ не надѣялись. Пожарскій пріѣхалъ въ Калугу, привелъ ее въ осадное положеніе; на зовъ Пожарскаго пришли въ Калугу и казаки, разбойничавшіе въ Украйнѣ, и многую службу къ государю показали. Поляки приблизились къ Калугѣ; за пятнадцать верстъ отъ города встрѣтилъ ихъ Пожарскій; бились цѣлый день; съ обѣихъ сторонъ потеряли много людей и разошлись ни съ чѣмъ. Поляки попытались приступить къ Калугѣ, но, потерявъ много людей, должны были отступить къ Вязьмѣ. Другой Пожарскій, князь Дмитрій Петровичъ, также удачно дѣйствовалъ на сѣверо-западѣ: три раза отсидѣлся онъ отъ поляковъ — одинъ разъ въ Клину и два въ Твери (1).

Въ іюнѣ 1618 года Владиславъ стоялъ у Можайска; русскіе, по старому обыкновенію, хорошо отстаивали городъ (2), но всякій разъ терпѣли пораженіе въ полѣ. Отрыгнули въ войскѣ и прежніе безпорядки: ратники, подстрекаемые какими-то тремя людьми: ярославцемъ Богданомъ Тургеневымъ, смоляниномъ Тухачевскимъ и нижегородцемъ Жедринскимъ, возмутились противъ воеводъ-князей Черкаскаго и Лыкова: «приходяху бо они на бояръ, съ большимъ шумомъ, и указываху чего сами не знаху, и едва премилостивый Богъ утоли такое волненіе безъ крови». Владиславъ, видя, что Можайска не взять, двинулся къ Москвѣ, пославъ напередъ къ ея жителямъ грамоту (3), въ которой увѣрялъ, что это только совѣтники Михаила Романова утверждаютъ, будто онъ, Владиславъ, идетъ на истребленіе православной вѣры, но что у него этого и на умѣ нѣтъ. Съ другой стороны шелъ къ Москвѣ гетманъ малороссійскихъ казаковъ, Сагайдачный, выжегши на дорогѣ Елецъ. Страшная опасность грозила юному царю; онъ созвалъ соборъ (4), на которомъ объявилъ, что, «прося у Бога милости, онъ обѣщался стоять за православную вѣру противъ недруга своего Владислава, на Москвѣ сидѣть въ осадѣ, съ королевичемъ и съ людьми его биться, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, и онибъ, всякихъ чиновъ люди, за православную вѣру, за него, государя и за себя съ

(1) Помѣстныя дѣла во Времен. Мос. Ист. Общ. 1849 года, № 4.
(2) Дворц. Разр. I, 332.
(3) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 39.
(4) Тамъ же, № 40.

нимъ, государемъ въ осадѣ сидѣли, а на королевичеву, и ни на какую прелесть не покушалися». Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу — за православную вѣру и за него, государя, стоять и съ нимъ въ осадѣ сидѣть и биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ. Тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія относительно осаднаго положенія Москвы и разсылки воеводъ въ разныя мѣста. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ они, памятуя Бога, православную вѣру, крестное цалованіе и свои души, усердно помогли государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами (¹). 17 сентября Владиславъ явился въ Звѣнигородѣ, 20 остановился за 15 верстъ отъ Москвы; передовые отряды Сагайдачнаго показались у Донского монастыря и дважды бились съ москвичами (²); русскіе ратники не хотѣли двигаться впередъ; казаки бросили воеводъ и ушли разбойничать; Пожарскій сильно занемогъ и принужденъ былъ остаться въ Москвѣ. Троицкій монастырь и на этотъ разъ подалъ примѣръ славнаго сопротивленія: чтобъ захватить его, Владиславъ послалъ полковника Чаплинскаго съ малороссійскими казаками; Чаплинскій былъ отбитъ и послѣ, въ селѣ Вохнѣ, погибъ отъ служекъ троицкихъ. Недѣлю спустя перебѣжчики извѣстили царя о намѣреніи Владислава приступить къ Москвѣ. Въ полночь на 1 октября Сагайдачный приблизился къ воротамъ Арбатскимъ и Острожнымъ и успѣлъ было уже выломать послѣдніе, но былъ отбитъ; здѣсь въ послѣдній разъ является въ славномъ дѣлѣ имя Годуновыхъ. Сагайдачнаго отбилъ Никита Васильевичъ Годуновъ. Владиславъ увидалъ, что московское народонаселеніе показало плохую къ нему приверженность, и потому, отступивъ за 15 верстъ, прислалъ требовать съѣзда; царь согласился: нѣсколько дней съѣзжались у рѣки Прѣсни паны съ нашими боярами, но переговоры кончились ничѣмъ. Между тѣмъ, чтобъ отмстить смерть Чаплинскаго, перехватить сообщеніе Москвы съ сѣверными областями и удобнѣе дѣйствовать на послѣднія, а также и обогатиться добычею, Владиславъ самъ отправился подъ Троицкій монастырь; но осажденные пушечными выстрѣлами отвѣчали на предложенія его о сдачѣ; королевичъ отправилъ также отрядъ въ сѣверныя мѣста, но въ Ярославскомъ уѣздѣ литовцы были на-голову разбиты воеводою Соплею-Бутурлинымъ, а въ Устюжскомъ — княземъ Тюфякинымъ (³). Этотъ успѣхъ русскихъ перевѣшенъ былъ нѣсколько смертію знаменитаго московскаго наѣздника князя Ми-

---

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 42.
(²) Дворц. Разр. I, 364.
(³) Дворц. Разр. I, 383.

хайла Конаевича Тинбаева, который былъ также страшенъ литовцамъ, какъ Лисовскій русскимъ: Тинбаевъ, котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ древними богатырями, погибъ въ схваткѣ съ литовцами недалеко отъ Троицкаго монастыря. Въ самой Москвѣ не было спокойно, и все отъ тѣхъ же казаковъ: три тысячи изъ нихъ возмутились, проломили острогъ и ушли изъ столицы; царь послалъ уговаривать бѣглецовъ стариннаго начальника ихъ, князя Д. Т. Трубецкаго: только обѣщаніемъ наградъ удалось заставить казаковъ возвратиться назадъ, а между тѣмъ Сагайдачный успѣлъ занять въ расплохъ Калугу кромѣ крѣпости. Сильное сопротивленіе, встрѣчаемое почти повсюду, лютый морозъ и голодъ заставили, однако, Владислава думать объ окончаніи похода: опять начались съѣзды въ деревнѣ Деулинѣ; на первомъ ничего не сдѣлали, разъѣхались съ враждою; на другомъ чуть-чуть бою не было; на третьемъ успѣли заключить перемиріе на 14 лѣтъ съ полгодомъ: Литвѣ уступили Смоленскъ, Бѣлый, Невель, Красный, Дорогобужъ, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Серпейскъ, Себежъ и Стародубъ.

Деулинское перемиріе заключено было 1 декабря; весною Ѳ. И. Шереметевъ, князь Д. Мезецкій и Артемій Измайловъ отправились въ Вязьму для размѣна плѣнныхъ; Александръ Гонсѣвскій, которому поручено было тоже съ польской стороны, заставилъ долго себя ждать и, пріѣхавъ, началъ снова переговоры, желая, чтобъ русскіе послы еще поступились чѣмъ нибудь для выкупа отца государева; но Филаретъ послалъ сказать Шереметеву съ товарищами, чтобъ они ни одною четвертью земли не поступались для него Литвѣ. Наконецъ 1 іюня, между Вязьмою и Дорогобужемъ, на рѣчкѣ Поляновкѣ, произведенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ: за Струся съ товарищами отданы были Филаретъ, Шеинъ, Томила Луговской и князь Иванъ Шуйскій; впрочемъ, о возвращеніи послѣдняго знаемъ только изъ позднѣйшихъ актовъ, въ извѣстительныхъ же грамотахъ царя Михаила Ѳеодоровича о возвращеніи плѣнныхъ имени Шуйскаго нѣтъ (*). Митрополитъ Филаретъ возвращался съ

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 44. Что же касается до супруги покойнаго царя Василья Ивановича, Екатерины (Марьи), въ монахиняхъ Елены, то, кажется, она оставалась, послѣ постриженія, въ Россіи; скончалась, какъ видно, въ 1625 году; въ слѣдующемъ 1626 царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отдалъ принадлежавшую ей слободу Василеву Нижегородскаго уѣзда въ Вознесенскій монастырь. См. акты истор. III, № 140. Никон. VIII, 250, годъ 1625. «Въ тожъ время представися царица Елена, царя Василья Ивановича царица, а была пострижена на Москвѣ, въ новомъ девичьѣ монастырѣ.»

большимъ торжествомъ: начиная съ Можайска, къ нему высылаемы были на встрѣчу высшія духовныя власти и бояре; самъ царь встрѣтилъ его въ пяти верстахъ отъ Москвы и поклонился въ ноги, Филаретъ сдѣлалъ тоже самое предъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могши ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ (1). Уже шесть лѣтъ престолъ патріаршій оставался празднымъ: дожидались Филарета; дожидался его и Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, пришедшій въ Москву за милостынею. Вмѣстѣ съ владыками русскими Ѳеофанъ предложилъ патріаршество Филарету: «понеже вѣдяху сего достойна быти таковому дѣлу; паче же и сего ради, яко по плоти той царевъ отецъ, и сего ради да будетъ царствію помогатель и строитель, и сирымъ заступникъ, и обидимыхъ предстатель». Филаретъ согласился и 24 іюня былъ посвященъ (2).

По прибытіи своемъ въ Москву, Филаретъ принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія; ничто не дѣлалось безъ его вѣдома и согласія; грамоты писались отъ имени царя и патріарха вмѣстѣ (3). Такое участіе Филарета Никитича въ правленіи имѣло важныя послѣдствія: опытный старецъ, хорошо знавшій всѣ прежнія отношенія, сталъ руководителемъ государя юнаго, незнакомаго еще съ событіями и съ людьми предшествовавшей эпохи, и потому иногда поддававшагося вліянію лицъ, довольно смѣлыхъ или довольно сильныхъ связями, чтобъ пріобрѣсти вліяніе безъ всякихъ другихъ правъ на него. До пріѣзда Филарета самыми приближенными къ государю людьми были: дядя его, Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, также родственникъ его, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и двое Салтыковыхъ — Борисъ и Михайло. Касательно троихъ первыхъ должно замѣтить, что они не отличались большими способностями и твердымъ характеромъ; вотъ почему дѣятельные, честолюбивые Салтыковы могли получить важное значеніе при дворѣ; могъ получить важное значеніе и извѣстный Грамотинъ и другіе, ему подобные. Дѣла пошли инымъ порядкомъ, когда въ управленіи принялъ участіе Филаретъ, старецъ ум-

(1) Собр. гос. и дог. т. III, № 44; Дополн. къ акт. историч. т. II, № 76.

(2) Дополн. къ акт. истор. II. № 76; Собр. гос. гр. и дог. III, № 45.

(3) Однажды былъ посланъ отъ царя къ персидскому послу съ кушаньемъ князь Сицкій, а отъ патріарха князь Репнинъ, и когда Сицкій сталъ хвалиться, что онъ выше поэтому Репнина мѣстомъ, и Репнинъ сталъ бить челомъ на Сицкаго, то государь велѣлъ сказать, что «каковъ онъ Государь, таковъ и отецъ его Государевъ, и ихъ государское Величество нераздѣльно: тутъ мѣстъ нѣту.» Дворц. Разр. I, 491.

ный, твердый и строгій. Онъ отстранилъ всѣ постороннія вліянія, вскрылъ злоупотребленія, бывшія до него, вооружился противъ виновниковъ этихъ злоупотребленій, противъ людей, обезславившихъ себя во время смутъ, и наоборотъ, сталъ выводить людей, потрудившихся въ это время за государство. Легко понять, что такія дѣйствія Филарета должны были снискать себѣ приверженность однихъ и неудовольстіе другихъ; вотъ почему намъ неудивительно встрѣчать въ источникахъ разнорѣчивыя извѣстія о патріархѣ. Такъ въ одномъ извѣстіи читаемъ, что Филаретъ не только исправлялъ слово Божіе, но правилъ и земскими дѣлами, многихъ освободилъ отъ насилія, не было при немъ сильныхъ временщиковъ, всѣ знали только государя и патріарха, обращались къ нимъ однимъ; кто служилъ государю и въ безгосударное время, тѣхъ всѣхъ патріархъ взыскалъ и пожаловалъ, и держалъ ихъ у себя въ милости (1). Въ другомъ извѣстіи находимъ слѣдующее описаніе Филарета: «Филаретъ патріархъ Московскій и всея Россіи возрасту и сану былъ средняго, божественное писаніе отчасти разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а власть имѣлъ такую, что и самъ Царь боялся его. Бояръ и другихъ сановниковъ сильно томилъ заточеніями безвозвратными и иными наказаніями; къ духовному сану былъ милостивъ и не сребролюбивъ; всякими дѣлами, и царскими и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и челобитныхъ писали имя его съ *вичемъ* (2).»

Тоже извѣстіе указываетъ на Филарета какъ на виновника второй войны съ Польшею, говоря, что онъ негодовалъ на польское правительство за оказанныя ему притѣсненія. Во сколько личныя отношенія Филарета участвовали въ прерваніи мира, намъ этого опредѣлить нельзя; мы должны только замѣтить, что продолженію мира препятствовали другія, болѣе важныя причины: въ Деулинскомъ договорѣ Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ, не призналъ Михаила Ѳеодоровича царемъ: могъ ли послѣдній спокойно оставаться въ такомъ положеніи? изъ всего хода дѣлъ видно, что перемиріе было ненадежно, и что при первомъ удобномъ случаѣ война должна была начаться. Въ 1619 году, 17 сентября, царскіе вяземскіе воеводы писали къ королевскимъ дорогобужскимъ воеводамъ съ жалобою, что тѣ не называютъ Михаила Ѳеодоровича царемъ. Поляки отвѣчали (3): «Мы, по наказу и правдѣ, пишемъ царскій титулъ Великаго Государя Вла-

(1) Никон. VIII, 245.
(2) Востокова — Описаніе Румянц. Муз., стр. 642.
(3) Акты истор. т. III, № 81.

дислава Жигимонтовича всея Руси, да и впередъ писать будемъ потому что Всемогущій Богъ то даровалъ ему и вашими душами всего народа Московскаго всякихъ людей утвердилъ; справедливая ли то рѣчь, что мимо истиннаго государя своего называете государемъ Московскимъ Михаила Θеодоровича Романова? Мы однако съ вами о томъ спору не держимъ, и ссоры никакой не чинимъ, пока Господь Богъ волю свою совершитъ. Говорили много о томъ великомъ дѣлѣ великіе послы, какъ нынѣшній миръ становили, да и великіе послы того не отговорили и не замирили, титла и права и справедливости его къ Московскому государству не отставили, но еще и утвердили, потому что то дѣло положили на судъ Божій, чтобъ Богъ Всемогущій, который самъ началъ, самъ же то и совершилъ, о чемъ и въ перемирныхъ грамотахъ такъ написано; вслѣдствіе чего дожидаемся суда Божія.» Поляки дожидались суда Божія, т. е. войны; русскіе должны были дожидаться того же.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ОБЗОРЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Окончаніе.

12 октября 1621 года у царя и патріарха былъ соборъ (*), на которомъ оба они говорили «о неправдахъ и крутопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, польскаго короля. Король мирное постановленье нарушилъ; литовскіе люди чинятъ многіе задоры въ порубежныхъ мѣстахъ, плѣнныхъ отпустили не всѣхъ, и королевича Владислава, мимо посольскихъ договорныхъ записей и утвержденья, называютъ царемъ всея Руси, о царѣ же Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пишутъ съ большою укоризною, отъ родства съ прежними государями московскими отчитаютъ, чего никакъ терпѣть нельзя. И если польскіе люди не исправятся, то великій государь за православную вѣру, за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго государства учнетъ стоять. А теперь къ тому случай удобный: турецкій султанъ Османъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву, зоветъ царя на Польшу; крымскій ханъ уже ополчился на нее; шведскій король Густавъ Адольфъ не однажды присылалъ звать царя стоять съ нимъ вмѣстѣ. Но великій государь, еще жалѣя о христіянствѣ, указалъ боярамъ послать отъ себя къ панамъ съ грамотою о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, и если паны ни въ чемъ исправы не учинятъ, то за такія неправды великій государь больше терпѣть не станетъ. А только теперь польскому королю смолчать, и если онъ

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 57.

дислава Жигимонтовича всея Руси, да и впередъ писать будемъ потому что Всемогущій Богъ то даровалъ ему и вашими душами всего народа Московскаго всякихъ людей утвердилъ; справедливая ли то рѣчь, что мимо истиннаго государя своего называете государемъ Московскимъ Михаила Өеодоровича Романова? Мы однако съ вами о томъ спору не держимъ, и ссоры никакой не чинимъ, пока Господь Богъ волю свою совершитъ. Говорили много о томъ великомъ дѣлѣ великіе послы, какъ нынѣшній миръ становили, да и великіе послы того не отговорили и не замирили, титла и права и справедливости его къ Московскому государству не отставили, но еще и утвердили, потому что то дѣло положили на судъ Божій, чтобъ Богъ Всемогущій, который самъ началъ, самъ же то и совершилъ, о чемъ и въ перемирныхъ грамотахъ такъ написано; вслѣдствіе чего дожидаемся суда Божія.» Поляки дожидались суда Божія, т. е. войны; русскіе должны были дожидаться того же.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ОБЗОРЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Окончаніе.

12 октября 1621 года у царя и патріарха былъ соборъ (*), на которомъ оба они говорили «о неправдахъ и крутопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, польскаго короля. Король мирное постановленье нарушилъ; литовскіе люди чинятъ многіе задоры въ порубежныхъ мѣстахъ, плѣнныхъ отпустили не всѣхъ, и королевича Владислава, мимо посольскихъ договорныхъ записей и утвержденья, называютъ царемъ всея Руси, о царѣ же Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пишутъ съ большою укоризною, отъ родства съ прежними государями московскими отчитаютъ, чего никакъ терпѣть нельзя. И если польскіе люди не исправятся, то великій государь за православную вѣру, за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго государства учнетъ стоять. А теперь къ тому случай удобный: турецкій султанъ Османъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву, зоветъ царя на Польшу; крымскій ханъ уже ополчился на нее; шведскій король Густавъ Адольфъ не однажды присылалъ звать царя стоять съ нимъ вмѣстѣ. Но великій государь, еще жалѣя о христіянствѣ, указалъ боярамъ послать отъ себя къ панамъ съ грамотою о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, и если паны ни въ чемъ исправы не учинятъ, то за такія неправды великій государь больше терпѣть не станетъ. А только теперь польскому королю смолчать, и если онъ

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 57.

теперь, въ своемъ упадкѣ, гордости и неправды не убавитъ, когда ему война и тѣснота со всѣхъ сторонъ, то послѣ, когда ему станетъ хотя немного полегче, будетъ отъ него еще больше неправдъ и умышленій на Московское государство. Кромѣ того должно опасаться, что если теперь мы не станемъ вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и шведскимъ королемъ, по ихъ присылкѣ и прошенью, то чтобы впередъ съ ними за это въ недружбу не войти.» — Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они за нихъ государей и за ихъ государство противъ польскаго короля ради биться, не щадя головъ своихъ. Дворяне просили при этомъ, чтобъ государь велѣлъ разобрать по городамъ, кому можно служить государеву службу, чтобъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ ни одинъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. Гости и торговые люди били челомъ, что они въ помощь государевой казнѣ ради съ себя давать деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ.

Несмотря, однако, на эту всеобщую готовность, государь и патріархъ медлили, потому что предпріятіе Османа кончилось не совсѣмъ удачно, и онъ заключилъ миръ съ Польшею. Но въ 1632 году, желая воспользоваться междуцарствіемъ въ Польшѣ по смерти Сигизмунда III, царь и патріархъ двинули войско къ литовскимъ границамъ. Воеводами назначены были сперва князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій, Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Өедоръ Елецкій; но Лыковъ отказался итти съ Черкаскимъ: во первыхъ потому, что Черкаскій тяжелъ обычаемъ, во вторыхъ потому, что онъ, Лыковъ, служилъ сорокъ лѣтъ, и тридцать лѣтъ ходилъ съ собственнымъ набатомъ, и теперь ходить за чужимъ набатомъ ему не приходится (*). Вслѣдствіе этого отказа назначили другихъ воеводъ: Бориса Михайловича Шеина и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; но Пожарскій занемогъ и былъ замѣненъ окольничимъ Артеміемъ Васильевичемъ Измайловымъ. 9 августа 1632 года данъ былъ означеннымъ воеводамъ наказъ итти подъ Дорогобужъ и Смоленскъ. Причиною похода объявлено то, что при заключеніи мира въ Деулинѣ въ договорныхъ посольскихъ записяхъ написано имя царя Михаила Өеодоровича съ полнымъ царскимъ именованьемъ; но послѣ этого польскіе чиновники, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ русскими властями, начали опускать имя Михаила Өеодоровича и величать царемъ Владислава; кромѣ того стали дѣлать многіе неправды и задоры на рубежахъ; а потому государь, поговоря съ от-

(*) См. также Времен. Моск. Ист. Общ. 1850, кн. 7. Лыковъ отказывался еще потому итти съ Черкаскимъ, что будто послѣднимъ люди владѣютъ; за такое безчестье на Лыковѣ велѣно доправить окладъ его вдвое 1200 рублей и отдать Черкаскому.

цемъ своимъ и боярами, послалъ воеводъ со многими ратными людьми, чтобъ неправды польскому королю отомстить, и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблею, возвратить по прежнему къ Московскому государству. Воеводамъ было наказано (1) послать сперва легкіе отряды, *рѣзвыхъ людей*, захватить Дорогобужъ въ-расплохъ; если не удастся, то итти къ этому городу всѣми полками, промышлять всякими мѣрами; послать тайно грамоты къ русскому народонаселенію этого города съ увѣщаніемъ вспомнить православную вѣру и присягу, послужить государю, надъ литовскими людьми промыслить и городъ сдать. Если не удастся взять Дорогобужъ скоро, то, оставя подъ нимъ меньшихъ воеводъ, Шеинъ и Измайловъ должны были итти подъ Смоленскъ и промышлять надъ этимъ городомъ точно также, какъ надъ Дорогобужемъ. Походъ предпринятъ былъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратить Смоленскъ и Дорогобужъ съ уѣздомъ Московскому государству; съ этою цѣлію воеводамъ наказано, чтобъ они, какъ скоро придутъ подъ Смоленскъ, тотчасъ отписали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды, къ старостамъ, цѣловальникамъ и всякимъ людямъ, что они пришли для очищенія Смоленска и уѣзда его къ Московскому государству по прежнему, и потому, чтобъ всякіе уѣздные люди ѣхали къ нимъ въ станъ съ запасами, и продавали ихъ какъ цѣна подниметъ; воеводы должны были наказать ратнымъ людямъ на-крѣпко, чтобъ они ни у кого ничего даромъ не брали, никого не грабили и не били, уѣздовъ не пустошили, и уѣздныхъ и всякихъ людей своимъ насильствомъ не разогнали; для сыску надъ виноватыми по челобитьямъ уѣздныхъ людей выбрать въ полкахъ особыхъ судей, которымъ приказать накрѣпко, чтобъ они по челобитнымъ сыскивали въ правду, ратнымъ людямъ ни въ чемъ не норовили, при чемъ сами воеводы должны надсматривать надъ судьями. Такіе же наказы были даны и меньшимъ воеводамъ (2). Мы видѣли, что Пожарскій, по болѣзни, остался въ Москвѣ; но и ему нашлось занятіе: на Соборѣ приговорили сбирать со всякихъ людей деньги для вспоможенія ратнымъ людямъ, при чемъ съ торговыхъ людей опредѣлено взять пятую деньгу, а съ дворянъ и приказныхъ людей, оставшихся по городамъ, что кто дастъ; наблюдать за сборомъ этихъ-то денегъ былъ поставленъ князь Дмитрій Михайловичъ (3).

Походъ начался счастливо: болѣе двадцати городовъ и мѣстъ было взято (4); даже когда явился въ Смоленскъ самъ король Вла-

---

(1) Акты Арх. Эксп., т. III, № 206; Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847. № 1.

(2) Акты Арх. Эксп., т. III, № 207.

(3) Тамъ же, № 213.

(4) Тамъ же, № 242.

диславъ съ братомъ Яномъ Казиміромъ, то воеводы сначала извѣщали царя, что у нихъ въ бояхъ съ королемъ дѣло идетъ успѣшно (1). Но скоро пришли другія вѣсти: извѣщали, что московскіе воеводы сильно утѣснены королемъ, и что многіе ратные люди у нихъ разъѣхались, услыхавъ, что крымцы, подкупленные поляками, воюютъ ихъ помѣстья и вотчины (2). Тогда царь отправилъ на смѣну Шеина бояръ — князей Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго и Дмитрія Михайловича Пожарскаго; созванъ былъ Соборъ (3), на которомъ царь объявилъ о стѣснительномъ положеніи войска, объ оскудѣніи казны, о томъ, что торговые люди въ прежніе сборы давали пятую деньгу неправдою, не по соборному уложенью, не противъ своихъ промысловъ и животовъ, и требовалъ новыхъ пожертвованій; Соборъ объявилъ, что царская воля будетъ исполнена (4). Но уже было поздно: король оттѣснилъ Шеина отъ Смоленска и привелъ въ самое затруднительное положеніе; Дорогобужъ былъ взятъ поляками въ тылу русскаго войска; Шеинъ попытался побѣдою выйти изъ отчаяннаго положенія, но вмѣсто побѣды потерпѣлъ пораженіе; Шеинъ, прославившійся защитою Смоленска, оказался неспособнымъ предводительствовать въ полѣ и осаждать города; къ неспособности вождя присоединился еще разнохарактерный составъ войска, въ которомъ были нѣмцы, англичане, греки, сербы, волохи, татары: иностранные генералы и полковники не слушались Шеина, не уважали, ссорились другъ съ другомъ, такъ что полковникъ Лесли, въ присутствіи боярина, застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона. Шеинъ не зналъ, что́ дѣлать: завелъ съ Владиславомъ переговоры; потомъ рѣшился на битву, проигралъ ее и принужденъ былъ согласиться на всѣ требованія королевскія: Шеину со всѣмъ войскомъ позволено было выйти изъ стана къ Москвѣ, но весь нарядъ, т. е. артиллерія осталась въ рукахъ поляковъ; кромѣ того Шеинъ и всѣ ратные люди дали Владиславу присягу не служить противъ него въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ (5). 3 марта 1634 года князья Черкаскій и Пожарскій извѣстили объ этомъ государя (6); Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ спросить возвращающагося Шеина, какимъ образомъ онъ помирился съ королемъ, сколько отдалъ наряду и сколько возвращается съ нимъ ратныхъ людей; послѣднимъ велѣно сказать, что служба ихъ и радѣнье, и нужда, и

(1) Акты Арх. Эксп., т. III, № 230.
(2) Тамъ же, № 239.
(3) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 99.
(4) Акты Арх. Эксп., т. III, № 242.
(5) Тамъ же, № 246.
(6) Тамъ же, № 247.

крѣпкостоятельство противъ короля и польскихъ людей государю и
всему Московскому государству вѣдомы (*). Этимъ ясно было пока-
зано, что правительство приписывало всю неудачу однимъ восво-
дамъ. Шеинъ прислалъ статьи договора и списокъ ратнымъ лю-
дямъ, потеряннымъ и оставшимся; изъ русскихъ только восемь че-
ловѣкъ измѣнили, и изъ нихъ шесть донскихъ казаковъ; о нѣмцахъ
Шеинъ пишетъ, что изъ нихъ многіе люди измѣнили, но что пол-
ковники не даютъ росписей измѣнникамъ и умершимъ.

Извѣстна участь, которая ожидала Шеина и товарищей его въ
Москвѣ. Это дѣло до сихъ поръ еще не могло быть вполнѣ уяснено;
Шеинъ показалъ себя неискуснымъ, медленнымъ, но для измѣны
нѣтъ доказательствъ; съ другой стороны, въ розыскномъ дѣлѣ явно
выражается ненависть бояръ противъ Шеина, видно, что противъ
него подъискивались всякими средствами, говорили правду и не-
правду, вмѣняли въ преступленіе то, что надобно было бы вмѣнить
въ заслугу, какъ точное исполненіе указа государева. Шеинъ, дол-
жно думать, палъ жертвою несчастныхъ обстоятельствъ, собствен-
наго неискусства и гордости, которою оскорбилъ всѣхъ своихъ то-
варищей и пріобрѣлъ себѣ въ нихъ отъявленныхъ враговъ, искав-
шихъ всякаго средства погубить его. Для доказательства приведемъ
обвиненія, которыя были читаны Шеину передъ плахою: упомя-
нувъ о богатыхъ наградахъ, полученныхъ Шеинымъ передъ похо-
домъ, дьякъ читалъ: «Ты, Михайло Шеинъ, когда передъ выступ-
леніемъ на службу былъ у Государя на отпускѣ у руки, то вычи-
талъ передъ нимъ прежнія свои службы съ большою гордостію, го-
ворилъ, будто ты своими прежними службами выше всей своей
братьи-бояръ, будто многіе бояре, въ то время, какъ ты служилъ,
по запечью сидѣли, и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю
свою братью передъ Государемъ съ большою укоризною, службою
и отечествомъ никого себѣ сверстникомъ не поставилъ. Государь,
жалуя и щадя тебя, Михайло, для своего государева и земскаго
дѣла, и не хотя тебя на путь оскорбить, на все это тебѣ смолчалъ;
а бояре, которые были въ то время при Государѣ, слыша на себя
отъ тебя такія грубыя и поносныя слова, для государской къ тебѣ
милости, не хотѣли Государя раскручинить, и также тебѣ смолчали.»
Потомъ дьякъ читалъ исчисленіе ошибокъ Шеина и Измайлова, ко-
торыя всѣ приписаны измѣнѣ; поставлено въ вину и строгое испол-
неніе извѣстнаго царскаго указа, чтобъ никто изъ ратныхъ людей
не смѣлъ ничего брать даромъ и вообще обижать жителей Дорого-
бужскаго и Смоленскаго уѣздовъ: «Которые служилые люди отъ

(*) Акты Арх. Эксп., т. III, № 248.

великой скудости и голоду ѣзжали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды для своихъ и конскихъ кормовъ, тѣхъ велѣлъ ты, Михайло, брать и бить кнутомъ безъ милости, и Дорогобужскій съ Смоленскимъ уѣзды уберегли Литовскому Королю со всѣми запасами.» Еще обвиненіе: «Да тыжъ, Михайло, будучи въ плѣну въ Литвѣ прежнему Королю Сигизмунду и сыну его, Королевичу Владиславу цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ. А когда ты пріѣхалъ изъ Польши къ Государю въ Москву, тому уже будетъ пятнадцать лѣтъ, то не объявилъ до сихъ поръ, что ты Литовскому Королю крестъ цѣловалъ, а держалъ ту присягу тайно, и нынѣ, будучи подъ Смоленскомъ, измѣною своею ко Государю и ко всему Московскому государству, а Литовскому Королю исполняя свое прежнее крестное цѣлованье, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, Государю же измѣнялъ.» Еще менѣе виноватъ былъ второй воевода, Измайловъ, но ему также отрубили голову. Гораздо виновнѣе, по словамъ предсмертной сказки, былъ сынъ Измайлова, Василій; ему читали: «А ты, Василій, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, Государю измѣнялъ больше всѣхъ, съѣзжался съ Литовскими людьми и государевыми измѣнниками, Потемкинымъ, Мещериновымъ и другими, призывалъ ихъ къ себѣ въ станъ, пировалъ съ ними, потчивалъ и дарилъ, и отъ нихъ подарки съ братомъ своимъ Семеномъ бралъ, ночевать ихъ у себя унималъ, и Литовскіе люди съ государевыми измѣнниками у тебя были и ночевали, а пріѣзжали къ тебѣ съ своимъ кормомъ и питьемъ, провожали тебя до стану, а ты разговаривалъ съ ними обо всемъ, что годно было Литовскому Королю. Да ты жь, Василій подъ Смоленскомъ и въ Можайскѣ хвалилъ Польскаго Короля, говоря: какъ де противъ такого великаго государя... намъ биться; каковъ де былъ царь Иванъ, и тотъ де противъ Польскаго Короля сабли не вынималъ и съ нимъ не бивался; да ты жь, Василій, услыша о смерти Великаго Государя Патріарха Филарета Никитича, говорилъ многія воровскія непригожія слова, чего и написать нельзя.» Такъ какъ въ обвиненіи сказано, что Василій Измайловъ больше всѣхъ виноватъ, то дѣйствительно онъ былъ достоинъ тяжкаго наказанія; но по смыслу самого обвиненія выходитъ, что Шеинъ и Артемій Измайловъ менѣе виновны, чѣмъ Василій Измайловъ, а между тѣмъ Шеинъ обвиненъ и въ томъ, что онъ на приступахъ велѣлъ стрѣлять въ государевыхъ людей. Князей Прозоровскаго и Бѣлосельскаго приговорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣнье взять въ казну; отъ смертной казни эти вельможи освобождены потому, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣньи Прозоровскаго и о болѣзни Бѣлосельскаго. Сынъ воеводы, Иванъ Шеинъ, винэвный только по

винѣ отца, освобожденъ отъ смертной казни по ходатайству цари-
цы, царевичей и царевенъ, но сосланъ, съ матерью и женою, въ
понизовые города. Другой сынъ Артемія Измайлова, Семенъ, битъ
кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму, за то, что, будучи подъ
Смоленскомъ, «воровалъ, съ Литовскими людьми съѣзжался, разго-
варивалъ съ ними многія непригожія слова и дарилъ ихъ.» Тако-
му же наказанью подвергся Гаврила Бакинъ за то, что, будучи въ
Можайскѣ, хвалилъ польскаго короля и польскихъ людей передъ
русскими. Любимъ Ананьинъ испыталъ одинакую участь за то, что
«жилъ все во дворѣ у Шеина, былъ у него въ шишахъ, подслуши-
валъ, кто что про него Михайлу говоритъ, и ссорилъ его Михайлу
со многими государевыми ратными людьми.» Тимофей Измайловъ,
родной братъ Артемія, служилъ въ Москвѣ на Казенномъ дворѣ у
Большой Казны въ судѣ: по причинѣ измѣны брата его, велѣно
было сослать Тимоѳея съ женою и дѣтьми въ Казань.

По выступленіи Шеина изъ стана, Владиславъ пошелъ слѣдомъ
за нимъ, успѣлъ взять Вязьму, но былъ остановленъ подъ стѣнами
Бѣлой, въ приступахъ къ которой потерялъ 4,000 войска и полу-
чилъ рану. Эта неудача и сеймъ заставили короля возвратиться въ
Польшу. Польскіе короли, при извѣстномъ устройствѣ своего госу-
дарства, не могли привести къ желанному окончанію ни одного важ-
наго предпріятія; такъ и теперь войско роптало на невыдачу жало-
ванья, денегъ было взять негдѣ; воеводы, по отъѣздѣ Владислава,
ссорились между собою; король долженъ былъ довольствоваться
тѣмъ, что успѣлъ удержать за собою отцовскія пріобрѣтенія, и же-
лалъ мира; много было причинъ желать его и царю московскому.
Въ іюнѣ 1643 года уполномоченные съѣхались у рѣчки Поляновки,
гдѣ прежде былъ размѣнъ плѣнныхъ, и заключили миръ на преж-
нихъ условіяхъ относительно владѣній; но что всего важнѣе было
для Московскаго государства, что вознаграждало его за несчастный
походъ, это — отказъ Владислава отъ царскаго титула и права
на московскій престолъ. Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ
былъ посланъ въ Польшу для скрѣпленія договора и привезъ отту-
да тѣло царя Василія Ивановича Шуйскаго, на встрѣчу которому
былъ отправленъ изъ Москвы братъ покойнаго, князь Иванъ Ива-
новичъ.

Теперь обратимся къ сношеніямъ съ другими государствами при
царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Мы видѣли уже, что тотчасъ по всту-
пленіи на престолъ царь отправилъ въ разныя государства пословъ
съ извѣстіями о своемъ воцареніи. Ко двору императорскому от-
правлены были Ушаковъ и Заборовскій, которымъ данъ былъ под-
робный наказъ, какъ поступать, если императорскіе думные люди

заведутъ рѣчь о прежнихъ переговорахъ князя Д. М. Пожарскаго съ цесарскими повѣренными (1). Изъ наказа узнаемъ, что во время междуцарствія былъ у бояръ императорскій подданный, какой-то Юсуфъ Григорьевъ, который въ разговорѣ съ княземъ Пожарскимъ предложилъ ему выбрать въ цари императорскаго брата, и будто Пожарскій отвѣчалъ на это, что они, бояре, цесарю много челомъ бьютъ, и брата его на государство примутъ съ великою радостью. Юсуфъ, пріѣхавъ, объявилъ о томъ императору Матѳію, и тотъ отправилъ его обратно въ Москву объявить боярамъ, что онъ охотно даетъ имъ въ цари своего двоюроднаго брата, для чего и отправляетъ къ нимъ и къ польскому королю особыхъ пословъ. Такъ, если бы — говоритъ наказъ — императорскіе сановники спросили у московскихъ пословъ, имѣютъ ли они объ этомъ дѣлѣ какой приказъ, то Ушаковъ и Заборовскій должны были отвѣчать, что до избранія царя Михаила Ѳеодоровича у бояръ, воеводъ и всякихъ чиновъ людей и на мысли не бывало ни о какихъ короляхъ и королевичахъ; но если бы князь Д. М. Пожарскій, безъ совѣту всей земли и приказалъ что́ съ Юсуфомъ, или, быть можетъ, посланникъ Юсуфъ или переводчикъ Еремей сами собою затѣяли: «хотячи у цесарскаго величества жалованье какое выманить, то вамъ, думнымъ людямъ, можно самимъ разумѣть, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается, и вамъ было о томъ и говорить непригоже, и пословъ государю вашему о томъ посылать не для чего: то дѣло нестаточное и межъ государей нелюбовное; а о такихъ дѣлахъ говорить намъ непригоже.» Послы провѣдали, что являлся къ императору переводчикъ Еремей, и была съ нимъ грамота отъ бояръ и всей земли, у грамоты были двадцати-четырехъ человѣкъ руки и печати. Имена рукоприкладчиковъ и содержаніе грамоты остались неизвѣстны (2). Ушаковъ и Заборовскій были также въ Голландіи и Англіи съ требованіями помощи; Штаты отвѣчали, что они сами теперь въ войнѣ съ Испаніею и помощи подать не могутъ, но что́ готовы посредничать въ примиреніи съ Швеціею (3). Мы уже видѣли исполненіе обѣщанія.

Весною 1615 года отправлено было первое русское посольство во Францію; послами были дворянинъ Кондыревъ и подъячій Невѣровъ: царь объявлялъ Людовику XIII о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ у него помощи противъ поляковъ и шведовъ; въ

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 15.

(2) Вмѣстѣ съ Юсуфомъ былъ еще Адамъ Дорнъ или Ворнъ; они ѣхали черезъ Россію въ Персію. Адамъ Дорнъ содержался еще въ 1630 году въ Чердыни со всѣми своими людьми. См. Берха, Мих. Ѳеод., стр. 92.

(3) Сѣв. Арх. ч. III, стр. 249.

грамотѣ читается: «Послали есмя къ вамъ, брату нашему, наше государство обестити (обвѣстити), и Жигимонтовы Королевы и Свѣйскихъ прежняго и нынѣшняго королей неправды объявити. А вы бъ, братъ нашъ любительный, великій государь Людвикъ Король намъ бы еси великому государю способствовалъ гдѣ будетъ тебѣ мочно.» Въ 1629 году пріѣзжалъ въ Москву первый французскій посолъ Де-Гэ-Курменэнъ, для заключенія вѣчной дружбы, но собственно для заведенія торговыхъ связей чрезъ московскія владѣнія съ Востокомъ, и просилъ, чтобы французскимъ купцамъ позволено было ѣздить черезъ русскія области въ Персію. Наше правительство отвѣчало, что оно вѣчной дружбѣ съ Франціею радо, но что французы могутъ покупать восточные и персидскіе товары въ московскихъ областяхъ; кромѣ того было замѣчено послу, что король не прописываетъ полнаго царскаго титула. Но хотя правительство наше и желало союза съ Франціею, однако поступокъ Маржерета, передавшагося полякамъ, не былъ забытъ: вотъ почему, готовясь къ войнѣ съ Польшею и вознамѣрившись, для большаго успѣха, нанять иностранное войско, правительство наказывало полковнику Лесли, посланному для этого найма: «Наймовать солдатовъ Свейскаго государства и иныхъ государствъ, опричь французскихъ людей, а французжанъ и иныхъ, которые римской вѣры, одноличнo не наймовать» (1). Правительству естественно было думать, что католики не могли ревностно сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ — поляковъ. Изъ европейскихъ державъ происходили еще сношенія съ Даніею и Голштиніею. Въ 1614 году упоминается при московскомъ дворѣ датскій посланникъ Иверъ Винтъ (2). Въ 1623 году встрѣчаемъ извѣстіе о непріязненныхъ замыслахъ датчанъ (3): изъ Соловецкаго монастыря писали, «что пришли къ Кольскому острогу Датскаго короля воинскіе люди на четырехъ корабляхъ и нашихъ людей грабятъ и на корабли къ себѣ емлютъ.» Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло; въ 1631 году упоминается уже о московскомъ посольствѣ въ Данію; въ 1637 году отправлено было туда съ большими почестями тѣло принца Іоанна, жениха Ксеніи Борисовны Годуновой; подъ 1641 годомъ опять упоминается о датскихъ послахъ у насъ; въ слѣдующемъ 1642 году царь отправилъ въ Данію пословъ: окольничаго Проѣстева и дьяка Патрикѣева, говорить о государственныхъ великихъ дѣлахъ (4), а именно, что царь хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ пріятельствѣ и въ крѣ-

(1) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 83.
(2) Дворц. Разр. 1, 155.
(3) Акты Арх. Эксп., т. III, № 137.
(4) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 117.

пкой дружбѣ, въ любви и въ соединеньѣ свыше всѣхъ великихъ го-
сударей; и для того велѣлъ его королевскому величеству объявить,
что его государской дщери, царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ приспѣло
время сочетаться законному браку; а вѣдомо ему великому госу-
дарю, что у датскаго Христіануса короля есть добродный и высо-
корожденный его королевскій сынъ, королевичъ Вальдемаръ Хре-
стьанъ, графъ Шлезвицкій, Голстенскій. И будетъ его королевское
величество похочетъ съ нимъ великимъ государемъ быть въ брат-
ской дружбѣ на вѣки, и онъ бы поволилъ сыну своему государскую
дщерь къ сочетанію законному браку понять.» Но царскіе послан-
ные, Проѣстевъ и Патрикѣевъ, дурно повели дѣло, не умѣли отвѣ-
чать положительно на вопросы датскихъ вельможъ объ отноше-
ніяхъ, въ какихъ будетъ находиться принцъ къ царскому дому, и,
не испросивъ полнѣйшаго наказа у своего правительства, возврати-
лись ни съ чѣмъ изъ Копенгагена въ Москву, за что подверглись
опалѣ царской. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ по этому
дѣлу гамбургца Петра Марселиса (Peter Marcellus), «вѣря ему въ
томъ великомъ дѣлѣ, что его Петровъ отецъ, Гаврила и онъ, Петръ,
прежде сего ему великому государю служили вѣрно: какъ бы въ
Польшѣ и Литвѣ отецъ его государевъ; и его Петровъ отецъ Гав-
рила о его государскомъ высвобожденьи радѣлъ и всякими мѣрами
промышлялъ, да и иныя его Гавриловы и сына его Петра къ нему
великому государю многія и вѣрныя службы были». Марселисъ
исправно исполнилъ порученія: принцъ Вальдемаръ пріѣхалъ въ
Москву, былъ принятъ съ торжествомъ; но когда начались перего-
воры, то дѣло остановилось на первомъ, самомъ главномъ пунктѣ:
королевичъ не хотѣлъ перемѣнить исповѣданія, а царь не хотѣлъ
выдать дочери за неправославнаго, и скончался, не успѣвъ порѣ-
шить дѣла, а по смерти царя принцъ уѣхалъ въ Данію (*). Въ 1634
году, по просьбѣ герцога голштинскаго Фридриха, заключенъ былъ
договоръ съ голштинскою купеческою компаніею, по которому она
получила право торговать черезъ московскія области съ Персіею и
Индіею, въ продолженіе десяти лѣтъ, за что обязалась платить въ
царскую казну ежегодно по 600,000 большихъ ефимковъ, не при-

(*) Говорятъ, будто принцъ хотѣлъ даже уѣхать тайно изъ Москвы. Но лю-
бопытно, что въ напечатанномъ у Бюшинга извѣстіи о путешествіи Вальдемара
въ Москву, рукою лекаря Венделина Сибелисты въ концѣ прибавлено: «Multa in
hac narratione falsa narrata, multa non sic sed aliter sunt gesta, multa omissa.
Non religio fuit causa non confirmati matrimonii, sed tantum praetextus, et nisi
Sueci praeveniendo invasissent Daniam victores, et Zaar Michael diem suum ex
summo moerore animi obiisset, consummatum omnino fuisset jam dudum connu-
bium. Amabat enim Zaar principem Woldemarum intime.

ставать къ иноземцамъ, мыслящимъ злое противъ Московскаго государства, костеловъ своей вѣры не ставить, богослуженіе совершать въ домахъ; а римскія вѣры служителей и никакихъ латинскія вѣры людей съ собою въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать (1).

Изъ государствъ восточныхъ московское правительство сносилось съ Персіею и Турціею. Въ 1618 году царь, нуждаясь въ деньгахъ, отправилъ посольство къ персидскому шаху Аббасу: «чтобъ вы, братъ нашъ, Шахъ Аббасово Величество къ намъ Великому Государю совершенную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ противъ недруга нашего Польскаго Короля казны денежныя въ помочь.» Аббасъ оказалъ помощь московскому правительству не противъ польскаго короля, но противъ Заруцкаго: послѣдній, видя опасность для себя, отправилъ посольство въ Персію, прося шаха принять Марину съ сыномъ и Астраханскимъ царствомъ въ свое покровительство. Аббасъ, удержавъ у себя пословъ Заруцкаго, отправилъ въ Астрахань своего посла разузнать положеніе дѣлъ, и когда свѣдалъ о характерѣ Заруцкаго и Марины, то пресѣкъ съ ними сношеніе и отдалъ пословъ ихъ царскому послу Тихонову. Съ шахомъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ происходили также сношенія по поводу Грузіи, стѣсняемой персіянами; по просьбѣ кахетинскаго царя Теймураза въ 1637 году, былъ посланъ къ нему князь Волконскій, который и привелъ его къ присягѣ на вѣрность государю. Посольство Волконскаго длилось слишкомъ два года (2).

Выше было упомянуто, какъ на соборѣ царь говорилъ о предложеніи султана воевать вмѣстѣ Польшу; съ этимъ предложеніемъ былъ въ Москвѣ отъ султана въ 1621 году грекъ Θома Кантакузинъ; царское посольство въ Константинополь было отправлено въ слѣдующемъ году. Въ 1628 году тотъ же Кантакузинъ явился снова въ Москвѣ и отпущенъ назадъ вмѣстѣ съ нашими послами. Сношенія были дружественныя по единству интересовъ, потому что оба государства враждовали съ Польшею. Но въ концѣ царствованія Михаила Θеодоровича эта пріязнь грозила перейти во вражду по случаю взятія казаками Азова. Прекращеніе смутъ въ Московскомъ государствѣ лишило донскихъ казаковъ средствъ жить на его счетъ;

(1) Акты историч., т. III, № 181. Въ 1638 году короли испанскій, датскій и герцогъ голштинскій составили планъ уничтожить голландскую торговлю и въ тоже время завоевать Швецію для Даніи; для этого они хотѣли назначить путь персидской торговлѣ черезъ московскія области, и за позволеніе предложили царю ежегодно три милліона. См. Bidrag till Nordeuropeiska folks lagens historia, utgifna af Fredr. Cygnaeus. 1-a Delen.

(2) Bulletin de l'Académie de S. Pétersb. 1845. Examen critique des annales géorgiennes, par M. Brosset.

хотя они и продолжали грабить по Волгѣ (1), гдѣ правительство дол-
жно было выставлять противъ нихъ укрѣпленія и города (2), одна-
ко сильнѣе чувствовали ихъ нападеніе области турецкія; случалось
и жителямъ константинопольскихъ предмѣстій перебираться въ го-
родъ отъ казаковъ, грабившихъ окрестности (3). Турецкое прави-
тельство, получая со всѣхъ сторонъ жалобы на казачьи разбои, при-
казало усилить вездѣ по берегу заставы, учредить караулы и разъ-
ѣзды, вслѣдствіе чего казакамъ трудно стало пробираться въ море:
ихъ вездѣ ловили, казнили, заставляли работать на *каторгахъ* (га-
лерахъ). Въ такихъ обстоятельствахъ они рѣшились отнять у ту-
рокъ самый ключъ рѣки Дона — Азовъ, овладѣть имъ или разру-
шить, несмотря на то, что клялись государю не ходить *подъ Турска-*
го (4). Задумавъ это смѣлое предпріятіе, донскіе казаки начали отов-
всюду призывать къ себѣ удальцовъ; поляки помогли имъ лучше
всего; потому что своими притѣсненіями заставили 4,000 малорос-
сійскихъ казаковъ выселиться изъ родной страны. Бѣглецы на-
правляли путь въ Персію, чтобъ предложить свои услуги шаху въ
войнѣ съ турками; на дорогѣ встрѣтились они съ донцами, которые
стали уговаривать ихъ соединиться лучше съ ними для взятія Азо-
ва, чѣмъ итти въ службу къ бусурману. Тѣ согласились (5). Но у
союзниковъ не доставало военныхъ припасовъ, и вотъ они отпра-
вили въ Москву двоихъ атамановъ: Ивана Каторжнаго и Тимоѳея
Яковлева, просить царскаго жалованья; о походѣ подъ Азовъ атама-
ны не сказали ни слова въ Москвѣ, — мало того: получили вмѣстѣ
съ жалованьемъ отъ царя наказъ (6) — отпустить въ Москву безъ за-
держки турецкаго посла Ѳому Кантакузина и быть въ мирѣ съ азов-
цами. Но атаманы получили этотъ наказъ въ Москвѣ, когда уже ка-
заки были подъ Азовомъ; не исполнена была и другая статья цар-
скаго наказа: казаки не только не отпустили Ѳому Кантакузина въ
Москву, но убили его, узнавъ, что онъ сносится съ азовцами.
Азовъ былъ взятъ, и казаки прислали въ Москву просить милости;

(1) Такъ въ 1626 году они разграбили близъ Царицына купеческія суда.

(2) Такъ въ 1627 году, для пресѣченія казацкихъ разбоевъ, построенъ Чер-
ный Яръ, вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями.

(3) Такъ въ августѣ 1620 года они разграбили и сожгли Варну; въ 1621 гра-
били окрестности Константинополя.

(4) Форма присяги для донскихъ казаковъ (Времен. Моск. Истор. Общ. 1849,
кн. IV): «Такъ же намъ самовольствомъ безъ государского указу на Дону на
море подъ Турсково въ городы не ходити и кораблей и каторгъ не громити и
городовъ и селъ Турсково не воевати и не имати.»

(5) Ригельмана исторія войска Донского въ Чтеніяхъ Моск. Историч. Общ.,
стр. 46.

(6) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 108.

что учинили то безъ царскаго велѣнья; они говорили, что взяли Азовъ для избавленія плѣнныхъ христіянъ, не могши болѣе сносить плача и мученья единокровныхъ братій. Царь отвѣчалъ: «Вы то, атаманы и казаки, учинили не дѣломъ, что Турскаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ, а того нигдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать, хотя гдѣ и война межь государей бываетъ, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлаютъ, для чего присланы, и ихъ не побиваютъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья; а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому впередъ быть.»

Султанъ не могъ спокойно видѣть Азовъ въ рукахъ казацкихъ, и отправилъ огромное войско для обратнаго овладѣнія крѣпостью; но горсть казаковъ, мужчинъ и женщинъ, съ отчаяннымъ мужествомъ отразили всѣ приступы: ни одинъ перебѣжщикъ не приходилъ въ станъ турецкій, ни одинъ плѣнникъ, подъ самыми страшными муками, не сказалъ о числѣ защитниковъ Азова. Турки сняли осаду; но казаки видѣли, что Турція не можетъ отстать отъ своего предпріятія касательно Азова, что рано или поздно она устремитъ всѣ свои силы на эту крѣпость, и имъ однимъ нельзя будетъ удержать ее: вотъ почему они отправили пословъ въ Москву бить челомъ государю о принятіи Азова подъ свою высокую руку и о подаленіи помощи его защитникамъ. Къ этому времени обстоятельства перемѣнились, и царь отвѣчалъ донцамъ (*): «Мы за ту вашу службу и за раденье и за крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ; а что вы къ намъ писали, что вы нынѣ и наги и босы и голодни, и запасовъ и пороху и свинцу нѣтъ, и отъ той нужной осады многіе казаки хотятъ идти врознь, а иные многіе переранены; и мы, Великій Государь, послали есмя къ вамъ пять тысячь рублевъ денегъ. А что писали вы къ намъ о городѣ Азовѣ, и бить челомъ приказывали; и мы, Великій Государь, велѣли дворянину нашему и подьячему города Азова досмотрѣть и переписать и на чертежъ начертить: и выбъ, атаманы и козаки, службу свою и дородство и храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ, Великому Государю, совершали, и своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ, Великаго Государя, стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны.»

Побуждая казаковъ къ крѣпкостоятельству, московское правительство видѣло, однако, что дѣло не можетъ на этомъ остановиться, что когда нибудь надобно было или взять Азовъ подъ московскую

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 112.

державу и защищать его отъ турокъ, или возвратить эту крѣпость послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ по отсланіи упомянутой грамоты донцамъ, 3 января 1642 года, узнавъ, что въ Москву идетъ московскій посолъ для переговоровъ объ Азовѣ, царь созвалъ соборъ (*), указавъ для такого важнаго дѣла выбрать изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и изъ меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить: «изъ большихъ статей человѣкъ по двадцати, и по пятнадцати, и по десяти, и по семи, а не изъ многихъ людей человѣкъ по пяти и по шести, и по четыре, и по три и по два человѣка; а кого выберуть, и тѣмъ людямъ принести имена, и имъ про все объявятъ подлинно.» Объявлено, что писали донцы изъ Азова, просятъ принять этотъ городъ отъ нихъ; но пишутъ также послы наши изъ Константинополя, что самъ великій визирь хочетъ итти весною подъ Азовъ, и если не возьметъ скоро этой крѣпости, то, осадя ее крѣпко, хочетъ послать турецкое и крымское войско на Московское государство; и потому спрашивается: «Государю Царю за Азовъ съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ разрывать ли, и Азовъ у донскихъ атамановъ и козаковъ принимать ли? И будетъ принимать, и съ Турскимъ и Крымскимъ разорвать, то ратные люди въ Азовъ, и въ польскіе (т. е. степные) и въ украинные (т. е. пограничные) и въ понольскіе городы надобны будутъ многіе, и на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны многіяжъ, и хлѣбные, и пушечные и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ; и такія великія деньги и многія запасы на тѣ годы гдѣ взять? Такъ стольникамъ, дворянамъ московскимъ и дьякамъ, и головамъ, и сотникамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ, и гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ, и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпко, и Государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему Государю про то все было извѣстно.» Духовныя власти отвѣчали: «На то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, и намъ то все не за обычай. А будетъ, Государь, по настоящему нынѣшнему времени, твое царское величество изволитъ рать строить; и мы, твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ въ полможеніе ради помогать, если сила наша можетъ.» Стольники отвѣчали, что взять Азовъ или не взять, разорвать съ турками или не разорвать, въ томъ государская воля; а ихъ мысль, чтобъ государь велѣлъ быть въ Азовѣ тѣмъ же донскимъ атаманамъ и казакамъ, а къ нимъ

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 113.

бы въ прибавку указалъ государь послать ратныхъ людей изъ охочихъ вольныхъ людей; что же касается до собранія и содержанія рати по случаю войны турецкой, то распорядиться всѣмъ этимъ въ волѣ государя, а они, стольники, на его государеву службу готовы, гдѣ имъ государь укажетъ быть.» Здѣсь любопытно то, что стольники объявляютъ готовность свою на службу въ случаѣ войны турецкой, но замѣчаютъ, что въ Азовъ къ казакамъ надобно послать охочихъ вольныхъ людей: московскіе служилые люди, наученные недавнимъ опытомъ, никакъ не хотѣли быть вмѣстѣ съ казаками, но совѣтовали послать въ Азовъ такихъ же казаковъ, охочихъ людей. Тоже самое выразили и дворяне, представивъ только особую причину: «Людей въ Азовъ велѣлъ бы государь прибрать охочихъ въ украинныхъ городахъ изъ своего государева денежнаго жалованья, потому что тѣхъ городовъ многіе люди прежде на Дону бывали, и имъ та служба за обычай.» Подробнѣе изложили свое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій; они написали, что государю извѣстны неправды турецкаго султана и крымскаго хана: послѣдній безпрестанно присягаетъ и безпрестанно измѣняетъ присягѣ, такъ что деньги, посылаемыя изъ Москвы въ Крымъ, ничего не помогаютъ, лучше ихъ не посылать, а употребить на жалованье своимъ ратнымъ людямъ. Азовъ долженъ быть удержанъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ, татарской войны не было. Послать на подмогу казакамъ вольныхъ охочихъ людей, которымъ сидѣть въ Азовѣ заодно съ казаками подъ атаманскимъ началомъ; а государевымъ московскимъ воеводамъ быть въ Азовѣ нельзя, потому что казаки люди самовольные. Для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ должно выбрать изъ всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три; да при сборѣ сдѣлать разницу между богатыми и бѣдными: брать съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много, а у иныхъ за окладами много лишней земли, да они жь ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть. Беклемишевъ и Желябужскій заключили свое мнѣніе такъ: «Будетъ Азовъ за Государемъ, то и Нагай большой, и Козыевы, и Контемиревы улусы, и Горскіе Черкасы будутъ всѣ служити Государю; а только Азовъ будетъ за Турками, то и послѣдніе всѣ Нагаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову.» Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, что во всемъ государева воля, а они служить ради и готовы, гдѣ государь ни укажетъ. Владимирскіе дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали тоже, но прибавили: «А бѣдность нашего города вѣдома государю и его государевымъ боярамъ.» Нижегородцы, муромцы и лушане (жители Луха) отвѣчали тоже, но безъ всякихъ

прибавокъ о бѣдности: «Будетъ ему Государю годѣ, и онъ велитъ принять; а будетъ негодѣ, инъ не велитъ принять; а гдѣ людей взять въ Азовъ, въ томъ Государь воленъ, и гдѣ деньги взять, въ томъ его жъ государская воля, а бояре вѣчные наши господа промышленники.» Суздальцы, юрьевцы, переяславцы, бѣличи, костромитяне, смольняне, галичане, арзамасцы, новгородцы Великаго Новгорода, ржевитяне, зубцовцы, торопчане, ростовцы, пошехонцы, новоторжцы, гороховцы сказали, и въ словахъ ихъ сказались недавніе освободители Московскаго государства, люди, въ которыхъ благочестіе и ревность къ вѣрѣ господствовали надъ всѣми интересами; они сказали: «Тебѣ, благочестивому Государю Царю, прося у Всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ атамановъ и козаковъ принять, съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую предъ тобою Государемъ неправду. А буде и не изволишь Азова принять у Донскихъ козаковъ, и Азовъ будетъ за бусурманомъ, и образъ великаго во Пророцѣхъ Крестителя Господня Ивана Предотечи будетъ у нихъ же бусурмановъ — не навести бы, Государь, на Всероссійское Государство гнѣва Божія, и великаго свѣтильника и вышняго въ пророцѣхъ Крестителя Господня Ивана Предотечи, и великаго свѣтителя и чудотворца Николы, которымъ, изволеніемъ Вышняго Бога, поручилъ тебѣ Государю такой дальній, крѣпкій украйный городъ, безъ твоей государевы казны и безъ подъема твоихъ государевыхъ большихъ ратныхъ людей, такимъ малымъ твоимъ государевымъ людямъ? Да они жъ великіе свѣтильники отстояли, подавая свою милость и заступленіе малымъ такимъ людямъ» (*). Касательно запасовъ предложили брать со всей земли, со всѣхъ безъ выбора; между прочимъ дворяне сказали здѣсь слѣдующее про дьяковъ: «А твои государевы дьяки и подьячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ, и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя, блаженныя памяти при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ таких домахъ жити.» Дворяне просятъ брать даточныхъ людей со всѣхъ отяготѣвшихъ и отяжелѣвшихъ, а съ имуществъ — деньги, не исключая и церковныхъ имѣній, и наказывать за утайку: «А мы, холопи твои, ради за домъ Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ, и за истинную сущую православную христіанскую

(*) Для объясненія этихъ словъ должно замѣтить, что казаки, по взятіи Азова, возобновили здѣсь древній храмъ Іоанна Предтечи, и другой — во имя святителя Николая. См. Ригельмана, стр. 49.

вѣру, и за тебя, благочестиваго Государя, и за твою государскую великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, противъ нашествія на твою государскую землю такихъ нечестивыхъ бусурманъ, работать головами своими и всею душею; а бѣдныхъ, государь, насъ, холопей своихъ, и раззоренныхъ, и безпомощныхъ, и безпомѣстныхъ, и пустопомѣстныхъ, и малопомѣстныхъ вели, государь, взыскать своею государскою милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебѣ милостивому государю Богъ извѣститъ, чтобъ было чѣмъ твою государскую службу служить. И вели, государь, взять роспись у всей своей государевы земли, у стольниковъ и у стряпчихъ, и у дворянъ московскихъ, и у жильцовъ, и у насъ, холопей своихъ, и у всякихъ чиновъ людей, и у дьяковъ, и у подъячихъ, вотчинамъ и помѣстьямъ, сколько за кѣмъ крестьянъ, съ большимъ твоимъ государевымъ допросомъ, по твоему государеву крестному цѣлованью; а кто въ тѣхъ росписяхъ крестьянъ своихъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ утаитъ: вели, государь, тѣхъ утаенныхъ крестьянъ отписывать на себя, государя, безповоротно. И вели, государь, уложить свое государское уложенье, съ сколькихъ крестьянъ служить твою государскую службу безъ твоего государева денежнаго жалованья; а что, государь, у кого будетъ крестьянъ лишнихъ, за твоимъ государевымъ указомъ: вели, государь, съ тѣхъ лишнихъ крестьянъ имать деньги въ свою государеву казну, почему ты, государь, укажешь ратнымъ людямъ на жалованье. А что надобно тебѣ, государю, тѣмъ ратнымъ людямъ и всей твоей государевой землѣ всякимъ служилымъ людямъ, тѣхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ будетъ; а будетъ тебѣ государю казна надобна будетъ вскорѣ, сверхъ твоей государевой казны и того сбора: вели, государь, взять патріархову казну, и митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и въ монастыряхъ лежачую домовую казну, для такія скорыя твоей государевы службы. А съ своихъ государевыхъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей, которые торгуютъ большими торгами, и со всякихъ черныхъ своихъ государевыхъ людей вели, государь, съ ихъ торговъ и промысловъ взять денегъ въ свою государеву казну, ратнымъ людямъ на жалованье, сколько тебѣ, государю Богъ извѣститъ, по ихъ торгамъ и промысламъ и прожиткамъ, и тутъ объявится той казны передъ тобою, государемъ много. И вели, государь, приказныхъ своихъ государевыхъ людей, и дьяковъ, и подъячихъ, и таможенныхъ головъ, по приходнымъ книгамъ, на Москвѣ и въ своихъ государевыхъ городахъ счесть; чтобъ твоя государева казна безъ вѣдомости у тебя, государя, не терялась, и тебѣбъ, государю, была въ прибыль, ратнымъ твоимъ государевымъ людямъ на жалованье; а ту свою государеву казну вели сбирать своимъ государевымъ гостямъ и земскимъ

людямъ. А которые, государь, нынѣ въ твоихъ государевыхъ городахъ по воеводствамъ и по приказамъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ вели, государь, тѣмъ быть на свою государеву службу противъ нечестивыхъ бусурманъ съ большею службою, и тутъ будетъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія. То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка.» Тоже самое сказали дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ; прибавили только: «А хотя и отдать Азовъ, тѣмъ бусурмановъ не утолить и не удобрить, и войны и крови отъ Крымскихъ и отъ иныхъ поганыхъ бусурмановъ не укротить, а Турскихъ бусурмановъ только пуще того отдачею на себя подвигнути; а лучше, государь, что Азовъ тебѣ, государю и всей землѣ принять и крѣпко за него стоять. А вели, государь, имати деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ со всякихъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ. А мы, холопи твои, съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, государь, укажешь.» Въ сказкѣ торговыхъ людей читаемъ жалобы на неправды судовъ, противъ которыхъ уже прежніе государи принимали мѣры, и которыя, возростая, вызывали мѣры сильнѣйшія: «Мы, холопи твои, гостишка и гостиныя и суконныя сотни торговыя людишка городовые и питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ по вся годы безпрестани; и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопи твои, давали тебѣ, государю въ Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца; а будучи мы, холопи твои, на твоихъ государевыхъ службахъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ сбираемъ твою государеву казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ, государѣ, въ прежніе годы, сотъ по пяти и по шти (шести), а нынѣ, государь, сбирается съ насъ и со всей земли намижъ, холопи твоими, тысячь по пяти и по шти и больше; а торжишка, государь, у насъ, холопей твоихъ, при прежнихъ годѣхъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизилбашцы (персіяне), которые пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ иные городы со всякими своими большими торгами, и торгуютъ всякими товары; а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые

людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего промысишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было; а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ украинные города, для береженья отъ тѣхъ же Турскихъ и Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ, отъ ихъ разоренья.» Подати, необходимыя для настоящей войны, торговые люди полагали на государеву волю, и говорили, что ради служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру померетъ. Черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старосты и всѣ тяглые люди сказали тоже, что и торговые люди, и также жаловались на свое разоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городового земляного дѣла, отъ великихъ податей и отъ целовальническихъ служебъ: «и отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишка изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишка свои мечутъ.»

Несмотря, однако, на то, что дворяне и дѣти боярскіе объявили единодушную готовность выступить въ походъ, представили доказательства въ пользу принятія Азова и начатія войны съ турками, правительство не могло рѣшиться на это; причины этой нерѣшительности ясно видны изъ самихъ сказокъ, поданныхъ на соборѣ: это сильное финансовое разстройство, обѣдненіе государства, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ смутъ, предшествовавшихъ царствованію Михаила Ѳеодоровича, и усиленныхъ напряженій, сдѣланныхъ рускими людьми въ его царствованіе для избавленія отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Мѣры, предложенныя въ сказкахъ, были слишкомъ круты; искорененіе означенныхъ здѣсь злоупотребленій не могло быть совершено вдругъ: это была задача цѣлаго ряда государей. Притомъ война съ Швеціею и двѣ войны съ Польшею показали рѣзко несостоятельность рускаго войска, требовавшаго коренныхъ преобразованій: трудно было при такихъ средствахъ начать борьбу съ новымъ, страшнымъ врагомъ, передъ которымъ не переставала еще трепетать вся Европа, — борьбу необычную, въ степяхъ, далеко отъ границъ государства; да и кто могъ поручиться, что Польша будетъ хладнокровною зрительницею этой борьбы, что она не воспользуется первою неудачею русскихъ войскъ, для того, чтобъ возобновить притязанія короля своего на престолъ московскій? Наконецъ крутыя мѣры, предложенныя въ сказкахъ, не могли нра-

виться людямъ думнымъ, которые потому должны были сильно стараться, чтобъ онѣ не были приняты [1].

22 марта явился въ Москву турецкій посланникъ, Мустафа-Чилибей: съ одной стороны онъ грозилъ, что султанъ собираетъ огромную рать на Московское государство, если царь не откажется отъ участія въ дѣлахъ Азова; съ другой стороны обѣщалъ удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ царскимъ, представилъ богатые подарки государю, не жалѣлъ даровъ и для ближнихъ людей; кромѣ того единовѣрный владѣтель, господарь молдавскій Лупулъ, представлялъ всѣ опасности степного похода, страшную силу султана, очень возможное соединеніе съ нимъ короля польскаго, характеръ казаковъ, наконецъ бѣдствія, которыя грозятъ христіанскому народонаселенію въ Турціи, потому что султанъ поклялся искоренить всѣхъ православныхъ въ своихъ владѣніяхъ. Желябужскій доносилъ, что Азовъ «разбитъ и раззоренъ до основанія, а вскорѣ его подѣлати никоторыми мѣрами нельзя, и отъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чѣмъ.» Царь отправилъ 30 апрѣля казакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ, въ которомъ нельзя долго держаться. Казаки послушались, но предъ выходомъ изъ города не оставили въ немъ камня на камнѣ; огромное турецкое войско, явившееся для осады, нашло только однѣ груды развалинъ.

Почти черезъ годъ, въ мартѣ 1643, царь отправилъ въ Константинополь своихъ пословъ: стольника Милославскаго [2] и дьяка Лаворевскаго [3]. На дорогѣ, на Дону послы были свидѣтелями стычекъ казаковъ съ турками; на жалобы Милославскій отвѣчалъ, что казаки дѣйствуютъ вопреки волѣ царской. Тоже самое послы повторили передъ султаномъ и великимъ визиремъ въ Константинополѣ. Турецкое правительство было удовлетворено и осталось въ мирѣ съ Москвою. Доброе расположеніе свое къ царю султанъ показалъ тѣмъ, что не вступился за новаго самозванца, который въ 1644 году явился въ Константинополѣ съ просьбою о помощи. Исторія этого самозванца была слѣдующая: въ августѣ 1644 года, къ русскому послу въ Польшу, князю Львову, явился игуменъ изъ Бреста Литовскаго и объявилъ [4], что во время первой польской войны шляхтичъ Бѣлинскій привезъ изъ Москвы мальчика, выдавая его за сына Лжедимитрія и Марины, котораго будто бы сама мать отдала ему, Бѣльскому,

[1] Въ выписяхъ, сдѣланныхъ изъ сказокъ — вѣроятно, для государя — жалобъ на злоупотребленія не находится.

[2] Илью Даниловича, будущаго тестя царя Алексѣя Михайловича.

[3] Статейный списокъ о посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Л. Лазоревскаго въ Царьградъ; см. Временникъ Моск. Ист. Общ. 1850 года, книга 8.

[4] Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 119.

на сохраненіе. Когда мальчикъ подросъ, то Бѣлинскій, по совѣту остальной шляхты, объявилъ о немъ королю и панамъ раднымъ на сеймѣ. Сигизмундъ и паны отдали мальчика канцлеру Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по шести тысячь золотыхъ на содержаніе, и Сапѣга отдалъ его въ Брестъ Литовскій, въ тамошній Семеновскій монастырь, къ нему, игумену Аѳанасію, учиться по русски, по польски и по латыни; мальчикъ пробылъ у игумена семь лѣтъ. Князь Львовъ, выслушавъ игумена, потребовалъ у польскаго правительства допроса и казни самозванцу. Послѣдній объявилъ въ допросѣ (1), что онъ не царевичъ и царевичемъ себя не называетъ, а зовутъ его Иваномъ Дмитріевымъ Лубою; отецъ его, Димитрій Луба, былъ шляхтичъ въ Подлешьѣ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ въ Москву во время междуцарствія и былъ тамъ убитъ; сироту взялъ Бѣлинскій и привезъ въ Польшу, гдѣ съ нимъ поступали точно такъ, какъ объявилъ игуменъ. Но какъ скоро король Владиславъ заключилъ съ Москвою вѣчный миръ, то на него не стали обращать больше никакого вниманія: сперва уменьшили содержаніе до ста золотыхъ въ годъ, а потомъ перестали вовсе давать деньги. Тогда Луба обратился къ Бѣлинскому съ вопросомъ: чей же онъ подлинно сынъ, и по какой причинѣ называли его царевичемъ московскимъ? Бѣлинскій отвѣчалъ, что онъ сынъ шляхтича Лубы, «а называли его царевичемъ Московскимъ *для всякой причины*, потому, какъ де на Москвѣ Маринкина сына хотѣли повѣсить, и онъ Бѣлинскій хотѣлъ, вмѣсто того Маринкина сына, на повѣшенье дать его, а того Маринкина сына хотѣли выкрасть; и на завтрее де того дни Маринкина сына повѣсили, а выкрасть его не могъ, и для де того, вмѣсто Маринкина сына, называли его царевичемъ; и какъ Льва Сапѣги не стало, и онъ послѣ его волочился межь дворъ безъ пріюту и дали было служить пану Осовскому, а послѣ пану Осинскому, и нынѣ онъ живетъ у того пана въ писаряхъ.» Московскіе послы упрекали въ томъ, что они держатъ самозванца, и требовали казни его; но Владиславъ не хотѣлъ казнить Лубу, видя въ немъ жертву чужихъ крамолъ, и отвѣчалъ, что это дѣло будетъ рѣшено на сеймѣ, а между тѣмъ, какъ видно, велѣлъ выпроводить Лубу изъ польскихъ областей, и тотъ явился уже въ Царѣградѣ съ просьбою о помощи (2); помощи не было дано, и мы не знаемъ, чѣмъ кончились похожденія Лубы (3).

---

(1) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 120.

(2) Тамъ же, № 121.

(3) О дѣлахъ ногайскихъ можно получить свѣдѣнія изъ жалованной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича дьяку Ивану Грязеву: «Посланъ былъ онъ, Иванъ, á нашу службу въ Асторахань съ воеводою нашимъ со княземъ Олексѣемъ Льво

Теперь обратимся ко внутренней дѣятельности правительства въ царствованіе Михаила Θеодоровича.... Никогда государство не находилось еще въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какъ въ это время. Понятіе о страшномъ опустошеніи страны мы могли получить изъ описанія голландскаго посольства; о состояніи городовъ можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія Петра Дашкова объ Угличѣ (*). «На Углечи ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ (всѣ посланы на твою государеву службу), а стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только шесть человѣкъ пушкарей, и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же; а съ Углецкого уѣзду хлѣбныхъ запасовъ для пустоши собрать не съ кого; и въ Казнѣ зелейныя Казны мало; и у острогу мосты не домощены, и въ башняхъ мосты погнили. А посадскіе люди, отъ кабацкаго недобору и отъ нынѣшнія великія хлѣбныя дорогови, съ Углеча съ женами и дѣтми побрели розны, а которые и остались, и тѣ къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что многими времяны отъ Литвы были выжжены и высѣчены и разорены безъ остатка, тѣмъ изжастаны; а изъ уѣзду сошные люди лѣтнею порою въ осадъ совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому, что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ». Чтобъ обезопасить жителей, дать имъ возможность возвратиться въ города и села, и заняться своими промыслами, нужно было прекратить литовскія и казацкія опустошенія; для этого необходимо было войско, для содержанія ратныхъ

вымъ и, будучи онъ на нашей службѣ въ Астарахани, во всемъ намъ служилъ, Нагайскихъ Мурзъ и всѣхъ улусныхъ людей большого Нагаю, которые изъ давныхъ лѣтъ отстали отъ нашіе царскіе милости и, перешедъ съ Нагайскіе стороны, кочевали многіе лѣта на Крымской сторонѣ и наши украйные городы воевали, и тѣхъ мурзъ и всѣхъ улусныхъ людей нашимъ царскимъ счастьемъ привели подъ нашего царскаго величества высокую руку, и съ Крымскіе стороны въ Нагайскую сторону всѣхъ перевели и въ заклады самихъ Мурзъ, а у иныхъ братью и дѣтей и улусныхъ лутчихъ многихъ людей въ нашу отчину, въ Астарахань, поимали и учинили ихъ въ нашей волѣ и въ послушаньѣ крѣпкихъ свыше прежнего, и закладовъ такихъ болшихъ въ Астарахани ни при которыхъ при прежнихъ нашихъ воеводахъ и при дьякѣхъ не бывало. Да онъ же, Иванъ, будучи на нашей службѣ въ Астарахани, призвалъ изъ подъ Юргенчь и изъ подъ Бухаръ и изъ давнего кочевья въ нашу отчину, въ Астарахань, Аблу мурзу съ братьею и съ племянники, а съ ними съ пятнадцать тысячь улусныхъ людей. Да они жъ, будучи въ нашей отчинѣ, въ Астарахани, взяли у Нагайскихъ людей Руского полону, которой полонъ иманъ при прежнихъ государѣхъ, съ пятнадцать тысячь.» См. Описаніе государ. архива старыхъ дѣлъ, стр. 257. Съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ не было ничего особенно замѣчательнаго.

(*) Акты Арх. Экcп., т. III, № 88.

людей необходимы были деньги, тѣмъ болѣе, что ратные люди, не получая жалованья, увеличивали собою число грабителей, но денегъ было взять не съ кого. Въ Москвѣ ремесленныя слободы опустѣли: гончары, бараши (шатерники), кожевники, сыромятники разошлись *розно* по отдаленнымъ мѣстамъ, остальные не были въ состояніи нести повинностей; нужно было возвращать бѣглецовъ (1); а между тѣмъ изъ другихъ городовъ поѣхали въ Москву множество посадскихъ людей и поселились у своихъ родственниковъ и друзей, чтобъ не платить никакихъ податей; вмѣсто денегъ изъ городовъ получались только челобитья о льготахъ по причинѣ раззоренья. «А иные посадскіе и уѣздные люди — по словамъ царской грамоты — заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, и живутъ себѣ въ покою; а иные многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать, велѣти отъ сильныхъ людей оборонить».

Чтобъ имѣть ясное понятіе о состояніи государства, знать, съ кого сколько требовать, произведена была всеобщая перепись, составлены писцовыя книги; но при этомъ явились злоупотребленія: царская грамота говоритъ (2): «За грѣхъ всего православнаго крестьянства, Московское государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ разворилось и запустѣло, а подати всякія и ямскія и охотникомъ подмоги емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, а инымъ тяжело, а инымъ легко; а дозорщики, которые послѣ Московскаго разоренья посыланы по городомъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ, а за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людемъ скорбь конечная». Для совѣщанія о томъ, какъ поправить зло и землю устроить, царь и патріархъ созвали соборъ, гдѣ, усовѣтовавъ, приговорили: въ раззоренные города послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя ихъ къ крестному цалованію, давъ имъ полные наказы, чтобъ они писали и дозирали вправду, безъ посуловъ. Поселившихся въ Москвѣ иногородныхъ посадскихъ людей отсылать на прежнія мѣста жительства, давъ имъ льготу, смотря по раззоренью; также поступить и съ тѣми, которые заложились за другихъ, чтобъ не платить податей, при чемъ доправить подати прежнихъ лѣтъ съ тѣхъ, за кѣмъ они жили. Боярамъ-князьямъ Ив. Борис. Черкаскому и Дан. Ив. Мезецкому поручено разбирать жалобы на притѣсненія сильныхъ людей. «А изъ городовъ изо

(1) Акты Арх. Эксп., т. III, № 55.
(2) Тамъ же, № 105.

всѣхъ, для вѣдомости и для устроенія, указали взять къ Москвѣ, выбравъ изо всякого города, изъ духовныхъ людей по человѣку да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли росказать обиды и насильство и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться, и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтобъ пришли всѣ въ достоинство».

Несмотря на эти мѣры, несмотря на строгость патріарха Филарета Никитича, злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей не прекращались, что́ видно изъ содержанія царской грамоты 1620 года (*): «Вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ, и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства и убытки и продажи великія, и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе: и мы, Великій Государь, совѣтовавъ о томъ съ отцомъ своимъ, приговорили съ бояры: послать въ городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ наши грамоты, чтобъ въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлали по нашему указу, и служилымъ бы и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ никакимъ людемъ насильствъ и продажъ не дѣлали, и посуловъ и поминковъ ни отъ какихъ дѣлъ и кормовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ на себя не имали, и лошадей, и платья, и товаровъ, опроче съѣстнаго, не покупали; и на дворѣ у себя денщикомъ, дѣтемъ боярскимъ, и стрѣльцомъ, и козакомъ, и пушкаремъ, и затиньщикомъ, и съ посадовъ бы и изъ слободъ водовозомъ и всякимъ дѣловымъ людемъ, быть, и хлѣба молоть, и толочь, и печь, и никакого издѣлья дѣлати на себя во дворѣ и въ посадѣхъ и въ слободахъ не велѣли, и городскими и уѣздными людьми пашенъ не пахали и сѣна не косили; а будетъ въ которыхъ городѣхъ воеводы учнутъ дѣлати не по нашему указу, самовольствомъ, а на кого въ чѣмъ будутъ челобитчики, и то все велѣли взять на нихъ вдвое, да имъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ. И выбъ архимандриты и игумены и весь освященный чинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и старосты и цѣловальники, и посадскіе и уѣздные всякіе люди, воеводамъ и приказнымъ людемъ посуловъ и поминковъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ не давали, и лошадей и всякія животины, и товаровъ, опрочь съѣстного, не продавали и проч. А будетъ учнете воеводамъ отъ какихъ дѣлъ посулы и поминки или съ посадовъ и уѣздовъ кормы давать, а послѣ про то сыщется, и тѣ убытки велимъ на васъ доправити вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ. А

(*) Акты Арх. Эксп., III, № 115.

пишемъ мы къ вамъ, милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ царьскимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и въ тишинѣ и отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, и тѣсноты бъ вамъ и продажи и иныхъ никакихъ налогъ не чинилось, и во всемъ въ наше царьское милосердіе были надежны». Для предохраненія отъ этихъ злоупотребленій нѣкоторымъ городамъ подтверждены были жалованныя грамоты прежнихъ царей: такъ въ 1614 году подтверждена судная грамота Іоанна IV, данная жителямъ Устюжны Желѣзопольской (¹): «Устюжны Желѣзные посадскіе люди, старосты и цѣловальники, и сотскіе и десятскіе и всѣ крестьяне лутчіе и середніе и молодчіе люди, отъ волостелина суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены; а быти у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людемъ, которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ». Подтверждена имъ и другая грамота Іоанна IV, по которой они выбирали изъ среды себя цаловальниковъ, сотскаго и дьячковъ, долженствовавшихъ сбирать всякія пошлины (²). Въ 1622 году крестьяне устьянскихъ волостей били челомъ (³), что въ прежніе годы у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ Московскаго разоренья, какъ почали у нихъ быть приказчики, и имъ отъ тѣхъ приказчиковъ чинятся налоги и убытки и въ посулѣхъ и кормѣхъ продажи великія, и отъ тѣхъ приказчиковыхъ налогъ и насильствъ, и отъ посуловъ они крестьяне оскудѣли и податей имъ платити нечѣмъ и хотятъ брести врознь: пожаловать бы ихъ, впередъ приказчикамъ быти не велѣти, а велѣти бы у нихъ быти мірскимъ выборнымъ судейкамъ по прежнему; а за то бы ихъ оброкомъ обложити, сверхъ старого оброку, чтобъ имъ отъ приказчиковыхъ насильствъ и отъ посуловъ и отъ продажъ въ конецъ не погинуть и розно не разбрестися». Государь исполнилъ ихъ челобитье. Кромѣ воеводъ и приказныхъ людей жители городовъ много терпѣли отъ сборщиковъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, которые, обязавшись предъ правительствомъ усилить эти сборы, дѣйствовали какъ мытари (⁴). Во Псковѣ явилось слѣдующее злоупотребленіе: туда начали пріѣзжать изъ Москвы дворяне, дѣти боярскіе, торговые и всякіе люди съ ложными зазывными грамотами, требуя зажиточныхъ гражданъ въ Москву на судъ: тѣ, только чтобъ не предпринимать разорительной поѣздки въ столицу, мирились съ ними, давали иногда больше десяти рублей. Вслѣдствіе этого псковскіе всегородные земскіе старосты били челомъ царю, чтобъ

(¹) Акты Арх. Эксп., III, № 36.
(²) Тамъ же, № 37.
(³) Тамъ же, № 126.
(⁴) Тамъ же, III, № 150.

далъ псковичамъ льготу судиться во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, у себя во Псковѣ; челобитье было исполнено (1).

Вслѣдствіе смутнаго времени, долгой привычки къ безнаказаннымъ преступленіямъ, уголовные случаи бывали часты: разбойники ходили толпами; правительство наряжало противъ нихъ стольниковъ, которые ходили съ вооруженными отрядами, со всякимъ ратнымъ боемъ (2). Въ 1627 году государь указалъ «во всѣхъ городѣхъ устроити губныхъ старостъ, дворянъ добрыхъ, по спискамъ лутчихъ людей, которые бы были душею прямы и животомъ пожиточны и грамотѣбъ умѣли, комубъ было мочно въ нашихъ дѣлахъ вѣрить и съ губное бъ дѣло кого стало; а впредъ сыщиковъ, для сыску татиныхъ и розбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ, въ городы не посылать; а сыскивать татные и розбойные и убивственные и всякіе губные дѣла, въ городѣхъ, губнымъ старостамъ, и о томъ писати къ намъ къ Москвѣ. А будетъ дворяне и дѣти боярскіе учнутъ выбирать губного старосту изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ середнихъ и изъ меншихъ статей, а лутчихъ людей выбирать не учнутъ и выборовъ на него не дадутъ, и мы указали устроить губного старосту, по списку лутчего человѣка, безъ выборовъ; а выборы на него велимъ на дворянѣхъ и на всякихъ людехъ доправити» (3). Въ 1632 году царь велѣлъ выбрать губныхъ цаловальниковъ только на годъ, тогда какъ прежде они бывали лѣтъ по пяти и по шести безсмѣнно; выбирали ихъ сошные люди изъ посада и изъ уѣзда (4). Воеводы сидѣли по городамъ также недолго: если иному случалось оставаться на другой годъ, то на его мѣсто уже просились, указывая, что онъ долго сидитъ на воеводствѣ (5). Обыкновенно города били челомъ, чтобъ вмѣсто воеводъ быть у нихъ выборнымъ губнымъ старостамъ; но иногда уголовные случаи такъ умножались, что горожане, не довольствуясь губнымъ старостою, сами просили прислать воеводу, указывая на достойное лицо (6). Разность межеу воеводою и губнымъ старостою состояла въ томъ, что первый назначался правительствомъ, тогда какъ второй избирался городомъ; должность же ихъ была одинакова, какъ видно изъ наказовъ: на ихъ отвѣтственности были ключи городовые, острожные и казенные, пушки, порохъ, свинецъ, всякіе пушечные и хлѣбные запасы, наказы

(1) Акты Арх. Эксп. III, № 227.
(2) Тамъ же, № 171.
(3) Тамъ же, № 325.
(4) Тамъ же, № 210.
(5) Времен. Моск. Истор. Общ., кн. 4, Матер., стр. 42.
(6) Тамъ же, стр. 50.

прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей; они обязаны были смотрѣть, чтобъ въ городѣ и уѣздѣ не было разбою, воровства, корчемничества, распутства и *зерни* (игры въ кости); смотрѣть, чтобъ между приходящими изъ другихъ мѣстъ людьми не было воровъ, лазутчиковъ; за разбой, грабежи, воровство, корчемство, распутство, зернь, табакъ имѣли право наказывать, смотря по винѣ и по человѣку; обязаны были наблюдать, чтобы въ городѣ и на посадѣ въ лѣтніе жаркіе дни никто не топилъ избъ и бань, чтобъ не сидѣли и не ходили поздно съ огнемъ, чтобъ кушанье готовили въ особыхъ печахъ на огородахъ, вдалекѣ отъ домовъ, и печи эти огородить отъ вѣтру лубьемъ, чтобъ въ лѣтнюю пору вездѣ держали кадки съ водою и вѣниками на случай пожара.

При послѣднихъ государяхъ Рюрикова дома фальшивымъ монетчикамъ заливали горло «тѣми ихъ воровскими деньгами». Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ измѣнилъ было эту казнь на торговую, «чая того — говоритъ указъ — что они отъ такого воровства уймутся отъ наказанія безъ смертныя казни, и тѣ воры нашей государской милости къ себѣ не узнали, отъ такого воровства не унялися и такихъ воровъ нынѣ умножилось, и отъ такого ихъ многаго воровства по поклепнымъ воровскимъ оговорамъ многіе простые невинные люди въ томъ пострадали» (¹). Вслѣдствіе этого возобновлена была казнь заливанія горла. Для уменьшенія уголовныхъ случаевъ и всякаго рода безпорядковъ нужно было уменьшить число казаковъ, страшно увеличившееся во время смутъ междуцарствія; для этого былъ изданъ указъ: «Въ прошлыхъ годѣхъ которые были въ козакахъ стрѣльцы и пушкари и посадскіе и боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а похотятъ изъ козачества своего своего волевою въ старые свои чины, и тѣмъ всякихъ чиновъ людемъ велѣно, по ихъ челобитью, учинити воля, кто куда похочетъ» (²). Царствованіе Михаила Ѳеодоровича замѣчательно слѣдующими благодѣтельными узаконеніями: въ 1637 году приказано, чтобъ воеводы по городамъ не сажали въ одну тюрьму съ уголовными преступниками людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, потому что: «отъ того татемъ и разбойникомъ и оговорнымъ людемъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ»; людей судящихся по гражданскимъ искамъ велѣно держать за приставами (³). Въ 1637 году запрещено казнить смертію беременныхъ женщинъ (⁴). Правительство вооружилось противъ гибель-

(¹) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 106.
(²) Акты историч., III, № 92.
(³) Акты Арх. Эксп., т. III, № 272.
(⁴) «Которыя на Москвѣ и въ городѣхъ дѣвки и мужни жены и вдовы, и по Судебнику по которой винѣ и по Уложенью дойдутъ до смертныя казни, и бу-

наго обыкновенія мириться съ разбойниками и ворами; изданъ указъ: «которые люди передъ старостами ищутъ на разбойникахъ и на татѣхъ на вѣдомыхъ, а учнутъ о тѣхъ своихъ искѣхъ съ тѣми людми, на комъ ищутъ, старостамъ миръ являти, и старостамъ тѣмъ истцемъ въ тѣхъ искѣхъ мириться не велѣти, а про тѣхъ людей, на комъ ищутъ, доводити по суду и по обыску для земскихъ дѣлъ, чтобъ лихихъ вывести.... и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставить, и разбойникомъ указъ чинить по государеву указу, кто чего доведется; а истцомъ за то пенѣ чинить, смотря по дѣлу, чтобъ не мирились съ разбойниками» ([1]). Наконецъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича подтверждено ограниченіе страшной свободы *языка* оговаривать; это ограниченіе послѣдовало такъ: «Писалъ съ Костромы воевода Андрей Голубовскій: что сидитъ въ Костромѣ въ тюрмѣ разбойникъ Васка Щербакъ, шестой годъ, и тотъ старой тюремной сидѣлецъ говорилъ на людей вновь язычную молку, а въ первыхъ годѣхъ какъ онъ пойманъ, съ первыхъ пытокъ на тѣхъ людей не говорилъ; и тѣ люди, на которыхъ языкъ говорилъ, били челомъ Государю, а сказали, что тотъ языкъ многихъ людей клеплетъ, и къ нимъ тотъ языкъ присылалъ, чтобъ они ему дали на хлѣбъ денегъ, а буде денегъ не дадутъ и онъ на нихъ язычную молку вговоритъ; а воевода того языка распрашивалъ и пыталъ, и тотъ языкъ въ распросѣ и съ пытки говорилъ, тѣхъ людей онъ поклепалъ напрасно, иныхъ по недружбѣ, а къ инымъ посылалъ, чтобъ ему давали на хлѣбъ денги, и они ему денегъ не давали, и онъ за то тѣхъ людей и поклепалъ. И Государь указалъ: которые тюремные сидѣльцы воры, тати и разбойники сидятъ въ тюрмѣ многое время, полгода и годъ и болши, и учнутъ говорити, затѣвая воровствомъ какую татиную и разбойную молвку, на иныхъ людей, для своей корысти, а сперва въ распросѣ и съ пытокъ про то на нихъ не говорили, и тѣмъ ихъ язычнымъ молкамъ не вѣрить, по прежнему уложенью, чтобъ въ томъ неповиннымъ людямъ тянути и убытки не чинились» ([2]).

По челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ, правительство вооружилось противъ слѣдующихъ безпорядковъ: «Которые люди къ кому пріѣзжали и людей и крестьянъ вывезли за себя, или въ тое время отъ кого учинится смертное убійство и грабежъ и иное какое

дутъ беременны, и тѣхъ покамести родятъ, и минетъ шесть недѣль, не казнити; а робёнка отдать ближнему; а будетъ пуста и взять некому, дать наемъ женѣ, котораябъ его вскормила, *для того что рожденное отъ нее не виновато*; а какъ по рожденіи минетъ шесть недѣль, и ее исповѣдавъ, и причастя, казнить смертью по градскому закону». Уkазат. Рос. зак., изд. Л. Максимовичемъ 1,147.

([1]) Акты истор., III, № 92.

([2]) Тамъ же, № 67.

дурно, и Государь указалъ и бояре приговорили: про то сыскивать всякими сыски накрѣпко; вывозныхъ крестьянъ отдавать за пятнадцать лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по суду и по сыску отдавати, по прежнему государеву указу, за десять лѣтъ. А которые всякихъ чиновъ люди, кто у кого насильствомъ крестьянъ вывезъ, а про то сыщется подлинно, и Государь указалъ и бояре приговорили: крестьянъ отдати со всѣми животы, да сверхъ того крестьянскаго владѣнья за крестьянина въ указные лѣта взяти на годъ по пяти рублевъ» (¹). По дворянскому же челобитью запрещено было помѣщикамъ и вотчинникамъ своевольно заводить на своихъ земляхъ мыты и перевозы и мостовщины; запрещено принимать въ холопы дворянъ и дѣтей боярскихъ, и племянниковъ и внучатъ, верстаныхъ и неверстаныхъ, и недорослей.

Стараясь объ искорененіи преступленій, правительство естественно должно было вооружиться противъ дикихъ привычекъ и суевѣрій, поддерживавшихъ въ народѣ развратъ и буйство: такъ въ Москвѣ народу запрещено было ходить за старое Ваганьково на безлѣпицу, т. е. на кулачные бои; ослушникъ подвергался кнуту (²). Другой указъ говорилъ: «Которые всякіе люди учнутъ биться кулачки въ Китаѣ и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ, и тѣхъ людей имать и приводить въ Земскій Приказъ, и чинить наказанье» (³). Патріархъ Филаретъ указалъ: «Кликать бирючи по рядамъ, и по улицамъ, и по слободамъ, и въ сотняхъ, чтобъ съ кабылками не ходили и на игрища бъ мірскіе люди не сходилися, тѣмъ бы смуты православнымъ христіанамъ не было, и коледы бъ и овсеня и плуги не кликали» (⁴). Но суевѣрія было еще много: такъ въ 1632 году, вяземскіе воеводы посылали за литовскій рубежъ лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ за рубежа, сказывали, что въ литовскихъ городахъ баба-вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который возятъ на продажу въ русскіе города, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ на людей навесть моровое повѣтріе. Вслѣдствіе этого запрещено было, подъ опасеніемъ смертной казни, покупать хмѣль въ Литвѣ (⁵). Но подлѣ этихъ старыхъ суевѣрныхъ обычаевъ и понятій встрѣчаемъ явленіе, которое было слѣдствіемъ новаго, чуждаго, вреднаго духа, занесеннаго въ Москву Лжедимитріемъ и его

(¹) Акты истор., III, № 92. Этотъ указъ объясняетъ распоряженія, имѣвшія мѣсто въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

(²) Тамъ же. *Ваганиться* значитъ баловать, шутить, играть; отсюда Ваганьково — мѣсто потѣхъ.

(³) Тамъ же.

(⁴) Акты Историч., III, № 92.

(⁵) Акты Арх. Эксп., т. III, № 197.

иностранными союзниками: я говорю о дѣлѣ князя Хворостинина. Князь Хворостининъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Самозванца, одинъ изъ тѣхъ немногихъ вельможъ, которые не принимали участія въ заговорѣ на его жизнь и подверглись опалѣ со вступленіемъ на престолъ Шуйскаго. Обвиненія Хворостинина въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, содержатъ противорѣчія (1): изъ нихъ можно понять одно, что онъ измѣнилъ вѣрѣ предковъ и презрительно отзывался о своихъ соотечественникахъ (2): «И то знатно — говорится въ царскомъ указѣ (3) Хворостинину — что еси такія слова говорилъ и писалъ гордостію и безмѣрствомъ своимъ и въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого, и тѣмъ еси своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостью всѣхъ людей Московскаго государства и родителей своихъ, отъ кого ты родился, обезчестилъ и положилъ еси на всѣхъ людей Московскаго государства хулу и неразумье.» Хворостина сослали въ Кирилловъ монастырь на покаянье; онъ скоро покаялся и въ 1623 году возвращенъ опять въ Москву.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича видимъ стремленіе правительства ослабить вредныя слѣдствія того стариннаго понятія, которое почти ежедневно нарушало нарядъ въ строѣ правительственномъ и военномъ, — видимъ мѣры противъ мѣстничества: не было почти ни одного назначенія на службу, при которомъ бы назначенные люди не били челомъ, что имъ вмѣстѣ быть нельзя по мѣстническимъ счетамъ; иногда дворянинъ билъ челомъ, что ему нельзя служить вмѣстѣ съ назначеннымъ товарищемъ по мѣстническимъ счетамъ, а на дѣлѣ выходило, что подъ этимъ предлогомъ онъ только хотѣлъ отбыть отъ службы (4). Затѣвались мѣстническія дѣла и съ выходцами изъ чужихъ странъ, съ которыми нельзя было считаться ни лѣствицею, ни разрядами; таково замѣчательное дѣло Ивана Петровича Шереметева съ княземъ Юріемъ Сулешевымъ, выходцемъ изъ Крыма: «Иванъ Шереметевъ билъ челомъ, что де Князь Юрья Сулешевъ иноземецъ, а въ нашу де версту по ся мѣста менши его никто не бывалъ, и въ томъ де твоя Государева воля, какова его ты Государь ни учинишь, только бы нашему отечеству вперёдь порухи въ томъ не было. А князь Юрья въ тѣ поры билъ

(1) Такъ, напр., говорится, что Хворостининъ сносился съ польскимъ католическимъ духовенствомъ, и въ то же время говорится, что онъ не вѣрилъ въ воскресеніе мертвыхъ, и т. п.

(2) Говорилъ, что на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить ему не съ кѣмъ, и чтобъ государь отпустилъ его въ Римъ или Литву. См. Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 90.

(3) Акты Арх. Эксп., т. III, №№ 147, 149.

(4) Дворц. Разр. I, 136.

челомъ Государю, чтобъ его Государь пожаловалъ, велѣлъ ему на Ивана въ его безчестьѣ указъ учинить, что его Иванъ Шереметевъ челобитьемъ своимъ безчеститъ: хотя бы кто и лутче ихъ, инобъ по вашей государской милости и по моему отечеству мочно быти со мною, холопомъ твоимъ, безсловно; князя Петра де Урусова Царь Василей развелъ съ бояриномъ съ князь Михайломъ Васильевичемъ Скопинымъ Шуйскимъ, а наши де родители въ Крымѣ гораздо честнѣе Урусовыхъ; и то де вамъ Государямъ извѣстно. А Иванъ Шереметевъ билъ челомъ Государю, что князь Петръ Урусовъ и князь Юрья Енщинъ (Сулешевъ) Крымскіе роды въ Московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, кто кого болши или менши, то въ его государевѣ волѣ, хочетъ онъ Государь иноземцевъ учинити у себя Государя честна и велика, онъ Государь учинитъ, а по ся мѣста съ князь Юрьемъ никто въ его версту не бывалъ. И Государь, выслушавъ челобитья ихъ, указалъ думному дьяку Ивану Шереметеву сказать, что ему съ князь Юрьемъ быть мочно по иноземству» (1). Но и послѣ этого мѣстническія придирки не оставили Сулешева въ покоѣ: такъ бояринъ князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ, что ему менши боярина князь Юрья Енщеевича Сулешева быть не вмѣстно, потому какъ онъ князь Григорій посланъ былъ на съѣздъ съ Крымскими послы, а въ послѣхъ въ тѣ поры былъ дядя князь Юрьевъ болшой Ахметъ Паша Сулешевъ, я пріѣзжалъ на съѣздъ къ нему князь Григорью и въ государевѣ шатрѣ у него былъ, и ему потому быть не вмѣстно. И государь и патріархъ князь Григорью говорили, что ему князь Григорью съ Ахметъ Пашею какія мѣста? Ахметъ Паша служитъ Крымскому царю, а князь Юрья ему государю служитъ; а князь Григорей болши того иными никакими случаями не билъ челомъ» (2). Къ чему прибѣгали иногда въ мѣстническихъ спорахъ, чтобъ выиграть дѣло, показываетъ слѣдующій случай: «Билъ челомъ Государю князь Андрей Мордкинъ да Иванъ Милюковъ на Максима Языкова: какъ приходили Литовскіе люди подъ Московское государство, и онъ Максимъ Языковъ былъ въ тѣ поры воевода въ Бѣжецкомъ Верху и писалъ онъ Максимъ къ нему Государю къ Москвѣ ложно, что Литовскіе люди приходили въ Бѣжецкой уѣздъ, и онъ Максимъ будто посылалъ на Литовскихъ людей отъ себя головъ Давыда Милюкова, да его князь Андрея Мордкина да Алексѣя Ушакова и они де Литовскихъ людей побили; да послѣ того будто приходили Литовскіе люди и къ городу приступали, и онъ отсидѣлся и Литовскихъ людей побилъ, а на городѣ головы были тѣже, да и по-

(1) Дворц. Разр. I, 113.
(2) Тамъ же, I, 478.

служные списки къ государю прислалъ. И, по государеву указу, про то сыскивано всѣмъ городомъ и въ сыску сказали, что Максимъ Языковъ писалъ къ государю ложно, Литовскихъ людей онъ не побивывалъ, и приступу къ городу не бывало, и въ головахъ у него князь Андрей Мордкинъ, и Давыдъ Милюковъ и Алексѣй Ушаковъ не бывали. И Государь указалъ, велѣлъ Максима Языкова бить батоги за его воровство, вмѣсто кнута, нещадно, да жалованья денежнаго велѣлъ у него убавить 25 рублевъ, да помѣстнаго окладу полтораста четвертей, а за безчестье князь Андрея Мордкина, и Давыда Милюкова и Алексѣя Ушакова велѣлъ Государь Максима Языкова посадить въ тюрму на три дни» (1). Одинъ изъ князей Лыковыхъ выказалъ странное притязаніе: пожалованный въ окольничіе, князь Ѳедоръ Лыковъ билъ челомъ на брата своего, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, «что де меньшой мой братъ, князь Борисъ, въ боярахъ, и мнѣ де позорно быть въ окольничихъ. Государь челобитья его не послушалъ—велѣлъ ему быть въ окольничихъ» (2). Для избѣжанія челобитій правительство объявляло въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что назначеніе извѣстныхъ лицъ вмѣстѣ не будетъ служить *порухою* чести ихъ въ будущемъ, приказывало *быть безъ мѣстъ;* но и это распоряженіе иногда не достигало своей цѣли: такъ въ 1624 году, по случаю царской сватьбы, несмотря на приказаніе быть безъ мѣстъ, бояринъ князь Ив. Вас. Голицынъ билъ челомъ, «что ему менши бояръ князь Ив. Ив. Шуйскаго да князь Дм. Тим. Трубецкаго быть не вмѣстно», и на увѣщанія патріарха отвѣчалъ: «въ томъ ихъ государская воля, хотя вели Государь казнить, а ему по той сказкѣ бояръ князь Ив. Шуйскаго и князь Дм. Трубецкаго менши быть никакъ нельзя» (3). Назначеніе женщинъ ко двору подавало поводъ также къ мѣстническимъ спорамъ. Наскучивъ безпрестанными спорами и челобитьями при всякомъ назначеніи, даже при назначеніи въ рынды, велѣли было назначать изъ *меньшихъ статей,* изъ людей неродословныхъ, которымъ нельзя было считаться службою предковъ; но и тутъ не избѣжали челобитій: такъ стряпчій Ларіоновъ, назначенный въ рынды вмѣстѣ съ другимъ стряпчимъ Телепневымъ, билъ челомъ, что его, Ларіонова, отецъ былъ городовой сынъ боярскій, а Телепнева отецъ былъ подъячій, и изъ подъячихъ дьякъ, и потому «Государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать.» Ему отвѣчали, что ему пригоже быть съ Телепневымъ, потому что отецъ послѣдняго былъ у государя думный дьякъ, а его, Ларіонова, отецъ— рядовой дьякъ, и что они оба люди неродословные, и счету имъ

(1) Дворц. Разр. I, 481.
(2) Тамъ же, стр. 508.
(3) Тамъ же, стр. 641.

нѣтъ: гдѣ государь велитъ быть, тотъ такъ и будь. Несмотря на то, Ларіоновъ билъ челомъ въ другой разъ: «И Государь на Михаила Ларіонова кручинился, велѣлъ его изъ стряпчихъ выкинуть и написать съ города, что онъ государеву указу не послушалъ. И думной дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ говорилъ государевымъ словомъ, что Государь для докуки и челобитья, велѣлъ изъ меншихъ статей выбирать къ чему было и недостойны такіе, *ино и тѣ бьютъ челомъ*» (¹). Но мало того, что неродословные считались съ неродословными же; часто неродословные били челомъ на родословныхъ, что особенно возбуждало негодованіе бояръ, разбиравшихъ мѣстническія дѣла; при такихъ челобитьяхъ родословные люди не хотѣли даже и судиться съ неродословными; такъ Ромодановскіе «на судъ не пошли съ Левонтьевыми, а сказали то, что де намъ съ Левонтьевыми на судъ итти неумѣстно, потому что они люди неродословные, молодые дѣтишка боярскіе, а неродословнымъ людемъ съ нами родословными людьми николи счетъ не бываетъ» (²).

Легко понять, что мѣстническіе споры всего гибельнѣе были въ военное время, когда воеводы вмѣсто того, чтобъ дружно и быстро двигаться на указныя мѣста, отказывались выступать въ походъ, потому что одному *было непригоже быть менше другого*. Опытъ показалъ, что и кромѣ этого зла русское войско не могло выдержать соперничества съ войсками сосѣднихъ государствъ, и вотъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича приступили къ важнымъ нововведеніямъ: въ составѣ рати являются иноземные отряды, рейтары, драгуны, солдаты; но подлѣ нѣмецкихъ рейтаръ, драгунъ и солдатъ являются русскіе: боярскіе дѣти, новокрещеные татары, атаманы и казаки записываются въ рейтарскую и драгунскую службу, обучаются нѣмецкому строю у иноземныхъ полковниковъ и ротмистровъ (³); въ походѣ Шеина подъ Смоленскъ были: «наемные многіе нѣмецкіе люди, капитаны и ротмистры и солдаты пѣшіе люди; да съ нимижъ были съ нѣмецкими полковники и капитаны, русскіе люди, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, которые написаны къ ратному ученью въ солдаты, пѣшіе же люди» (⁴).

Сближеніе съ иностранцами, стараніе привлечь ихъ въ Россію и воспользоваться ихъ искусствомъ, знаніями замѣчаемъ и въ распоряженіяхъ правительства относительно торговли и промышленности: въ 1613 году дана грамота иноземцу Ивану Юрьеву на право безпошлинной торговли во всѣхъ русскихъ городахъ, по причинѣ

(¹) Дворц. Разр. I, 576.
(²) Тамъ же, стр. 573, 577.
(³) Акты Арх. Эксп., т. III, № 237.
(⁴) Тамъ же, № 206.

раззоренія, претерпѣннаго имъ отъ поляковъ (¹). Въ 1614 году дана была грамота компаніи голландскихъ гостей на безпошлинную торговлю въ теченіе трехъ лѣтъ (²). Въ 1626 году дана опасная грамота (³) «въ Англинскую землю уроженому шляхтичу Яну Булмерру, который своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находити руду золотую и серебряную и медяную, и дорогое каменье и мѣста такія знаетъ достаточно.» Въ 1631 году дана опасная грамота (⁴) въ вольныя государства въ Галанскую и Недерляндскую землю подмастерьямъ, которые умѣютъ дѣлать городовое дѣло. Въ 1633 году дана опасная грамота, въ которой говорится (⁵): «Били челомъ намъ Великому Государю нашего Царскаго Величества алмазнаго и золотаго дѣла мастеръ Иванъ Мартиновъ да Аглинскія земли торговый человѣкъ Френчикъ Гловертъ: по нашему Царскаго Величества указу, учали было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоченое золото и серебро, и канитель и друнцаль, и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло, и то дѣло учало ставиться дорого и прибыли нашему Царскому Величеству въ томъ дѣлѣ было мало, потому что прямаго добраго мастера въ нашемъ государствѣ не было, и то дѣло дѣлати перестали, а въ нѣмецкихъ де земляхъ тѣхъ мастеровъ сыскати мочно, и тобы дѣло нашему Царскому Величеству было прибыльно и славно, и въ торгу дешевле и нашегобъ государства люди то ремесло переняли; и нашемубъ Царскому Величеству пожаловати ихъ, позволити имъ къ тому дѣлу мастеровъ призвати изъ Нѣмецкой земли десять человѣкъ и больше на своихъ проторяхъ, и тѣмъ дѣломъ имъ промышлять и торговать на себя десять лѣтъ, а опричь бы ихъ того дѣла никому не дѣлати; покамѣста урочные годы минутся.» Правительство согласилось дать эту привиллегію. Въ 1634 году (⁶) посланы были за границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Ельрендорфъ нанять мастеровъ, которые умѣютъ въ горахъ мѣдь изъ руды дѣлать и всякое мастерство, которое пристойно къ мѣдной плавкѣ изъ руды; въ томъ же году была выдана десятилѣтняя привиллегія Фимбранту для выдѣлыванія лосинныхъ кожъ (⁷), и другая, пятнадцатилѣтняя привиллегія Коэту на заведеніе стекляннаго завода (⁸). Въ 1638 году дана была жалованная грамота на вольную

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 17.
(²) Акты Арх. Эксп., т. III, № 17.
(³) Тамъ же, № 76.
(⁴) Тамъ же, № 89.
(⁵) Тамъ же, № 94.
(⁶) Собр. гос. гр. и дог. III, № 100.
(⁷) Тамъ же, № 102.
(⁸) Тамъ же, № 103.

торговлю гамбургцу Петру Марселису за то, что отецъ его Гаврила помогалъ царскимъ посламъ нанимать нѣмецкихъ ратныхъ людей (¹). Въ томъ же году дана опасная грамота извѣстному Аламу Олеарію (²): «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ Астроломіи, и Географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ таковъ мастеръ годенъ». Мы видѣли, что гамбургскій купецъ Петръ Марселисъ устроилъ въ Копенганѣ дѣло о бракѣ царевны Ирины съ принцемъ Вальдемаромъ; за эту услугу, въ 1644 году (³), дана была ему и голландскому купцу Акаму двадцатилѣтняя привиллегія на постройку желѣзныхъ заводовъ по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ, и на вывозъ произведеній за море безпошлинно. Въ 1643 году «старымъ служилымъ иноземцамъ, разныхъ чиновъ нѣмцамъ и Посольскаго Приказа переводчику, и золотаго и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ московскимъ торговымъ нѣмцамъ отведена была между Фроловскихъ и Покровскихъ воротъ земля подъ ихъ богомолья, подъ избу съ комнатою и подъ дворъ, гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ (⁴)». Относительно внутренней торговли замѣчателенъ слѣдующій указъ 1639 года: «Вѣдомо учинилось, которые городы вѣдомы въ приказѣ новгородскіе чети денежными доходы, и въ тѣхъ де городѣхъ не въ давныхъ лѣтѣхъ учинилось въ откупу квасъ, сусло, брага, ботвинье и хмѣльное и сѣнное трушенье и мыльное рѣзанье, овсяной откупъ и деготь, и нынѣ такіежъ мелкіе промыслы, о которыхъ промыслѣхъ въ городѣхъ живутъ и кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди, а въ прежнихъ лѣтѣхъ такіе мелкіе промыслы николи въ откупу ни за кѣмъ не бывали въ городѣхъ отъ откупщиковъ.... и нынѣ отъ того посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли, и Государь указалъ тѣ всѣ новоприбылые откупы въ городѣхъ оставить» (⁵).

Къ извѣстіямъ о промышленности въ царствованіе Михаила Өеодоровича относится любопытный указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу 1626 года (⁶): велѣно городовымъ прикащикамъ и цаловальникамъ ходить повсюду и вѣсить хлѣбы ситные и рѣшетные, и калачи тертые, и коврищетые мягкіе; если окажется, что хлѣбы и калачи ниже уставленнаго вѣса, то продавцевъ подвергать штрафу;

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 109.
(²) Тамъ же, № 110.
(³) Тамъ же, № 118.
(⁴) Тамъ же, № 116.
(⁵) Указат. зак. Максимов. I, 149.
(⁶) Времен. Моск. Истор. Общ. 1849 г., № 4.

равно прикащики и цаловальники должны были смотрѣть, чтобъ хлѣбы и калачи были выпечены, и хлѣбники и калачники не прибавляли въ нихъ гущи или какой нибудь другой подмѣси. Прикащикамъ и цаловальникамъ дана была подробная роспись издержкамъ производства въ приготовленіи разнаго рода хлѣбовъ и калачей, напримѣръ: «На калачи, на четверть, дрожжей на два алтына на двѣ денги, соли на шесть денегъ, дровъ на восемь денегъ, отъ сѣянья четыре деньги, за работу десять денегъ, лавошнаго два алтына двѣ деньги, свѣчи и помело двѣ деньги. И всего харчю на четверть вышло на одиннадцать алтынъ.»

Главною заботою церкви въ царствованіе Михаила Θеодоровича было исправленіе нравственности въ духовенствѣ и народѣ, и потомъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, истребленіе ложныхъ толковъ, которые уже начали смущать церковь. Относительно состоянія нравственности, объ исправленіи которой заботилось правительство, важна царская грамота въ Соловецкій монастырь ([1]); также грамота къ строителю Павлова Обнорскаго монастыря ([2]); въ главныхъ чертахъ обѣ грамоты сходны, обѣ указываютъ на одинъ главный недостатокъ; въ послѣдней грамотѣ прибавлено, чтобъ строитель смотрѣлъ и за нравственностью крестьянъ монастырскихъ: «и крестьяне бы пива варили во время, коли пашни не пашутъ, и то не по многу, съ явкою, чтобъ мужики не гуляли и не пропивались.» Въ 1636 году преемникъ Филарета, патріархъ Іоасафъ издалъ указъ для прекращенія безпорядковъ, происходившихъ въ московскихъ церквахъ во время богослуженія ([3]), запрещалось пѣть скоро, въ нѣсколько голосовъ, совершать обѣдню безъ часовъ, разговаривать во время службы, поздно служить заутреню; въ томъ же указѣ запрещалось христіянамъ проводить праздничные дни въ неприличныхъ забавахъ. Какъ строго патріархъ Филаретъ смотрѣлъ за народною нравственностію, видно изъ дѣла сына боярскаго Семичева и стольника Колычева, сосланныхъ въ монастырь ([4]), за прижитіе дѣтей внѣ брака.

При царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ началось дѣло исправленія книгъ, при чемъ тотчасъ же обнаружились и ложные толки. Исправленіе книгъ необходимо должно было начаться вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ, когда увидали разнорѣчія въ рукописяхъ, надобно было

([1]) Акты Арх. Эксп., III, №№ 262, 331.

([2]) Дополн. къ акт. историч. II, № 64.

([3]) Акты Арх. Эксп., III, № 264.

([4]) Тамъ же, №№ 117, 226. См., также дѣло Іосифа Суздальскаго, тамъ же, № 249, Тимоθея Брюханова, № 258, Якова Верхотурскаго, Акты Истор., III, № 223.

сличать, выбирать лучшій текстъ, при чемъ естественно должно было обратиться къ греческимъ подлинникамъ. Но вслѣдъ за введеніемъ книгопечатанія начались страшныя смуты въ государствѣ: объ исправленіи и печатаніи книгъ некогда было думать. Съ утишеніемъ смутъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, занялись исправленіемъ книгъ; оно было поручено троицкому старцу Арсенію Глухому и клементьевскому священнику Ивану Насѣдкѣ; Арсеній зналъ по гречески и слѣдовательно былъ способенъ къ этому дѣлу. Въ 1617 году оба исправителя жаловались на множество ошибокъ въ рукописяхъ и требовали помощника; къ нимъ присоединили троицкаго архимандрита Діонисія; исправленіе пошло успѣшнѣе и обнаружило важныя ошибки, и когда началось дѣло объ этомъ, то невѣжество восторжествовало: въ 1618 году православные исправители были объявлены еретиками, подверглись жестокому гоненію.... Обвинителями были — троицкій уставщикъ Филаретъ, ризничій дьяконъ Маркеллъ да головщикъ Логгинъ; послѣдній служилъ прежде справщикомъ книгъ при типографіи и отличался своимъ невѣжествомъ. Но торжество ихъ было непродолжительно; прибытіе іерусалимскаго патріарха Ѳеофана въ Москву далъ другой оборотъ дѣлу; по его предложенію Діонисія и Арсенія освободили изъ темницы; въ 1626 г. они были вполнѣ оправданы.... Кромѣ ложныхъ толкованій и ученій, духовное начальство должно было вооружиться противъ суевѣрій: такъ въ 1628 году у церковнаго дьячка Семена Григорьева обыскали какія-то гадальныя тетради, именуются *Рафли;* тетради, по указу патріарха, сожгли, дьячка сослали въ монастырь на черную работу (1). Потребность въ исправленіи книгъ, горькій примѣръ осужденія исправителей по проискамъ еретиковъ, необходимость борьбы съ ложными толками и ученіями, съ невѣжествомъ, побужденія восточныхъ патріарховъ, — все это заставляло думать о введеніи школьнаго образованія, и вотъ патріархъ Филаретъ заводитъ въ Чудовѣ монастырѣ Греко-латинское училище, которое поручено было извѣстному исправителю книгъ, Арсенію Глухому.

Касательно церковнаго управленія въ 1625 году государь, по совѣту и по прошенію отца своего Филарета Никитича, возстановилъ прежнее право патріарха судить духовенство, крестьянъ и всякихъ людей, принадлежащихъ къ подвѣдомственнымъ патріарху монастырямъ, соборнымъ церквамъ, ружнымъ и приходскимъ храмамъ, во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, потому что во время междупатріаршества и гражданскій судъ надъ ними принадлежалъ Приказу Большого Дворца (2).

(1) Акты Арх. Эксп., III, № 176. См. также Акты Истор., т. III, №№ 137, 190.
(2) Собр. гос. гр. и дог. III, № 71[illegible]

Такова была дѣятельность правительства по сю сторону Уральскаго хребта; но въ то время, какъ Московское государство напрягало всѣ свои силы, чтобъ выйти изъ того страшнаго положенія, въ какое повергла его эпоха смутъ, въ то время, какъ на западныхъ границахъ своихъ оно отдавало цѣлыя области полякамъ и шведамъ, для того, чтобъ безъ помѣхи возстановить внутренній нарядъ и собрать силы, — въ то время на востокѣ, по ту сторону Урала, малочисленныя товарищества русскихъ людей, которые носили тоже имя казаковъ и отличались тѣмъ же характеромъ, какъ и по сю сторону Урала, пробирались по пустыннымъ рѣкамъ все далѣе и далѣе къ Восточному океану и границамъ китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя разсѣянныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто выводя ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя иногда приходилось платиться жизнію. Благодаря страсти казаковъ отъискивать новыя *землицы*, Московское государство въ царствованіе Михаила Θеодоровича увеличилось на 70,000 квадратныхъ миль. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ происходило это распространеніе русскихъ владѣній, какъ отъискивались новыя землицы, взглянемъ на донесенія нѣкоторыхъ изъ вождей отдѣльныхъ предпріятій; такъ одинъ изъ нихъ, Василій Власьевъ, доносилъ, что онъ съ отрядомъ ходилъ на братскихъ людей (т. е. на бурятъ), Чепчугуевъ улусъ погромили, побили людей человѣкъ съ 30, а живкомъ взять не могли ни одного человѣка, что тѣ тунгусы сѣли въ юртахъ въ осаду; и тѣмъ Братомъ и Чепчугую говорить черезъ толмача велѣли тунгуса, чтобъ онъ Чепчугуй въ осадѣ не сидѣлъ и сдался бы на государево имя, и онъ Чепчугуй сталъ говорить тунгусу: «Али де вы не знаете Чепчугуя, каковъ де Чепчугуй своею головою?» и учалъ изъ юрты стрѣлять: «живъ де я вамъ, козаки, въ руки не дамся;» ранилъ Θедку Балагора, и на комъ были куяки и пансыри, и онъ куяки пробивалъ насквозь; и мы по юртамъ стрѣляли, и въ юртахъ стрѣльбою взять не могли, и мы юрту зажгли, и онъ Чепчугуй сгорѣлъ, а не сдался съ сыномъ своимъ, а жену выкинулъ и съ дѣтьми саму третью верхомъ» (*). — Какъ скоро русскіе приводили кого нибудь изъ туземцевъ подъ государеву высокую руку, то сейчасъ же начинали распрашивать его о земляхъ, лежащихъ далѣе до самыхъ границъ китайскихъ; такъ тотъ же Власьевъ доноситъ: «Послѣ смерти Коршуна и Адалучая поили государевымъ виномъ и государевы имъ подарки далъ, два аршина сукна краснаго да блюдечка оловянныхъ три фунта, да тогожъ числа, у него у Коршуна, противъ наказной

(*) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 91.

памяти, распрашивали про Ламу (море) и про Тунгусскую вершину, и про Мугальскихъ людей, и каки по Ламѣ живутъ люди, и Мугальской Князецъ далечель отъ нихъ живетъ, и кто именемъ, и городы и остроги у нихъ есть ли, и какой у нихъ бой, и въ Китайское государство коею рѣкою ходятъ, и колко судового ходу или сухимъ путемъ до Китайскаго государства, и Шилка рѣка сколь отъ нихъ далече, и Ладкай Князецъ, который живетъ на Шилкѣ, коль отъ нихъ далече, и серебреная руда на Шилкѣ и мѣдная далечель отъ Ладкая, и какой хлѣбъ на Шилкѣ родится», и проч. — Недостатокъ въ хлѣбѣ сильно безпокоилъ русскихъ людей, хлѣбоѣдцевъ по преимуществу: въ сороковыхъ годахъ царь велѣлъ смотрѣть на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, и тѣ мѣста велѣно смѣтить, сколько на нихъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно (¹). По государеву же указу воевода Веревкинъ велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ, на торгу и по деревнямъ кликать не однажды: «кто похочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ рѣкѣ, и имъ лготы на пять лѣтъ, а послѣ лготы давать имъ на государя отъ всей своей пахоты пятый снопъ; а на Ленѣ рѣкѣ, которые похотятъ въ пашнѣ жъ сѣсть, и тѣмъ изъ государевы казны на лошадь денги не въ отдачу, а на другую лошадь дать денегъ въ займы изъ государевой же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы и косы и сошники, и на государевы десятины семяна по вся годы государевы, а пахать имъ на государя отъ своей пахоты съ перваго году семую десятину въ полѣ, а въ дву (²) потомужъ.» Правительство подтверждало воеводамъ, чтобъ они обращались кротко съ покорившимися туземцами: «служилымъ людямъ приказывати накрѣпко, чтобъ они холячи по ясамъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому никакихъ никоторыми мѣрами не чинили, сбирали бъ съ нихъ государевъ ясакъ ласкою и привѣтомъ, а не жесточью и не правежемъ, чтобъ съ нихъ сбирати государева ясака съ прибылью, а жесточибъ имъ въ томъ никакой не учинить, имать бы съ нихъ государевъ ясакъ, по сколку будетъ мочно, по одиножды въ годъ, а по два и по три ясаку на одинъ годъ не имати. А будетъ которые новыхъ землицъ люди учнутъ чиниться непослушны, велѣть ихъ преже уговаривать ласкою, всякими обычаи, чтобъ ласкою и привѣтомъ уговорить и къ шерти привесть; а будетъ никоторыми мѣрами тѣхъ непослушниковъ уговорить будетъ не мочно, и тѣхъ велѣть смирять войною, небольшимъ раззореньемъ, чтобъ ихъ

(¹) Дополн. къ акт. истор. т. II, № 90.
(²) Тамъ же, № 92.

смирить слегка. А къ себѣ воеводамъ и дьякамъ и подъячимъ и служилымъ людямъ никакихъ иноземцевъ и женъ и дѣтей ихъ во дворъ къ себѣ не имати, и засылкою самимъ ни укого не покупати, и не крестити, и на Москву съ собою не вывозити и ни съ кѣмъ не высылати, и служилымъ и всякимъ людемъ крестить не велѣть же, чтобъ Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустѣла. А будетъ кто изъ ясачныхъ людей похочетъ самовольно креститься, и тѣхъ людей велѣть крестить, сыскавъ объ нихъ допрямо, что своею ли волею они хотятъ креститься, а крестъ устраивать ихъ въ государеву службу, и верстать ихъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, смотря по людемъ, кто въ какую статью пригодится, въ выбылые русскихъ служилыхъ людей мѣста; а будетъ кто изъ нихъ женскаго пола, жонки или дѣвки, похотятъ креститься, и тѣхъ жонокъ и дѣвокъ велѣть крестить, и выдать за мужъ за новокрещеного жъ и за русскихъ служивыхъ людей» (*). Здѣсь, съ одной стороны, замѣчательна благодѣтельная

(*) См. также память сибирскому архіепископу Макарію о управленіи епархіею (въ Описаніи государ. арх. старыхъ дѣлъ, стр. 263): «А которыя Татарове похотятъ креститца своею волею, а не изъ неволи. и ему, архіепископу, тѣхъ Татаръ велѣти крестити, и лутчихъ держати у себя во архиепискупьи и поучити всему крестьянскому закону, и покоити ихъ, какъ мочно, а иныхъ роздавати кресгить въ монастырѣ. А какъ новокрещевые изъ подъ начала выйдутъ; и архіепископу ихъ звати къ себѣ ѣсти почасту и ихъ покоити. А которые Татарове учнутъ къ нему челомъ ударити приходити, и тѣхъ потомужъ велѣти кормити и поити, какъ мочно, и говорити съ ними кротостію, и приводити ихъ ко крестьянскому закону, разговаривати съ ними тихо, со умиленіемъ, а жесточью съ ними не говорить.... А которой Татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ нему, архіепископу, отъ опалы, отъ каковы ни будетъ, опричь измѣны, и похочетъ креститись, и ему тѣхъ Татаръ прінмати и держати ихъ у себя бережно, и о томъ писати ко государю и къ отцу ево государеву, подлинно, это отъ каковы вины прибѣжитъ, а до ихъ государева указу тѣхъ Татаръ не крестить; а того Татарина бояриву и воеводамъ и діакомъ до указу никакъ не отдавать. А котораго Татарина въ каковы вины, опричь большія измѣны, велятъ бояринъ и воеводы и діаки казнить, а придутъ объ немъ къ архіепископу иные Татарове бити челомъ о жалованьѣ, и архіепископу тѣхъ посылати опрашивать, и по совѣту боярина и воеводъ и дьяковъ имати тѣхъ людей за себя, хоть и будетъ и креститца не похотятъ, и ихъ къ тому неволею не нудить; а на смерть ихъ боярину и воеводамъ и діакомъ не выдавать, а держать ихъ у себя архіепископу въ крѣпости до государева указу. Да держати архіепископу зъ бояриномъ и воеводами и діаки совѣтъ о великихъ государевыхъ дѣлахъ, опричь кровныхъ и убойственныхъ дѣлъ. А на которыхъ Татаръ будетъ у нихъ опала не великая, и похотятъ которыхъ остраститъ казнью, и до казни не дойдетъ, и они бы бояринъ и воеводы и діаки, о тѣхъ сказывали ему, архіепископу, а ему отъ нихъ тѣхъ отъ вины отпрашивати, хотя будетъ, о комъ и челобитья не будетъ. И всякими обычаи, какъ возможно, такъ архіепископу Татаръ къ себѣ пріучати, и приводити ихъ ко крещенью съ любовью, а страхомъ и жесточью ко крещенію никакъ не приводити. А услышитъ архіепископъ какое безчинство

терпимость, съ другой — отсутствіе національной исключительности; отсутствіе презрѣнія къ чуждымъ племенамъ, на какой бы низкой ступени послѣдніе ни стояли; вспомнимъ, какъ поступали другіе европейцы съ народонаселеніемъ новооткрытыхъ земель: принятіе христіянства туземцами не освобождало ихъ отъ рабства, всякаго рода притѣсненій и презрѣнія со стороны европейскихъ колонистовъ; у насъ же бурятъ, тунгусъ, какъ скоро принималъ христіянство, становился русскимъ совершенно, пользовался правами остальныхъ подданныхъ государства. — Несмотря, однако, на увѣщанія правительства, воеводы и приказные люди въ столь отдаленныхъ отъ правительственнаго центра областяхъ, каковы были сибирскія, позволяли себѣ какъ съ туземцами, такъ и съ русскими разнаго рода противозаконные поступки; русскіе поселенцы, искатели новыхъ землицъ, сбродъ людей, не отличавшихся и прежде своею нравственностію, дичали, грубѣли еще болѣе въ пустыняхъ сибирскихъ при постоянныхъ столкновеніяхъ съ одними дикарями; главная цѣль, для которой они пришли за Уралъ и подвергались всякаго рода опасностямъ, это — обогащеніе, и вотъ они не разбираютъ средствъ для достиженія этой цѣли, для скорѣйшаго какъ можно обогащенія себя на счетъ своихъ и чужихъ. Отсюда объясняется намъ картина сибирскихъ нравовъ, какую представляютъ намъ патріаршія и царскія грамоты къ архіепископу и воеводамъ сибирскимъ (*).

Изъ обзора событій царствованія Михаила Ѳеодоровича можно притти къ слѣдующимъ выводамъ объ историческомъ значеніи этого царствованія. Прежде всего читатель останавливается здѣсь на усиліяхъ царя и патріарха возстановить государственный порядокъ, нарушенный въ предшествовавшее смутное время. Но по внимательнѣйшемъ изслѣдованіи явленій читателя останавливаютъ новые способы, которые употребляетъ правительство для установленія наряда, и которые служатъ приготовленіемъ къ великимъ событіямъ, знаменующимъ въ нашей исторіи начало XVIII вѣка. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ преобразованія въ войскѣ: Годуновъ принялъ въ свою службу отряды изъ иностранцевъ; при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ составѣ рати являются иноземные полки — рейтарскіе, драгунскіе, солдатскіе, но подлѣ нѣмецкихъ рейтаръ, драгунъ и солдатъ

въ Сибирскихъ людѣхъ, въ дѣтѣхъ боярскихъ и въ посадцкихъ во всякихъ людѣхъ, или въ самихъ въ бояринѣ и воеводахъ и въ діакѣхъ какое безчинство къ закону хрестьянскому увидитъ, и архіепископу имъ говорити съ запрещеніемъ, а не уймутца за его поученіе и запрещеніе, и архіепископу тогды писати о тѣхъ ихъ безчинствахъ къ государю.»

(*) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 60; Акты Истор., III, № 113, № 114.

являются русскіе; русскіе ратные люди учатся иноземному воинскому строю. Помѣщики и вотчинники, дворяне и дѣти боярскіе живутъ еще общею жизнію съ остальнымъ народонаселеніемъ городовъ и уѣздовъ; но вотъ является новое учрежденіе, которое необходимо должно было повлечь за собою великую перемѣну въ ихъ бытѣ: это учрежденіе — постоянное войско съ европейскою дисциплиною. Вслѣдствіе этого новаго учрежденія дворяне и дѣти боярскіе обязаны постоянною службою, которая возвысила ихъ надъ остальнымъ народонаселеніемъ, освободила изъ общей городовой и уѣздной жизни, поставила имъ въ обязанность учиться, образовала изъ нихъ высшее, благородное сословіе, повела къ уничтоженію мѣстничества, дала дорогу личной заслугѣ. Церковь при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ принимала сильныя мѣры для исправленія нравственности; эти мѣры находятся въ тѣсной связи съ мѣрами, имѣвшими мѣсто при послѣдующихъ царяхъ — Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ положено начало исправленію книгъ церковныхъ, при немъ явилась первая школа. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иностранцу Марселису сдѣлано было важное дипломатическое порученіе, котораго не могли исполнить прежніе послы: въ слѣдующее царствованіе мы увидимъ, какъ Ордынъ-Нащокинъ способствовалъ преобразованію Посольскаго Приказа. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иностранцы заводятъ фабрики въ Россіи; при немъ наконецъ вызывается астрономъ и географъ Олеарій съ объявленіемъ, что такой мастеръ нуженъ для государства: если дѣду понадобился астрономъ и географъ, то удивительно ли, что внуку понадобилась Академія Наукъ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

1850 года, ноября 1-го.

ДОПОЛНЕНІЕ.

1) Относительно исторіи смутнаго времени, царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича нѣкоторыя любопытныя подробности представляетъ книга: «Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władisława IV i Iana Kazimierza, z rękopismy widal K. W. Woycicki. Такъ, напримѣръ, въ первомъ т., стр. 8, любопытно свидѣтельство поляка о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ его соотечественниками въ московскихъ областяхъ при второмъ Лжедимитріи. Любопытны подробности объ осадѣ Смоленска Сигизмундомъ, о которой авторъ Памятниковъ говоритъ, что она по славѣ своей должна

занимать второе мѣсто послѣ осады Остенда испанцами и императорцами. — Относительно движенія Ходкѣвича къ Москвѣ въ Памятникахъ читаемъ (I, 25), что дѣлу поляковъ много мѣшала вражда между Потоцкимъ, котораго король назначилъ смоленскимъ губернаторомъ, и Ходкѣвичемъ, которому велѣлъ итти къ Москвѣ; Потоцкому не хотѣлось, чтобъ слава завоеванія Москвы досталась Ходкѣвичу: отсюда двѣ стороны въ войскѣ — сторона Потоцкаго и сторона Ходкѣвича; первая не хотѣла какъ должно биться съ московскими войсками и заводила смуту. — Авторъ Памятниковъ говоритъ (I, 26), что многіе поляки вышли изъ Кремля, расхитивъ сокровища царской казны; это подтверждаютъ намъ и лѣтописи, говоря, что Сапѣга *нахватался* казны государевой; авторъ Памятниковъ говоритъ, что въ это время были взяты двѣ царскія короны: одна, присланная отъ императора Максимиліана царю Іоанну, другая — самозванцева, золотая съ жемчугомъ и дорогими камнями, — скипетръ изъ единороговаго рога и проч. — Относительно осады Можайска королевичемъ Владиславомъ, въ 1618 году, авторъ Памятниковъ говоритъ (I, 62), что королевичъ, не желая тратить времени подъ Можайскомъ, велѣлъ охотникамъ сдѣлать приступъ, при чемъ Варѳоломей Новодворскій, мальтійскій кавалеръ, бросившись съ королевскою гвардіею противъ осажденныхъ, сдѣлавшихъ вылазку, былъ подстрѣленъ, что заставило всѣхъ другихъ отступить. Послѣ неудачнаго приступа къ Москвѣ Владиславъ совѣтовался съ своими, какъ быть, и всѣ единогласно отвѣчали, что москвитянъ можно одолѣть только продолжительною войною, для которой нѣтъ денегъ, и потому должно мириться. Притомъ въ руки русскихъ попало письмо къ королевичу отъ подканцлера короннаго Андрея Липскаго, въ которомъ тотъ писалъ, что необходимо заключить скорый миръ съ Москвою, ибо Польша должна приготовляться къ войнѣ съ турками и крымцами. Относительно подробностей борьбы Шеина съ Владиславомъ подъ стѣнами Смоленска авторъ Памятниковъ говоритъ (I, 214), что московское войско привезло съ собою новыя пушки, купленныя въ Голландіи; въ одну изъ нихъ входило 80 фунтовъ пороху. Губернаторомъ Смоленска былъ Станиславъ Воеводскій, который отбивался 8 мѣсяцевъ и готовъ былъ уже сдаться, какъ получилъ помощь изъ Польши; сперва прибылъ князь Христофъ Радзивилъ, гетманъ в. к. Литовскаго, а за нимъ и самъ король, и расположился на Покровской горѣ. Радзивилъ прорвался сквозь московскіе окопы и сдѣлалъ свободнымъ сообщеніе съ городомъ; но Мартинъ Казановскій, воевода подольскій, ударивши на окопъ князя Прозоровскаго, послѣ кровавой битвы принужденъ былъ отступить, потерявши 300 человѣкъ; но когда Радзивилъ отобралъ московскіе окопы, находившіеся ближе къ смоленскимъ стѣнамъ, надъ рѣкою Днѣпромъ, то и князь Прозоровскій бросилъ свой окопъ, боясь, чтобъ поляки не отрѣзали его отъ главнаго войска. Осадивъ Шеина въ обозѣ, при чемъ осаждающіе и осажденные терпѣли одинакую нужду, король выслалъ Казановскаго навстрѣчу московскому войску, шедшему на помощь къ Шеину; Казановской подъ Дорогобужемъ не-

чаянно напалъ на русскіе отряды, еще неуспѣвшіе соединиться, и разбилъ ихъ. Пять слишкомъ мѣсяцевъ сидѣлъ Шеинъ въ обозѣ и принужденъ былъ къ капитуляціи особенно иностраннымъ войскомъ, которое не привыкло переносить нужду, какъ московское. Эти показанія въ сущности сходны съ другими свидѣтельствами, о которыхъ см. Берха — Цар. Михаила Ѳедоровича. I, 189 и слѣд.) Послѣ шеинской капитуляціи, Владиславъ, по словамъ автора Памятниковъ, не подступалъ къ Вязьмѣ и на дорогѣ къ ней перемѣнилъ планъ и пошелъ къ Бѣлой; здѣсь получилъ онъ вѣсть, что турки, побуждаемые Москвою, равно какъ и шведы, готовятся къ войнѣ: это заставило его согласиться на мирныя предложенія московскихъ пословъ.

2) Въ первомъ томѣ Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte, herausgegeben von Fr. Miklosich 1851 г., напечатана по русски грамота князя Пожарскаго и всѣхъ вождей второго ополченія къ императору Рудольфу II изъ Ярославля, отъ 20 іюня 1612 г., съ прописаніемъ всѣхъ неправдъ Сигизмунда III и съ просьбою о посредничествѣ между нимъ и Московскимъ государствомъ.

3) Г. Мельниковъ напечаталъ статью: Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени (Москвит. 1850, ноябрь, кн. I); свѣдѣнія эти почерпнуты имъ изъ Лобковскаго и другихъ хронографовъ; здѣсь между прочимъ находятся извѣстія о Биркинѣ и Мининѣ: стряпчій Биркинъ былъ присланъ въ Нижній Ляпуновымъ: онъ служилъ сперва Шуйскому, потомъ Тушинскому вору. потомъ опять Шуйскому, опять измѣнилъ ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и, какъ сказано, отправленъ послѣднимъ въ Нижній. Въ Нижнемъ считали Биркина человѣкомъ ненадежнымъ, земскій староста Кузьма Мининъ называлъ его сосудомъ сатаны. Когда въ октябрѣ 1611 года нижегородцы получили лаврскую грамоту, то воеводы и духовенство собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Св. Сергій явился мнѣ нынѣ во снѣ и повелѣлъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу.» Стряпчій Биркинъ противорѣчилъ, но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ, что догадывается о его замыслѣ. На другой день нижегородцы сошлись въ Соборѣ: тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и въ заключеніе прочелъ лаврскую грамоту; послѣ этого началъ увѣщевать Мининъ,—и почасту сходились. — Пожарскій жилъ тогда въ Суздальскомъ уѣздѣ, и къ нему посланъ былъ съ предложеніемъ отъ нижегородцевъ дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ. — Любопытны слова Лобковскаго хронографа о причинахъ вражды смольнянъ къ полякамъ и Литвѣ: » А Смольнянамъ, поляки и Литва грубны. искони вѣчные непріятели, жили Смоляне съ ними поблизку, и бои съ ними бывали частые. — Мы въ своемъ разсказѣ представили эту же причину сильной вражды смольнянъ къ своимъ сосѣдямъ, не зная, что и современники также объясняли себѣ дѣло.

ОБЗОРЪ